

Генри Лайон Олди

ПРИЮТ ГЕРОЕВ

Генри Олди
Приют героев

«Автор»

2005

Олди Г. Л.

Приют героев / Г. Л. Олди — «Автор», 2005

Шестеро постояльцев гостиницы «Приют героев» сгинули без вести в результате ночного налета таинственных злоумышленников. Расследование преступления поручено двум конкурирующим службам, но барон фон Шмуц, обер-квизитор Бдительного Приказа, и магичка высшей квалификации Генриэтта Куколь, вигилла Тихого Трибунала, еще не знают, куда приведут их дороги следствия. Возможно, это будет зловещий Чурих, гнездо некромантов, или цитадель Черно-Белого Майората, где в давние времена шагнул с балкона в вечность магистр самого нелепого из рыцарских орденов...

© Олди Г. Л., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Prologus	6
Liber I	10
Caput I	10
Spatium I	22
Caput II	25
Spatium II	40
Caput III	43
Spatium III	55
Caput IV	59
Spatium IV	70
Caput V	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Генри Лайон Олди

Приют героев

Для многих открытие простого факта, что черное и белое – всего лишь слова, но никак не противоположные объекты в морали, этике и обыденности, является невероятной ценностью, долженствующей подтвердить их высокий уровень мудрости. Так ребенок хвастается перед матерью пойманной жуужелицей, в которой для дитяти сокрыты все красоты мироздания, и вызывает в лучшем случае брезгливую улыбку. Раскаленное добела железо, касаясь зрачков, дарует вечную черноту. Из черных туч падает белый снег. Тень хороша темная, а имя – светлое, но бывает и наоборот. Ну и что? Вы хотите сказать мне, что здесь сокрыты некие тайны?

Из записей Нихона Седовласца

Люди не знают теневой стороны вещей, а именно в тени, в полумраке, в глубине и таится то, что придает остроту нашим чувствам. В глубине вашей души – я.

Е. Шварц. «Тень»

Prologus

Скрип-скрип, скрип-скрип...

Хорошее начало великого пути.

Стратег Герман прошелся из угла в угол, ловко подхватив со стола кубок с вином. Новые бежевого цвета ботфорты при ходьбе слегка поскрипывали в такт шагам. Да, разумеется, Завет предписывал рыцарям Утренней Зари хранить белизну чести, помыслов, одежды и обуви.

Однако на время квеста делалось послабление. Слишком уж хороший подарок стрелкам Черного Аспида – белоснежные фигуры на обугленной и покрытой пеплом земле вокруг Цитадели. В данном случае Завет лишь мягко рекомендовал «по возможности, светлые тона», но не настаивал категорически.

Молодой стратег следовал рекомендациям: бежевые ботфорты, сливочно-кремовые лосины, новомодный, зауженный в талии камзол из блекло-голубого сукна, два ряда серебряных пуговиц... Впрочем, в сменном гардеробе имелись одеяния и более темной расцветки. Командор обязан предусмотреть все, пусть даже подобные мелочи не относятся к сфере стратегии или тактики. Помнится, гранд-профессор Люгель Двуглавый с кафедры фунстрата вечно твердил на лекциях:

– Победа начинается не с флангового прорыва кавалерии, а с запасных гетров в сундучке барабанщика!

Герман невольно улыбнулся, вспомнив старика с его афоризмами, но быстро подавил улыбку.

Не место и не время.

Минуту-другую он изучал барельеф над камином. В отличие от аляповатых полотен, развешанных в гостинице на каждом шагу, барельеф был сделан с большим искусством. Не чета мазне наемных живописцев-батальеров! Одухотворенные лица рыцарей, разивших гнусных слуг Черного Аспида сталью и чарами, казалось, светились изнутри. Будто Свет, коему они служили, наполнил души до краев и теперь извергался наружу.

Отблески пламени камина?

Или тут не обошлось без толики маны?

Сам Герман, не будучи магом, этого определить не мог, а отвлекать Кристофера из-за подобной ерунды считал глупым и бестактным.

Он отхлебнул эмурийского муската, оценил тонкость букета и не торопясь обернулся. Цепким взглядом окинул Белую залу и верных соратников, словно оценивал войско и диспозицию перед грядущим сражением. Ярко горели свечи в шандалах и канделябрах – под потолком, на стенах, на ломберном столике в центре. Близилась полночь, но здесь огонь не оставлял места тьме, изгоняя ее из самых дальних закутков. Символично. В присутствии собравшихся, равно как в их сердцах, возможен только самый чистый, самый яркий, самый жизнотворящий огонь, без малейших примесей дыма или копоти.

Пафос? Разумеется.

Но пафос есть страдание человека, ведомого сильной страстью.

А среди нас нет тех, кто хохочет над страданием и презирает страсть.

Состав квесторов и впрямь подобрался весьма удачный. Герман не поленился ознакомиться с архивами Ордена и с радостью удостоверился: его отряд уникален. В високосный поход к Цитадели отправлялись благородные мастера меча, бранные маги и волхвы-радетели; изредка – искусные охотники и следопыты, решившие посвятить себя идеалам Равновесия. Но досель не бывало случая, чтобы квест возглавил выпускник факультета фундаментальной стратегии, с отличием окончивший магистратуру университета в Бравалле! И никогда еще под началом дипломированного стратега-универсала не собиралось воинство столь исключительных достоинств.

Вот, к примеру, Кристофер Форзац. Стоит у окна спиной ко всем, в неизменной серой хламиде похожий на свечу-великаншу, увенчанную светлым пламенем шевелюры. Настраивает лежащий на подоконнике хрустальный шар-обсервер. Лица Криса не видно, но наверняка он беззвучно шевелит губами, бормоча заклятия. Он часто шевелит губами, даже если не колдует, а просто задумается. Тонкие пальцы музыканта ласково оглаживают шар, будто котенка. Волхв-радетель? Прорицатель-люминосернер? Как бы не так! В его годы – искусный некромант-вербовщик, год назад с блеском защитил диссертат, играючи сдав кандидатский практи-

кум по разверзанию могил! При этом убежденный сторонник Утренней Зари. Ну, скажите на милость, когда и где некрот сражался против Зари Вечерней?

– Герман, время! Я готов!

– Ты всегда готов, Джеймс. Не спеши, придет и твой час...

Младший отпрыск древнего, хотя и захудалого рода, гениальный боец, лучший ученик маэстро Франтишека Челлини – Джеймс Ривердейл вписывался в отряд, как виртуоз-скрипач в камерный оркестр. Именно на таких людях и держится Равновесие. С Джеймсом стратег близко сошелся еще во время вступительных испытаний и теперь несказанно рад блистательному союзнику. Радость – это хорошо. Радость – залог победы. «Ибо радость воодушевляет на подвиги, придает силу и отвагу, ведя прямой дорогой к крушению замыслов Черного Аспида», – сказано в Завете.

Джеймс перехватил взгляд Германа – легко, играючи, как перехватывал чужой клинок на выпаде, – и, отбросив упавшие на лоб русые волосы, подмигнул другу. Брось, мол, волноваться, мы обречены на успех! Если бы успех задуманной авантюры зависел только от Ривердейла, командор был бы спокойней надгробной плиты... Отхлебнув еще глоток вина, Герман укорил себя за неуместное сравнение; и снова укорил – за смешную суеверность. А ведь не зря всплыло, не случайно. Свою миссию стратега он на первом этапе выполнил с честью; теперь черед за тактиками – Джеймсом и Кристофером, воином и магом.

– О чем задумался, красивый?

Игривое контральто, полное мягких обертонов, с едва заметной хрипотцой на доньшке. От голоса Агнешки командора пронзала сладостная дрожь, и перед этой слабостью пасовал даже «золотой» диплом магистра с отличием.

Стыд и позор.

На миг войдя в смысло-транс, Герман вернул душе спокойствие и обернулся к Агнешке. Обнаружив, что красавица-оборотень, нимало не смущаясь, сидит на коленях у Санчеса, а вор обнимает ее за талию. Спокойствие мигом улетучилось, а сам стратег безнадежно покраснел. Нет, он не мальчишка, он взрослый человек и все чудесно понимает – любовь, страсть, наконец, банальное кокетство! – но существуют же некие границы приличия!

– Я думаю о нашем общем деле. И всем бы рекомендовал собраться с мыслями.

– А к чему наперед загадывать? – искренне удивилась Агнешка, наматывая на палец белокурый локон. – Чай, я среди вас одна девица незамужняя, мне и гадать: на суженого-ряженого, на подарки-приданое. Вот как начнется заварушка, тут уж мне лучше не зевать, беречь честь смолоду. Ты главный, твоя и забота – допрежь рассчитывать-прикидывать.

И с внезапной теплотой улынулась Герману:

– Не бойся, командор, не оплошаем. Учуем, выманим и горло вырвем. По-нашему, по-девичьи.

Ответной улыбкой Герман поблагодарил девушку за добрые слова. Сейчас любое ободрение было на вес золота. Ведь это – первая настоящая кампания стратега. Он любой ценой обязан добиться успеха! И не только потому, что квесторы верили ему свои жизни. Есть нечто неизмеримо более значимое! Четырехлетний цикл подошел к концу, и теперь от них зависит: падет ли Цитадель, придет ли конец тирании Черного Аспида? О, в мечтах Герман уже видел, как, словно по волшебству, белеют угольно-черные стены Цитадели, как взмывает над башней победоносный стяг Утренней Зари, восходящее солнце щедро золотит знамя победителей, и сквозь истерзанную, обожженную, растрескавшуюся землю пробивается первая зелень всходов.

Вот цель, достойная дворянина и патриота!

И пусть смеются циники, тычут пальцем глупцы, ухмыляются обыватели, проклиная «мзду на равновесие» и желая избавиться от бессмысленной, по их куцым меркам, растраты – не им, жалким и скудным, суждена высокая жизнь и великая честь!

– Тревога, дамы и господа... Овал Небес! К бою!

Кристофер не изменил позы, оставшись у окна. Но руки некроманта ожили, верша таинственные пассы, а плечи под хламидой сделались шире, вздувшись буграми мышц, редко свойственных магам его профиля, не признающим «Нихоновой школы». Некрот еще только начал говорить, а Агнешка уже выскользнула из объятий вора и теперь выворачивалась из платья, а казалось – из самой себя. Когда молниеносный Джеймс успел оказаться у двери, с рапирой и двулезвийной дагой в руках – командор не уследил.

– Овал Небес! – успел повторить маг, прежде чем полыхнуло всерьез.

С треском вылетела оконная рама, осыпав некроманта дождем бритвенно-острых осколков. В каждом из них пылал багровый огонь. Порыв ветра пронесся по зале, гася свечи. Герман резко пригнулся; в следующий миг арбалетный болт, глухо ухнув, снес со стены шандал над головой стратега. С ладоней Кристофера сорвалась гроздь зеленоватых виноградин, веером уйдя в ночную тьму; почти сразу некрот охнул и грудой тряпья осел на пол. Хищный силуэт возник в окне, остановив прыжок рычащей Агнешки, и оба покатались по битому стеклу.

Дверь рухнула, и Джеймс Ривердейл, засмеявшись, встретил гостей сталью.

Liber I

Конрад фон Шмуц, обер- квизитор бдительного приказа

*Проблема борьбы чистых начал, перейдя из области философии, мифологии и забав молодежи в сферу государственных интересов... Абсолютным Злу и Добру место в резервации, а никак не в нашем с вами мире, где абсолюты существуют лишь в виде теоретических абстракций.
Просперо Кольраун, боевой маг трона Реттии*

Caput I

«А в этом отеле на мягкой постели заснешь – и не встать поутру...»

1

- Позвольте вашу ручку! Вашу драгоценную! Сюда, сюда, на подушечку...
- Держите. Пальцы распарились?
- Чудные пальчики! Дивные! Как ноготок делаем? Лопаткой, копыцем?
- «Гусиным яичком». Кутикулу не удалять, сдвинуть кипарисовым шпателем. И край ногтя по ободку – белым лаком.
- О, ваш вкус, как всегда, безукоризнен! Основной лак – «Палевый жемчуг»?
- Нет, «Жемчужный иней».
- Великолепно! Приступим, приступим...

Пока опытный цирюльник-ноготьярь трудился над его пальцами, барон Конрад фон Шмуц внимательно, чтобы не сказать придиричиво, следил за вторым цирюльником – стригунцом, обслуживающим служебный парик барона. Мастер, покончив с завивкой буклей, легко укрепил косу на золотой проволоке и сейчас, умело орудуя заколками и обручем, придавал парику форму. Рядом ждали своего часа пудреница, помада для волос, сваренная из медвежьего жира с гелиотропом, и серебряная брошь – самка грифона распростерла крылья над гнездовьем.

Строгий взгляд барона потеплел и смягчился.

Цирюльня «Иридхар Чиллал», основанная беглым одноименным куафером из Ла-Ланга, приговоренным на родине к змеиной яме пожизненно за искажение облика царствующей особы, славилась по всей Реттии. Трудились здесь виртуозы, большей частью нелегалы. Хозяин, воспитанный в восточной строгости, регулярно напоминал работникам о прелестях змеиных ям и вечной правоте клиентов, так что жаловаться не приходилось.

А какое здесь водилось огуречное масло!

А каких пиявок ставили к вискам и на запястья!

Мысль о пиявках по странной прихоти напомнила барону о назначенной на сегодня дуэли с наглым корнетишкой Лефевром, приемным сыном полка конных прашников. Юнец, молоко на губах, жидкие усишки, а туда же! Вслух, в офицерском собрании, рассуждать о достоинствах и недостатках сотрудников Бдительного Приказа, умаляя первые и превознося вторые... Нахал изволил с пренебрежением отозваться о раскрытии «Дела мокрого ублюдка», за которое

¹ Здесь и далее – избранные цитаты из народных реттийских песен прошлого столетия, опубликованных в сборнике «Фольклор Отечества» под редакцией Адальберта Меморандума, штабс-секретаря Ложи Силлаботоников.

Конрад, обер-квизитор огульно бранимого Приказа, получил первый ранг и благодарность от прокуратора Вильгельма Цимбала. Дескать, буйного маниака, задержанного с поличным, при оказании сопротивления зарубит каждый дурак! – а если ты не дурак, как большинство Бдящих, то изволь взять живьем да препроводить в кутузку! Рубить мы все горады...

И корнет многозначительно опустил ладонь на эфес сабли.

«Молодой человек! – сказал ему барон, не обращая внимания на шум собрания, частью разделяющего смехотворные взгляды юнца. Падение нравов давно не удивляло Конрада фон Шмуца. – Когда в следующий раз я буду брать маниака, я непременно обращусь к вам за советом. Поскольку сам в теории не силен, предпочитая сухую практику. Вам же, равно как и вашим сослуживцам, коих прошлой осенью изрядно отмузузили ятричанские кожевники, я бы рекомендовал пореже рассуждать о чужой компетентности...»

Жаль, дальнейшие пассажи, истинные перлы красноречия, так и не прозвучали. Корнет побагровел, запустил в голову барона кружкой с грогом, промахнулся и довел дело до дуэли. А поскольку нанесение телесных повреждений сотрудникам Бдительного Приказа каралось смертной казнью через замораживание, барону пришлось отправить посыльного в спец-арсенал – заказать «секундантов». Сабли-болтушки, единственное оружие, с которым квизиторам всех рангов разрешалось выходить на поединки чести, без предварительного заказа на руки не выдавались.

«Завтра вечером, молодой человек, – тоном, способным заморозить выскочку без суда и следствия, бросил обер-квизитор. – В час Сурка, на закате; возле обители Веселых Братьев. И прошу не опаздывать, я вам не девица на выданье...»

Корнет ждать до завтрашнего вечера не хотел, но его, связав и бросив в угол, уговорили более разумные сослуживцы. Вряд ли семье Лефевра было бы приятно хранить в родовом склепе ледяную статую мальчишки, ежедневно следя, чтоб не растаяла...

– К вам курьер, ваша светлость!

Голос цирюльника вывел Конрада из задумчивости. Есть народная примета: курьер в выходной день – к неприятностям. А народ, он зря не скажет.

– Деша? Устное послание? – осведомился барон с явным раздражением.

– Деша, ваша светлость.

– Пусть войдет и зачитает.

– Вслух?

– Разумеется, вслух.

– А если там служебные тайны? – Ногтять разволновался и даже причинил барону легкую боль, дернув шпателем.

К счастью, шпатель не царапнул служебный стигмат, выколотый в ложбинке между большим и указательным пальцами правой руки Конрада. Разумеется, к счастью не для самого барона, а для растяпы-цирюльника. Топор в связке розог, право карать и казнить, – эмблема Бдительного Приказа была из тех изображений, которые вполне способны сами постоять за себя. Зная это и памятуя о наследственной вспыльчивости фон Шмуцев, бедняга-ногтять побелел как мел.

– Простите великодушно, ваша светлость! Мы люди маленькие...

В душе Конрад не гневался на цирюльника за докучливость. Будь обер-квизитор на месте гражданского реттйца, а тем паче беженца-нелегала, он тоже не захотел бы оказаться свидетелем тайн Приказа. Но брать депешу в распаренные руки, ломать печать, портя все удовольствие от посещения цирюльни... Мельком Конрад заметил, что мастер-стригунец приостановил работу над париком и ждет, напряженно морщась. Из-за шторы, отделявшей зал от лаборатории шиньонов, блестел карий глаз владельца цирюльни. В глазу явственно отражалась память о змеиных ямах и непостоянстве знатных особ.

– Ладно, – смилостивился барон, пойдя на компромисс. – Пускай курьер войдет, развернет депешу и поднесет к моему лицу. Я сам прочитаю. Без оглашения, значит, тайн.

Бравый курьер возник как по мановению волшебной палочки. Сургуч печати хрустнул, лист пергамента развернулся с насмешливым шурушанием.

«...немедленно прибыть... – разбирал Конрад знакомый витиеватый почерк, мрачно понимая, что его выходной день закончился, не начавшись, – к месту происшествия... переулоч Усекновения Главы, дом четыре, гостиница «Приют героев»... следственный наряд в составе дюжины ликторов выслан... провести осмотр с тщанием... сим заверяю...»

И подпись.

Вильгельм Цимбал, прокуратор Бдительного Приказа.

Перед уходом, в качестве утешения, барон приобрел у раболепствующего Иридхара новый набор для маникюра. В гнездах экзотической шкатулки лежали пилочки ногтевые и полировальные, палочка для заусенцев, жезл из апельсинового дерева для отодвигания кутикулы, малые ножницы и пять флаконов с лаком.

Обер-квизитор первого ранга, согласно Уставу, должен служить примером для подражания. А посещение цирюльни, сами видите, не всегда возможно довести до логического конца.

Конрад фон Шмуц презирал суеверия. И смеялся, когда ему говорили, что стричь ногти в субботу – предзнаменование либо грядущих потерь, либо прихода возлюбленного. Но сейчас, в шестой день недели, гоня вороную кобылу к переулочу Усекновения Главы, он был склонен признать наличие в суевериях зерна истины.

Хорошее настроение барон уже потерял.

Оставался приход возлюбленного.

* * *

Гостиницу заблаговременно оцепили ликторы, разогнав зевак, немногочисленных здесь, на окраине, в ранний час. Осадив кобылу на углу, Конрад разглядывал место происшествия издали, медля приблизиться. Старый метод начала следствия, многократно проверенный в деле. Первые мысли, вернее сказать – ощущения и предчувствия, смутные, полуоформившиеся, как зародыш в утробе матери, несут в себе прообраз грядущих озарений. Главное – не спешить, не давить всплывающие на поверхность пузыри-глупости. Со временем, перебродив в чане рассудка, бессмыслица станет вином понимания.

Барон знал, что склонен к сантиментам и ложному пафосу. Ну и что? Это тоже часть метода. Как и верный цинизм, ждавший своего часа в засаде.

Фасад и парадный подъезд «Приюта героев» не производили впечатления сцены, где совершился последний акт трагедии. С каштанов, росших вдоль переулоча, мирно осыпались плоды – твердые, словно изготовленные из обожженной глины. Один каштанчик треснул ближайшего ликтора-охранника по макушке: бедняга снял кивер, желая вытереть рукавом вспотевший лоб, и теперь обиженно вертел головой. В лазоревом мундире, подпоясан алым кушаком, дородный, румяный и потный от трудов праведных, ликтор чудесно дополнял картину ранней осени. Осень... желтые, багряные, темно-зеленые листья... Ликторский кивер – темно-синяя лопасть из сукна, обшитая ярко-красным галуном; плюмаж из рыжих петушиных перьев, латунная кокарда. Палитра щедрого живописца. Ага, вот и первая несообразность.

Гостиница категорически не вписывалась в пейзаж.

Она была черно-белой.

Фонари у входа: слева – черный, с обвившейся вокруг столба змеей, справа – белый, увенчанный оптимистическим голубем. Створки входной двери: правая выкрашена свинцовыми белилами, левая – казенной тушью, какая идет для отчетов и рапортов. Левая часть зда-

ния, от окошек цокольного этажа до черепицы на крыше – цвета расплавленной, пышущей жаром смолы; правая, от входа в погреб-ледник, где хранится съестное, до каминной трубы – снежная целина, девственная, не тронутая даже галочьими следами. И лепнина на стенах: голуби, горностаи, агнцы, единороги и зебры-альбиносы мигрировали на восток, зато запад прочно оккупировали аспиды, вороны, зембийские пантеры и чупакабры, сосущие кровь из домашней птицы.

Крылось в этой двуцветности что-то неприятное, вызывающее душевное отвращение.

Конрад попытался вспомнить сплетни или слухи, связанные с «Приютом героев», и в итоге остался с носом: память отказывала. Какая-то ерунда, игры золотой великосветской молодежи... нет, не игры, а проведение редкого обряда, интересного только узкому кругу посвященных... Проклятье! Ладно, вспомним. Или подадим запрос в архивы Приказа, там сыщутся любые сведения – о последнем приступе мигрени у Вечного Странника, о месячной задержке у Нижней Мамы...

– Здравия желаем, господин обер-квизитор!

Ага, заметили. У кого тут глаз самый зоркий? – ну конечно, у каштаном ударенного. Спешит навстречу, торопится, спотыкается от усердия. Вон топорик едва не выпал из-за кушака. Зря, конечно: сотрудники Бдительного Приказа любых чинов и званий должны быть степенны и внушать уважение, пускай и в присутствии непосредственного начальства.

Спешившись, барон кинул поводья подбежавшему ликтору, кивком ответил на приветствие и двинулся к гостинице. Сзади цокали копыта лошади и топали сапоги детины. Сам ликтор помалкивал, ожидая вопросов. Видимо, знал барона в лицо и помнил, что тот не любит болтунов.

Еще Конрад фон Шмуц не любил людей выше его ростом. К сожалению, таких получалось несомненное, отвратительное большинство. Посему обер-квизитор носил обувь на высоких каблуках и часто предавался мизантропии.

– Что случилось? – не оборачиваясь, поинтересовался барон.

– Осмелюсь доложить, ваша светлость, побоище. Брань с отягчающими.

– Когда?

– По всем приметам, в полночь. Шестеро постояльцев сгинули, как не бывало. В Белой зале разгром. Со стороны IV тупика – следы вооруженного сопротивления.

– Сопротивления? Кого и кому?

– Не могу знать! Полагаю, что постояльцев этим... злодеям, пожелавшим остаться неизвестными!

– Тела погибших? Раненые?

– Отсутствуют, ваша светлость! Либо вывезены, либо того... магическим путем!

– Соседей опросили?

– Тут соседей – с гулькин хвост. Какие есть, тех опросили, с тщанием...

– Ну?

– Не видели, не слышали. Заперлись ночью на все замки и тряслись от страха. Я спрашиваю: отчего, мол, тряслись, если не видели и не слышали? – пожимают плечами. Мы, говорят, всегда трясемся. По поводу и без.

– Выброс маны зафиксирован? Уровень?

– Не могу знать! Нам приказали до вашего появления не докладывать о происшествии в Тихий Трибунал!

Сняв форменную треуголку, Конрад за косу приподнял парик и осторожно почесал затылок. Прокуратор Вильгельм, опытный интриган и хитрая бестия, случайных приказов не отдает. О конфронтации между квизиторами Бдительного Приказа и вигилами Тихого Трибунала в Реттии знал каждый сопляк, торгующий пирожками вразнос. Обе службы втайне полагали, что чудесно справятся с делами любого профиля; особенно если его величество Эдвард II

расформирует конкурентов за ненадобностью, переведя часть уволенных бездельников в безусловное подчинение оставшейся службе. На всякий случай, в качестве временных консультантов и мальчиков на побегушках.

Умом барон не разделял подобных заблуждений.

Но ведь сердцу не прикажешь?!

Тем временем они подошли ко входу в гостиницу. Навстречу, нюхом учуяв высокое начальство, вылетел хозяин «Приюта героев» – узкоплечий носатый коротыш с куцей бородачкой, похожий на норного вельштерьера. Барон испытал разочарование: он втайне ожидал увидеть шута горохового в черно-белом трико. А увидел скандального бюргера, потерпевшего непредвиденный убыток и готового обвинить власти во всех смертных грехах.

За хозяином тащился частный стряпчий, с пером и бумагой в руках.

– Скандал! Безобразие! – Хозяин кипятился, брызжа слюной. Щеки его покрылись красными прожилками, кончик носа также покраснел, выдавая пагубную страсть к элю и бальзаму «Сбитень». – Сударь офицер, я честный содержатель гостиницы! Я почетный член Гильдии Отельеров! Это происки завистников! Желают опорочить! отбить клиентов! ввести в разорение! Я требую возмещения от казны и долю в имуществе пойманных злоумышленников...

– Согласно «Закону о правах потерпевших», – сухо заметил стряпчий, не прекращая на ходу делать записи. – Статья шестая, параграф второй.

И в задумчивости пощекотал ухо кончиком пера.

– Барон фон Шмуц, – представился Конрад, с раздражением дернув углом рта. Нервный тик приходил на помощь вовремя, когда требовалось поставить зарвавшегося собеседника на место. – Обер-квизитор первого ранга, кавалер медали «За рвение». С кем имею честь?

На свое счастье, хозяин имел рост еще меньший, чем барон, что слегка примиряло обер-квизитора со вздорностью ситуации.

– Э-э... Трепчик. Амадей Вольфганг Трепчик-младший, к услугам вашей светлости.

– Каких именно, сударь Трепчик, завистников вы желаете обвинить в происшествии? Имена, фамилии? Чины? Звания?

Хозяин прикусил язычок. Вряд ли кто-то из коллег завидовал ему настолько, чтобы, преследуя цели компрометации, организовать ночное побоище с вывозом раненых и мертвецов. Тайный голос подсказывал барону: здесь дело не в простой драке подвыпивших гостей. Выших офицеров Бдительного Приказа не срывают в выходные дни судить да рядить бытовые скандалы. И следственный наряд в составе дюжины ликторов на всякие пустяки не высылают.

– Успокойтесь, сударь Трепчик. Заверяю вас, я сделаю все возможное, дабы ваша репутация не пострадала. А сейчас дайте мне пройти и следуйте за мной.

И снова, при слове «репутация», в памяти всплыло что-то, касающееся «Приюта героев». Кажется, гостиница популярна среди приезжих. Даже местные жители снимают здесь апартаменты на день-другой – во время семейных торжеств, золотых свадеб или сороковин со дня похорон любимого дядюшки. Какое-то поверье, связанное с треклятой черно-белой раскраской...

Нет. Не вспоминается.

Барон разочарованно вздохнул и вошел в «Приют героев».

* * *

Шутовской стиль сохранялся и внутри гостиницы. Единственным исключением был крохотный холл, сплошь, включая пол и потолок, выкрашенный в пыльно-серый цвет. Видимо, чтобы настоящая пыль и паутина не так бросались в глаза. В холле имелась одинокая конторка, на которой лежала книга для записи постояльцев.

Конрад решил, что ознакомится с книгой позднее, и продолжил осмотр.

В левое крыло здания вела аккуратно прикрытая аспидно-черная дверь. А вот правая – по извращенной логике здешней архитектуры, вероятно, белая – отсутствовала напрочь. Косяк изрубили вдребезги, судя по характеру повреждений – боевыми топорами. Обломки лежали шагах в пяти, в коридоре, бесстыдно открытом взгляду. Там же валялся массивный засов, вывороченный, что называется, «с мясом». Барон прикинул, с какой силой терзали мученицу-дверь, и нахмурился.

– Ремонт давно делали? – спросил он, не успев подавить в душе коварный порыв сострадания.

– Этим летом! – возрыдал хозяин.

– Ну и зря...

Стараясь не наступать на изуродованные картины, опавшие со стен, словно листья с деревьев, барон прошел в глубь крыла. Каблук норовил отметиться если не на треснувшей раме, то на рваном холсте. Лица участников баталий, во множестве изображенных на полотнах, с осуждением глядели на обер-квизитора снизу вверх.

«За что?» – безмолвно интересовались герои.

Слепяще-белый коридор выводил к лестнице, застланной ворсистым ковром, похожим на снежную дорогу. Ступени уходили наверх – в жилые покои для гостей, – и вниз, в харчевню, размещенную, если верить плачу хозяина, в цокольном этаже. Заканчивался коридор еще одним раскуроченным проемом.

– Что там?

– Каминная зала, ваша светлость...

Внутри залы царил полный разгром. Как ни странно, это окончательно успокоило обер-квизитора и в некоторой степени примирило с окружающей действительностью. Во-первых, картина места происшествия оказалась типичной. Подобное Конрад видел десятки, если не сотни раз. Во-вторых, разгром предполагал наличие улик и вещественных доказательств, что, несомненно, облегчало следствие и отыскание виновных. А в-третьих, при первом взгляде на кресла, разнесенные в щепы, колченогий столик, до половины забитый в пасть камина, драную обивку дивана, опрокинутые шандалы и торчащие из стен арбалетные болты, барон испытал приступ злорадного удовлетворения. Потому как не должна захудалая гостиница на окраине сверкать чистотой, будто военный госпиталь имени королевы Якобины в дни визита августейшей покровительницы! Не должна, и все тут.

А так – совсем другое дело.

Полное соответствие канону «после драки».

Барон знаком велел хозяину оставаться в коридоре. Ушлый стряпчий сделал вид, что распоряжение его не касается, но обер-квизитор мигом пресек чужое самовольство.

– На ваш век, голубчик, убытков хватит. Хватило бы чернил... Извольте не мельтешить.

Брезгливым щелчком сбив с плеча случайную пылинку, Конрад хрустнул тонкими пальцами и вошел в залу. Да-с, брань творилась нешуточная. Неведомые злодеи брали гостей «в клещи», атакуя через окно и со стороны центрального входа. Любопытно, а черный ход здесь тоже черно-белый? Барон поднял с пола осколок стекла, оплавленный и потемневший. Следы гари на стенах, каминный барельеф в копоты... От зажигательных стрел или «чусского огня» последствия были бы иными. Начнись реальный пожар, от гостиницы к утру остались бы дымящиеся развалины. Значит, отягчающее применение боевой магии.

Ведомство Тихого Трибунала.

Но с другой стороны – стрелы, топоры...

И приказ Вильгельма Цимбала: не спешить с докладом в Трибунал.

Гоня прочь дурное предчувствие, Конрад задержался у чудом уцелевшего зеркала, поправил съехавший набок парик и продолжил осмотр. Возле дивана он был вынужден присесть на корточки. На раздавленной свече, прилипшей к доске паркета, четко отпечатался рубчатый

след. Первая зацепка? Шагнув к окну, барон кликнул ликтора, наказав прихватить холщовые мешочки для сбора улик.

В коридоре нарочито громко шептались хозяин со стряпчим:

– ...представить скрупулезнейшую опись...

– Совершенно с вами согласен, любезный сударь Тэрц! Я предъявлю им такой счет...

– Но опись надо составить незамедлительно! По горячим следам!

– Вот и скажите об этом господину обер-квизитору. Скажите! Вы – лицо официальное и имеете полное право... бить официальные лица по лицу не дозволено никому...

– Посторонись!

В дверь протиснулся ушибленный каштаном служака, неся в руках целый ворох мешков разной емкости. При желании можно упаковать половину гостиницы в качестве вещественных доказательств. Барон поморщился: усердие должно иметь свои пределы. Иначе оно граничит с глупостью и становится поводом для насмешек. А он терпеть не мог, когда посторонние насмеялись над сотрудниками Бдительного Приказа.

В спец-арсенале Конраду однажды пригрозили, что перестанут выдавать «секундантов» для дуэлей.

– Подойдите сюда. Вдоль стены, аккуратно! Ничего не трогайте, кроме того, что я вам укажу. Упакуйте вот это... и вот это... и еще...

– Ваша светлость! Я обязан включить эти предметы в опись! Дабы вчинить иск согласно параграфу...

Честно говоря, стряпчий надоел хуже горькой редьки. Кому он собирается вчинять иск? Неизвестным злоумышленникам? Гильдии Отельеров?! Но с точки зрения закона он прав, и ничего страшного не случится, если сударь... как его? Тэрц? – внесет в опись изымаемые улики. Итак, что мы приобщаем к делу? Раздавленная свеча, оплавленный осколок стекла и серебряная пуговица. Последняя, судя по чеканке, принадлежит кому-то из пропавших без вести гостей, а никак не хозяину гостиницы.

– Извольте.

– Премного благодарен за содействие, господин обер-квизитор.

Пуговица стряпчего огорчила. Он с явной неохотой признал, что в опись испорченного имущества ее включить никак не получится. Разве что в опись испорченного чужого имущества. А это пригодится лишь в оформлении наследства родственниками сгинувших постояльцев.

– Типун вам на язык! – не удержался Конрад.

Ответа не последовало. Похоже, крючок имел долю в сумме иска.

Завершив первичный осмотр и указав ликтору, что из улик следует забрать с собой, барон направился к выходу из залы.

– Хвала Вечному Страннику! Вы закончили! Сударь Тэрц, приступайте. Я уже послал за столяром, и как только вы управитесь...

– Не спешите, голубчик. Если стряпчего я еще готов терпеть здесь – разумеется, в присутствии ликторов! – то со столяром вам придется повременить.

– Почему, ваша светлость? Как же так?! Вы ведь закончили?

– Нет, – сухо бросил Конрад и проследовал из каминной залы в холл, сопровождаемый по пятам возбужденным хозяином.

По дороге он думал, что внешняя комиссия ликтората должна отбирать в слуги закона не дубоватых верзил, ловко управляющихся с табельными топорами, а судейских крючков, вроде настырного стряпчего, или пристающих Трепчиков-младших. Ну, хотя бы треть личного состава. Эти землю носом взроют, а ни одной оброненной пуговицы, ни одного свечного огарочка не пропустят. Из природной въедливости, которая, если задуматься, сама по себе изрядный талант. А пообещай им премию...

– Ваша светлость!

– У меня есть вопросы лично к вам, сударь Трепчик. Попрошу отвечать коротко и честно. Это в ваших же интересах. Я доступно выразился?

– Куда уж доступней, ваша светлость...

– Отлично. Итак, известно ли вам, что именно произошло ночью в гостинице?

– Да! То есть нет...

– Извольте выражаться яснее, сударь! Да или нет?

Барон нахмурился, глядя Трепчику-младшему в переносицу: словно гвоздь вбивал. Под его взглядом хозяин съежился, сделавшись похож на побитую собаку и мокрую курицу одновременно, если в природе возможен такой монстр.

– Я... я слышал. Но не видел.

– Что именно вы слышали? В какое время?

– Около полуночи. Я в гостинице ночевал. В свободной комнате.

– Вы спали? Вас что-то разбудило?

Трепчик замялся, топчась на месте.

– Я... не спал, ваша светлость.

– Почему? – Фон Шмуц картинно приподнял бровь. Обычно это разило свидетелей напо-вал.

– Я... я был не один.

– И, естественно, не с супругой.

– Ваша светлость! Умоляю! Виолетта меня убьет! Вы ее не знаете!

Кажется, гуляющий отельер хотел упасть барону в ноги, но побоялся. И правильно. Фон Шмуц подобных выходок не жаловал. И, уж конечно, был рад, что незнаком с ревнивой Виолеттой Трепчик.

– А это зависит от вас, сударь мой. От вашей откровенности и желания помочь дознанию. Итак, что за особу вы осчастливили своей благосклонностью?

– Повариху, ваша светлость.

– Ее я допрошу позже.

– Осмелюсь заметить, ваша светлость: Ганечка... повариха то есть, – она немая. Ее допросить затруднительно выйдет.

– Но вы-то разговорчивы за двоих. Рассказывайте, что слышали.

– Ох, слышал! Упаси Вечный Странник такое дважды услышать! Сперва орать стали. Орут и орут, а слов не разобрать. Потом гром ударил, с чистого неба. Ударил, значит, упал и давай кататься у нас под окнами! Треск, грохот, стекла, слышу, бьются – а они знаете какие дорогие?! Стекольник Дорфман три шкуры дерет, гадюка, я уж с ним и торгуюсь, и по матушке...

– Стекольника оставим в покое. Что еще слышали?

– Железо звенело. Ругань, крики; и выл кто-то. Жутко, словно на покойника... И еще они смеялись.

– Кто – они?

– Не знаю, ваша светлость. Гром, треск, брань, а они смеются. Аж мороз по хребту... После замолчали. Не до смеха стало, выходит.

– Что вы делали в это время?

– Все б вам насмехаться, ваша светлость! Что ж тут сделаешь, когда эдакие страсти?! Заперлись мы с Ганечкой на засов и от страху тряслись! Она хоть немая, а все слышит...

– Хорошо. Дальше что было?

– Дальше? Все. То есть ничего. Стихло дальше. Еще вроде телега от гостиницы отъехала. Может, и не одна. Я до утра подождал, а как рассвело, выбрался посмотреть. Нижняя Мама! Погром и кромешный ужас!.. Да вы сами видели, ваша светлость. Ну, я сразу мальчишку в

Бдительный Приказ отправил: доложить о происшествии. Стряпчего вызвал: убытки описывать. Скорби мои и беды, значит...

Барон смерил Трепчика взглядом и решил от уточняющих вопросов воздержаться.

– Как мне сообщили, пропали шесть ваших постояльцев. Это верно?

– Чистая правда, ваша светлость. Все, кто был, и пропали.

– В каком смысле – все?

– Ну, все, кто в гостинице жил. Подчистую.

Конрад подумал, что в «Приюте героев» свободно разместилась бы полурота драгун. При желании, вместе с лошадьми. Однако от лишних вопросов и на сей раз отказался. В конце концов, какое ему дело, процветает Амадей Вольфганг Трепчик или, напротив, близок к разорению? Понадобится – выясним.

– Постояльцы записаны в книгу?

– Разумеется, ваша светлость! У нас с регистрацией полный ажур. Прошу вас... здесь картинки, извольте заметить, валяются... умоляю не топтать, картинки денег стоят...

Смотреть книгу записей, пухлую и набитую сведениями, как чердак – старым хламом, барон начал с первой страницы. Его дотошность, чтоб не сказать въедливость, многих раздражала, временами приводя к очередным дуэлям. Возможно, именно поэтому Конрад до сих пор оставался холост. Одним из редких мудрецов, кого радовали упомянутые качества обер-квизитора – обстоятельность и свобода, – был прокуратор Цимбал. Но вслух прокуратор ничего не говорил: считал, что озвученная похвала идет сотрудникам Приказа во вред.

А ликторы и квизиторы знали в свой черед: молчит – значит, доволен.

Судя по содержанию книги, «Приют героев» и впрямь пользовался отменной популярностью. Барон затребовал данные за прошлый год, потом за позапрошлый, доведя хозяина до сердечного приступа. М-да, еще одна загадка. Год за годом гостевые покои битком набиты, блудливая повариха Ганечка небось трудится с рассвета до заката, а потом – с заката до рассвета, постояльцы кишмя кишат, получая извращенное удовольствие от здешнего декора, а недели полторы назад, с начала листовяничка месяца – как отрезало.

Жалкая шестерка заселившихся, и никого больше!

Можно процитировать сударя Трепчика: «Погром и кромешный ужас!»

Оставалось предположить либо наличие таинственного суеверия, объяснявшего «мертвый сезон», либо крайнюю скандальность шестерых гостей, жить рядом с которыми не захотел никто. А вдруг они из-за дурного характера повздорили вечером в каминной зале да и перебили друг дружку? А трупы вывез сам хозяин, желая скрыть следы во благо репутации отеля...

Других версий на ум не приходило.

Имена, значившиеся в книге последними, также ничего не говорили барону. Агнешка Малая, уроженка Глухой Пуши, гуртовщица, совершеннолетняя... Лайза Вертенна, вольная метательница, лицензия найма действительна до... Джеймс Ривердейл, виконт де Треццо... Кристофер Форзац, маг... Санчес Панчоха, эксперт по запорным устройствам... Герман фон Шмуц, из Миэльских Шмуцев...

Овал Небес!

Барон заново перечитал финальную запись. Совпадение? Случайность?! Кривая усмешка исказила рот Конрада, и нервный тик на этот раз был ни при чем. В совпадения и случайности обер-квизитор первого ранга верил еще меньше, чем в суеверия.

Постоялец «Приюта героев», сгинувший без вести Герман фон Шмуц, приходился барону родным племянником.

* * *

Кое-кто из сослуживцев или, допустим, из каторжан Тинжерских каменоломен, среди которых встречались бывшие клиенты барона, мог бы подтвердить: Конрад Зануда умеет держать удары судьбы. Лишь очень зоркий наблюдатель заметит, как твердеют на мгновение черты лица, как вздуваются, чтобы сразу опасть, желваки на скулах; и складка между бровями, очень вредная, если вы заботитесь об отсутствии морщин, наливается кровью, делаясь похожей на каллиграфически выписанную букву «швах».

К счастью, зорких наблюдателей, равно как сослуживцев и каторжан, рядом не оказалось. А мигом позже лицо фон Шмуца приняло обычное, замкнуто-брюзгливое выражение. Он отложил список и задумался, временно потеряв всякий интерес к окружающему.

Судя по всему, в момент нападения великолепная шестерка находилась в Белой зале. Откуда гости исчезли – живые или мертвые. Если отвергнуть версию «внутренней» драки, возникает иной вариант: у постояльцев имелось некое общее дело, каковое, мягко говоря, пришлось не по нраву таинственным злодеям. Но представить себе дело, способное объединить столь разношерстную компанию? И логика, и воображение отказывали категоричней, чем невинная девица – коварному соблазнителю. Ну, скажите на милость, что общего между совершеннолетней гуртовщицей, виконтом де Треццо, экспертом по запорам и племянником обер-квизитора, дипломированным стратегом-универсалом?!

– Все они – рыцари Ордена Зари, господин барон. Квесторы этого сезона.

Барон обернулся так резко, что воздух вокруг него, казалось, завертелся маленьким смерчем.

– Кто пропустил?!

Задавая вопрос, Конрад демонстративно смотрел мимо стройной дамы средних лет, проникшей в гостиницу явно недозволенным, чтобы не сказать – преступным путем. Мало того, что какой-то растяпа из ликторов проморгал гостью; мало того, что данная особа имеет наглость прерывать чужие размышления; так она еще и выше барона на целых полголовы! Несмотря на каблуки и горделивую осанку фон Шмуца! Правда, замшевые башмачки незнакомки также имели весьма солидный каблучок, а шляпка – тулью в форме башенки, но разве в этом дело? Кто-то сейчас поплатится за ротозейство! И обер-квизитор знает, кто именно: вон, мнется в дверях, балбес, потеет от страха.

– Прошу вас, не сердитесь. У ликторов не было выбора.

– Вот как, сударыня? Не было выбора?!

Яростный взгляд пропал втуне: дама улыбалась без вызова, но с достоинством.

– Разумеется, ваша светлость. Разрешите представиться: Генриэтта Куколь, м. в. к., вигилла Тихого Трибунала.

Она сняла нитяную перчатку, протянув барону изящную ручку. С весьма посредственным, заметим, маникюром. И лак из дешевых. Целовать нахалке руку, тем более неухоженную, барон не собирался, а обмениваться с дамой, пусть даже магичкой высшей квалификации, рукопожатием – дурной тон. Увы, для процедуры верификации полномочий не существует ни мужчин, ни женщин.

– Конрад фон Шмуц. Бдительный Приказ, обер-квизитор первого ранга.

Ладонь у вигиллы оказалась жесткой – и при этом теплой, почти горячей. Мана через край хлещет? Барон знал, что сейчас должна ощутить Генриэтта, в качестве гарантии подлинности чина и ранга собеседника. Легкий, похожий на укус крапивы, ожог пучка розог и тройной укол вложенного в них топорика. Квизиторские стигматы – не самая приятная в мире верительная грамота, зато подделка исключена. Стигмат сотрудникам высших рангов накалывался под наблюдением одного из трех знаменитых «колачей», королевских кобников-графологов:

Геронима Баска, Жан-Поля Индейки и Петруччио Бригелло, авторов совместного шрифтового триптиха «Корабль тощих в гавани Арнольфани».

Ага, работало. Поморщилась.

В ответ на левой щеке вигиллы проступило невидимое раньше клеймо: две стилизованные буквы Т, скрещенные особым образом. Знак Тихого Трибунала. Считалось, что сочетание двух Т образует устремленное вверх острие меча и под ним – крест. Символ карающего оружия и перекрестка людских судеб. Барон, увы, ничего подобного в клейме разглядеть не мог, как ни пытался (а пытался он неоднократно). Крест, с его точки зрения, выходил убогий, на перекресток судеб не тянул. Да и верхний уголок с острием меча не ассоциировался. Максимум – двускатная крыша домика, как ее рисуют дети.

Что они о себе думают, эти *виги*, Неусыпно Бодрствующие? Напустили туману, высосали из пальца уйму скрытых смыслов в простых двух буквах – а на самом деле... Спать больше надо! Если верить медикусам, для здравого рассудка очень полезно.

– Рад знакомству, коллега.

Короткий официальный поклон: строго по Уставу, ни на волос ниже.

– Взаимно, коллега.

Сухой усеченный реверанс: точная копия поклона в дамском варианте.

«И все-таки, почему ликторам велели не сообщать о происшествии в Трибунал? Хотели выиграть время? С какой целью?!»

– Вы задержались, коллега. Позвольте спросить: отчего? След стынет, сами понимаете...

– Разделяю вашу обеспокоенность, коллега. Но сезонные возмущения в Вышних Эмпиреях не позволили волхвам-локаторам сразу зафиксировать критический выброс маны. Пока картина проявилась, пока локализовали место...

Барон с удовлетворением кивнул:

– Значит, выброс маны все же имел место. Еще и критический. Я так и думал.

– Могу вас заверить: имел. Уровень я сейчас уточняю. В любом случае это означает, что данное дело подлежит ведению Тихого Трибунала, как преступление с отягчающим применением магии. Не проводите ли вы меня непосредственно на место происшествия, коллега? После чего...

– С удовольствием, коллега. Дабы вы могли убедиться: кроме выброса маны, здесь имела место целая баталия, с применением стрелкового и холодного оружия. Я, кстати, допускаю, что магию использовали не злоумышленники, а потерпевшие, в рамках самообороны. Что снимает вопрос об «отягчающем применении». И, значит, сей случай находится в компетенции Бдительного Приказа, который я имею честь представлять.

Не будь Конрад в точности уверен, что дуэль назначена на вечер, он мог бы решить, что поединок уже начался. Обычно маги Тихого Трибунала – тихие, серые человечки, слова клещами не вытащишь. А тут просто светская львица! Нет, нам львицы ни к чему, у нас дознание, а не охота...

– Ваша версия, коллега, весьма любопытна, – вигилла иронически прищурилась, поправляя выбившийся из-под шляпки пепельный локон. – Жаль, только...

Заливистая трель певчего дрозда помешала ей закончить фразу.

– Прошу прощения. Меня вызывают.

Генриэтта Куколь извлекла из сумочки изящную пудреницу, украшенную эмалью, резьбой и насечками. В крышку пудреницы изнутри было встроено зеркальце, куда вигилла и устремила взгляд. Барон тактично отошел, искоса наблюдая за «коллегой». С минуту Генриэтта молча внимала чему-то, слышимому ей одной, потом беззвучно зашевелила губами. Пудра сразу пришла в движение, легкой струйкой взмыв в воздух и изгибаясь на манер змеи. Вигилла цокнула языком, словно девчонка, и пудра улеглась на место.

Тихо щелкнула крышка.

– Кажется, наши ведомства нашли общий язык, – Генриэтта обернулась к барону. – Нам с вами предписывается вести это дело вместе. Можете проверить: прокуратор Цимбал выдал письменное распоряжение.

– Никогда не сомневался в мудрости начальства. Разрешите взглянуть на вашу пудреницу? Благодарю... О, старинная работа! Замечательная вещь! Где такие делают?

– Служебный артефакт. К счастью, его можно использовать не только для рапид-коннекса.

– А я, – не удержался барон, – приобрел сегодня чудный маникюрный набор.

Впервые дама поглядела на собеседника с искренним интересом.

– Он у вас с собой? Позвольте, в свою очередь... Какая прелесть! Где вы его купили, если не секрет?

– Ну какие теперь между нами секреты? В «Иридхар Чиллал».

– Но у них все так дорого! – невольно вырвалось у вигиллы.

– Красота требует жертв! – В голосе барона скользнули нотки самодовольства, и Конрад мысленно выбранил себя за несдержанность. – Так что вы говорили насчет Ордена Зари? Это имеет отношение к делу?

– Самое прямое.

Spatium I

Орден рыцарей Зари, или Синописис архивов Тихого Трибунала

Хендрик Землич, позднее известный как Хендрик Високосный, сказал в молодости: «Радуга – всего лишь кривой путь от черного к белому!» Заявление было подвергнуто резкой критике живописцами, философами и предсказателями погоды, но речь не об этом.

Из ложного афоризма, в котором отчетливо звучал юношеский максимализм, умноженный на фанатизм и самоотверженность Хендрика, как дуб из мелкого желудя, со временем вырос уникальный Орден Зари.

Еще во время службы помощником университетского архивариуса, раскопав в анналах свод записей Эразма Кудесника, чудом попавших в свободный доступ, – в частности, «Старое доброе зло», «Пуп Земли, как он есть», а также «Основы Универсума» с купюрами цензоров, – наш герой сделал ряд выводов, приведших к последствиям удивительным и непредсказуемым. Согласно его будущим «Максимам», борьба чистых, беспримесных Добра и Зла, иначе Света и Тьмы, в нашем матерьяльном мире выведена за скобки и невозможна в принципе, по причине несовершенства человеческой природы. Тем не менее она продолжает оказывать фундаментальное влияние на существование цивилизации. Рафинированное Добро и концентрированное Зло легко выделить в каждой точке любого отдельно взятого конфликта, если не вдаваться в общую суть самого конфликта и не персонифицировать эти силы в конкретных личностях – опять же потому, что мир и люди утратили совершенство.

Но совершенство, к счастью, не утратило мир и людей.

– Кривыми путями идете вы к истине, – сказал аскет-маньерист Дэниел Оливье, ознакомься с «Максимами». – Глухими, окольными тропами тащитесь вы к ней. А я лежу под вишней, отягощенной плодами, и косточками плююсь вам вслед, когда вы проходите мимо.

Заявление Оливье породило массу толкований, но дело не в них.

Каким образом, с подобными взглядами на жизнь и дурным характером, отягченным хронической меланхолией, Хендрику Земличу удалось войти в доверие к Губерту Внезапному, пятому герцогу д'Эстремьер, история умалчивает. Возможно, это связано с изменой жены Губерта и охотой на ведьм, последовавшей за сим мезальянсом; возможно, поводом послужила трагическая гибель сокола Цапледа и объявленный траур по птице. Так или иначе, в Эстремьере, на границе с Реттией, Малабрией и Южным Анхуэсом, был выделен изрядный кусок территории, названный Черно-Белым Майоратом, и передан во владение основанному буквально на днях перед тем Ордену Зари.

Покровителем Ордена, сперва – земным, а спустя двадцать один год – и небесным, стал Губерт Внезапный.

Первым великим магистром Ордена, двуединым воплощением Черного Аспида и Белого Голубя, стал Хендрик Високосный.

Догматом Ордена и руководством к действию стала борьба двух начал в чистом виде.

Сейчас трудно выяснить, как чистая борьба начал происходила на заре существования Ордена – при крайней малочисленности рыцарства и двуединости великого магистра, исключавшей само понятие конфликта. Летописец Фома Вебеллин утверждает, будто это и явилось причиной расслоения личности Хендрика, приведшей к роковому шагу с балкона. Историки университета в Бравалле опровергают версию Фомы. Так или иначе, первые схватки на отведенных герцогом землях, которые мы сравнили бы с первыми схватками роженицы, стали пищей для слухов. А вскоре частная контора переписчиков в Гаальдрихе опубликовала «Максимы» и «Краткий Завет», уняв брожение умов.

– Чаше всего побеждает тот, кого не принимали всерьез, – писал в то же время мудрец-столпник Хирам Роверглас, автор малоизвестного трактата «Критика Максим, или Зерцало злопыхательств». Но мысль Хирама не была принята всерьез, затерявшись в ворохе сплетен, и, стало быть, мудрец победил.

Итак, рыцари Ордена, набранные исключительно из добровольцев, людей молодых и возвышенных духом, делились на два лагеря: Зари Вечерней, провозвестницы ночи, и Зари Утренней, глашатая дня. Соответственно, в Майорате были возведены два профильных храма, Голубиный и Аспидный, и одна-единственная Цитадель, переходящая из рук в руки вместе с ленным правом на Майорат. Временные хозяева Цитадели брались обустраивать крепость, перекраивать внешний вид территории и перевоспитывать население – также формировавшееся на идейно-добровольной основе – в духе чистоты победившего начала.

Начало же сокрушенное на четыре года покидало земли Ордена, плача и стеная, дабы готовить во внешнем мире следующий квест – иначе «изыскание» – и надеяться на переосмысление сущности Майората.

Целью високосного конфликта между квесторами, к какой бы стороне они ни относились, и временщиками из Цитадели, был Пуп Земли – артефакт, захват которого решал исход борьбы. Происхождение оного Пупа сокрыто во мраке тайны. Некоторые считают его дешевой подделкой, фальшивой безделушкой, лишенной крупниц маны, – иные же приписывают создание артефакта Вечному Страннику, Нижней Маме, Эразму Кудеснику в расцвете сил и другим выдающимся личностям, ведя бесконечные споры об истинном авторстве.

Желающих отсылаем к оракулярному справочнику «Омфалос для начинающих».

Герцогство Эстремьер в лице своего эксцентричного властителя первым подписало «Пакт о нейтралитете», отказавшись на веки вечные от вторжений на земли Ордена и вмешательства во внутреннюю политику. Война чистого Добра с чистым Злом – в сугубо отведенных для этого границах силами добровольцев – была объявлена залогом метафизической незыблемости всей остальной цивилизации. Также герцогство первым ввело подать на содержание Черно-Белого Майората, позднее названную «мздой на равновесие», облагодетельствовав ею свой народ. Народ скрипнул и заплатил. Спустя шесть лет инициативу Эстремьера поддержал монарх Южного Анхуэса, публично заявив на Соборе Равных, что в «Максимах» великого магистра обрел покой и просветление. Еще через два года присоединилась Малабрия. Реттия держалась дольше всех, во многом благодаря тогдашнему королю Седрику Упрямцу, чихавшему на цивилизацию и высокие идеалы, но едва Седрика сменил на троне Штефан Весельчак, «Пакт о нейтралитете» пополнился еще одним участником.

А реттийцы получили лишний налог.

Честно говоря, если бы не этот налог, подданные сопредельных держав вскоре окончательно забыли бы о существовании Ордена, борьбе начал, основах цивилизации и прочих высоких материях. Мода скоротечна: еще при жизни Хендрика Високосного приток добровольцев сократился до жалкого ручейка. Жители земель, граничащих с Черно-Белым Майоратом, наладили успешную торговлю с соседями – странными, не от мира сего, но вполне безопасными для окружающих. На время квестов торговля прекращалась, чтобы возобновиться после победы какого-либо из начал. Поставщикам продовольствия, стройматериалов и предметов обихода было абсолютно все равно, кто останется в Майорате на ближайшие четыре года.

Победи Заря Утренняя, для увеличения барышей придется громко восхищаться и славить. Победы Заря Вечерняя, и залогом успешной купли-продажи станут ужас с отвращением, выдаваемые при каждом удобном случае.

Иногда торговцы специально нанимали бродячих актеров: за долю в прибылях.

И везде, от Реттии и Малабрии до далекого, почти сказочного Ла-Ланга и ледяного острова Круспен, две зари мирно уживались одна с другой, сменяя день ночью, а ночь – днем. Везде, кроме земель, специально отведенных для их войны, торжества или поражения. Впро-

чем, и здесь небеса озарялись по извечному сценарию, равнодушно взирая на схватку идеалов внизу.

Хотя мечта о вечном дне или вечной ночи – вечных хотя бы в границах Майората в течение промежуточных четырех лет! – не оставляла рыцарей-добровольцев.

Caput II

«Они бились день, они бились два – в головах трава, по степи молва...»

Пудреница вигиллы оказалась выше всяческих похвал. Приступая к осмотру комнат исчезнувших – не хотелось думать, что погибших – квесторов, барон слегка завидовал возможностям Тихого Трибунала. У него самого для сбора такой уймы сведений про Орден ушел бы по меньшей мере день работы. Целый день чихать от пыли скрипториев Приказа, браниться с архивными крысами, не желающими поднять свой тощий зад и углубиться в стеллажи! Вечный Странник, а жизнь и так скоротечна! Надо подать рапорт о необходимости внедрения достижений...

Отвлекившись на минутку, он вызвал двоих ликторов и отправил с поручениями. Первого – к «топтунам», второго – к «стоякам»: так квизиторы презрительно именовали обе ветви столичной стражи, патрульной и воротной. Пусть выяснят, не было ли замечено на улицах и на выездах из города подозрительных телег. Конрад понимал, что опоздал – за ночь из легкомысленной Реттии можно вывезти всех покойников оптом и в розницу! – но порядок есть порядок.

Внизу Генриэтта ходила по каминной зале, измеряя уровень, спектр и прочие составляющие выброса маны. Отчего по «Приюту героев» гуляли сквозняки и в нос шибало грозой.

– Ваша светлость! Если какие ценности, так вы сверху оставьте!.. чтоб сразу видно...

– Имуущество гостей, не произведших окончательный и полный расчет с хозяином, частично принадлежит владельцу отеля... Кодекс Споров, раздел «О неуплате», статья третья-прим...

– Сударь Трепчик! Заберите вашего стряпчего, пока я не выбросил его в окно!

– Покушение на адвоката, нотариуса и стряпчего при исполнении...

– Второй этаж, ваша светлость... невысоко там...

– Убирайтесь! Оба!

Осмотр барон начал с комнаты племянника. Изучая одежду, висящую в громоздком комод, перебирая личные вещи, наскоро листая забытые на кровати «Стратегемы», «Нечто из ничего» и «Рецепт случайной победы», он никак не мог сосредоточиться на следствии. Записанный в «Книге родов», как прямой фон Шмуц, с префиксом «достопочтенный» и титулом «ваша светлость», Конрад не был особенно близок с молодым родственником, числившимся по линии Шмуц-Миэлей, с более низким префиксом «благородный». Они и встречались-то раза два в год, в родовом замке на семейных торжествах, которых барону, пленнику долга, не удавалось избежать... Ах нет, еще в Литтерне, на водах, где юный стратег-студизус применял знания на практике, мороча головы дюжине пылких сударушек! Несмотря на шалости, присутствующие юности, несмотря на случайность их встреч, мальчик вызывал у строгого обер-квизитора необъяснимую симпатию, даря в ответ искреннюю привязанность к блестящему столичному дяде.

Это, должно быть, потому, что Хальдрик Разбойник, папаша Германа и младший брат Конрада, пробуждал у обоих одинаковые чувства. Иногда барон жалел, что в отрочестве, переехав в столицу, с согласия отца подписал отказ от земельных претензий в пользу Хальдрига. И часто спорил со своим духовником, утверждавшим, что братоубийство – тяжкий грех.

Вне сомнений, отцовский нрав и толкнул юношу на скользкий путь рыцаря Зари. Если ты рано потерял мать, тихую и запуганную женщину, если тебя всю жизнь упрекают в слюнтяйстве, а рядом буянит косматый и бородатый варвар, единственный смысл жизни которого – распутство, обжорство, пьянство и разбой на дорогах, к вящей радости соседей, таких же любителей проломить кому-нибудь голову!.. Волей-неволей сам погрязнешь в зловонном болоте

провинции, либо насквозь проникнешься случайной идеей, возвышенной и бестолковой. Когда б не вмешательство обер-квизитора, приехавшего в Шмуц для бдения в отцовской гробнице – эту скорбную обязанность братец Хальдриг превращал в мучение! – молодой Герман ни за что не получил бы разрешения уехать в Бравалль.

– Университет? – спросил, а скорее рыгнул Хальдриг, маясь с похмелья. – В нашем роду хватит одного умника! Хотя даже одного многовато, как по мне... Эй, Конни, давай-ка развлечемся на дубинках?

Конрад сперва отказался, а потом вдруг передумал. Братья развлеклись на дубинках, и обер-квизитор не оставлял этого занятия до тех пор, пока Хальдриг не подписал письменного дозволения на отъезд сына. Впрочем, пришлось еще потрудиться сверхурочно, зато Герману была выделена стипендия с доходов баронства.

Страхнув воспоминания, обер-квизитор бросил «Стратегемы» обратно на кровать, опечатал комнату племянника и двинулся дальше. Симпатия к Герману удивительным образом распространилась и на остальных квесторов. Небось у всех были трения с родителями, а возможно, и со сверстниками, если детей занесло в ряды пресловутого Ордена. Представить благополучного человека, рискующего жизнью в поисках Пупа Земли и тем самым поддерживающего существование цивилизации, безразличной к спасителю, Конрад не мог.

Наверное, именно поэтому он любил слушать баллады заезжих трубадуров.

Восполнял недостаток фантазии.

– Ваша светлость, а вам не нужен умелый стряпчий? Имущественные споры, иски за клевету? Завещание? Восстановление доброго имени?

– Сударь Тэрц, подите вон...

Спустя час барон опустился в кресло у окна комнаты Джеймса Ривердейла и задумался. Составлять опись вещей не было смысла. Камзолы, чулки, куртки, сапоги и шляпы мужчин. Платья, туфельки, шляпки, накидки и, извините, ночные сорочки женщин. У дам имелаась и мужская одежда, для удобства путешествий. Пояса, гребни, фляги. Баулы, заплетенные мешки, кошельки из кожи. Короче, ерунда. У Ривердейла нашелся палаш доброй стали, в деревянных ножнах, метательный кинжал с клеймом «волка» и дага под левую руку. У Санчеса Панчохи, эксперта по запорным устройствам, – три набора отмычек и монета, остро заточенная по ребру. У Лайзы Вертенны – короткий лук с двумя сменными тетивами и колчан со стрелами, оперенными на особый, неизвестный барону манер. У Агнешки Малой – два флакона со снадобьями. Судя по перламутровому отливу, печально известная «нерожуха», каковую спрашивают у аптекаря шепотом и стыдливо потупляя взор.

В комнате Кристофера Форзаца не нашлось практически ничего.

Маги не любят оставлять имущество, пропитанное маной владельца, без присмотра.

Ни одной зацепки, утверждала логика. Здесь что-то не так, вмешивалось чутье. Вещи очень много говорят о владельцах. Но бывают вещи немые, вещи с вырванным языком, и они способны насплетничать внимательному слушателю гораздо больше, чем самая болтливая улика. Надо вернуться сюда позднее и дольше посидеть наедине с вещами квесторов. Помолчать вместе с ними. Обождать, пока тишина оформится в подсказку.

А Трепчика-младшего гнать от этих комнат пинками. Пусть хоть все стряпчие мира начнут единогласно скандировать статьи «Кодекса о неуплате». Если хозяин позаимствует из имущества гостей хотя бы флакон совершеннолетней гуртовщицы, для любимой поварихи Ганечки, – слово чести, Гильдия Отельеров лишится своего почетного члена...

– Кидай! Кидай, дурила!

– Пентюх!

– Сам пентюх!

Вопли со стороны IV тупика, куда выходило окно, отвлекли барона. Раздраженный, он вскочил, до половины высунулся наружу, желая облегчить душу проклятиями. И застыл соляным столбом, потрясен открывшимся зрелищем.

Внизу свора трущобных крысят играла в мяч чьей-то отрубленной головой.

* * *

Прыгать со второго этажа барон раздумал. Несмотря на памятные заверения Трепчика-младшего, что, дескать, здесь невысоко. Это стряпчих выкидывать невысоко, а обер-квизиторам скакать не с руки. То есть не с ноги.

Мы и по лестнице – вихрем.

Куда они денутся, крысята, из тупика...

Когда бежишь, несешься, прыгаешь через ступеньку, сшибая по дороге замешкавшегося хозяина и не тратя драгоценные секунды на извинения – как ни странно, успеваешь подумать о многом. Например, о тупиках. О сволочах-крысятах, которые, вполне возможно, чудесно денутся, и с собаками не сыскать, куда денутся, – ведь как-то они попали в треклятый тупик, минуя оцепление! Эти гаденыши с окраин все ходы-выходы... через забор, в тайный лаз, подземным ходом... Наверное, поэтому и не крикнул ликторам из окна: сюда, мол! держи! хватай! Крикнешь в горячке, а крысята врассыпную, с чужой головой под мышкой... Жуткое зрелище, даже для привычного человека. Черт лица не разобрать, слипшиеся волосы, сплошная корка бурой крови. Ловкие пальцы хватают «мяч» без малейшего трепета, перебрасывая гогочущему дружку... Почему ликторы проморгали?! Почему не нашли при осмотре тупика?! Самим головы поотрываю, ротозеям!.. и играть заставлю, на жалованье...

Отлетела латунная спица, которой крепился между ступенями белый ковер.

Отлетела вторая спица.

В мозгу стучит «Сарабанда» Баруха Доуленда. Ранний вариант, запрещенный в Южном Анхуэсе за «вульгарность и презрение должной скромности» – под тамбуринов, кастаньеты, с лихими выкриками танцоров...

Хрустнул под каблуком обломок картинной рамы.

В ужасе взвизгнула дверь гостиницы, едва не слетев с петель.

За угол, скорее за угол...

В этом забеге Тихий Трибунал выиграл у Бдительного Приказа. Не заботясь приличиями, вигилла Генриэтта – должно быть, и у нее сердце плясало знакомую, запрещенную ханжами «Сарабанду»! – выскочила за вещественной уликой напрямик из окна каминной залы. Лишь взметнулись облаком нижние юбки да мелькнули, открывшись случайному взгляду, изящные цыколотки. Ну конечно, бельэтаж, тут и захочешь, а ног не поломаешь... что, господин обер-квизитор, стыдно?... да, стыдно...

Обоим должно быть стыдно.

Потому что первым к крысятам успел нудный стряпчий Тэрц.

– Порча чужого имущества, взятого без спросу!.. Статья «О самовольном непотребстве», параграф...

– Да пошел ты, козлина...

– Ай! Дядька, ай! Ну ай же, кому кричу...

– Братва! Шустрим! Сморгичи на хвосте!

Остановившись и восстанавливая дыхание, Конрад с удовольствием любовался, как стряпчий ловко держит за ухо здорового крысюка, жоака стаи. И выговаривает за дурные манеры, через слово поминая кодексы, статьи и параграфы. Крысюк соглашался и вопил. Такие деточки днем в мяч подобранной головой играют, а ночью с кистеньком выходят, помочь семье

на мели безденежья. Ухо – не та часть тела, за которую можно у них держаться безнаказанно. Ты его за ухо, а он согнется в три погибели и тебе самому кое-какой артефакт отгрызет.

Или стряпчим они не отгрызают?

Или стряпчие за уши ловчей берут?!

IV тупик, как и предполагалось, оказался тупиком только по названию. Шайка недорослей прыснула в стороны и растворилась быстрее ложки меда в крутом кипятке. Помочь дружку, угодившему в лапы правосудия, никто и не подумал: взаимовыручка здесь была не в чести. Раз сморчки на хвосте, значит, нос в дыру, хвосты в щели...

– Дядька, ну пусти... оторвешь же, клешнястый...

Стряпчий закончил выговор, сдал подоспевшим ликторам унылого крысюка – тот всхлипывал и сверкал распухшим ухом, – после чего обернулся к барону с вигиллой.

– Надеюсь, ваша светлость, вы позволите мне присовокупить к описи *это*?

Стало ясно видно: голова – никакая не голова. Шар, сплошь покрытый грязно-бурой коростой, лишь издали похожей на запекшуюся кровь. А волосы – трава с обочины, налипшая поверх корки. Шар мастер-резчик украсил сложной резьбой: в углубления набилась земля, кое-где застряли мелкие прутики.

– Не слишком ли вас много, сударь Тэрц? Куда ни сунусь...

– Вы неизменно ставите мне препоны, ваша светлость! А в королевстве творятся ужасные вещи! Если не принять меры, без промедления и робости...

– Извольте не говорить намеками!

– Да какие здесь намеки!

Стряпчий наклонился вперед, напрягся, как перед броском. Конрад словно впервые увидел его лицо: впалые щеки, сеть морщинок в уголках глаз, горбатый нос с трепещущими крыльями.

– Кругом воры и жулье, воры и жулье! Небось в курсе, ваша светлость, как ворюге Михалю Ловчику в Бадандене руку публично рубили? Честь по чести, с зачитыванием списка вин, на эшафоте! Отрубили, факелом прижгли и погнали взашей... А рука, значит, возьми и вырасти заново, через неделю. А все почему?

Барон не нашелся ответить: почему?

Чушь какая-то... ахинея...

– А все потому, что у ворюги Михалю тень особая была! – Стряпчий торжествующе ткнул пальцем в небо, ловко перехватив шар под мышку. – С четырьмя руками. Про запас, понимаете? А к такой тени и имя особенное полагается. К добру ли? Нет, не к добру, заверяю вас! В народе шепчутся, а в народе зря шептаться не станут!..

– Вы сошли с ума, сударь?

– Ничуть, ваша светлость. Просто когда власти безмолвствуют, народу только и остается, что громогласно шептать... Глядишь, услышат кому надо!

– Даже если так, при чем здесь Бдительный Приказ? Это ведомство Тихого Трибунала! – Барон с ужасом почувствовал, как его втягивает в склочную воронку скандала, бессмысленного и кошмарного. – Руки, тени, имена...

Тут и вмешался Тихий Трибунал.

– Судари мои, извольте прекратить! Оба!

Вигилла резко протянула руку вперед, скрючив пальцы довольно страшненьким образом. Рука сделалась до ужаса похожа на лапу неясны-брадачихи: так крылатый хищник пикирует на зазевавшуюся мышь. И плохой маникюр не помеха: глянешь и вздрогнешь – ишь, когтищи... Но куда любопытней оказалась ответная дрожь шара. Находка затряслась, запрыгала в ладонях стряпчего, уподобясь пойманной жабе. Тэрц, выказав чудесную прыть при задержании крысюка, к изумлению барона, не сумел удержать буйный шар.

– Овал Н-не... бес!

Тоненько вскрикнув, стряпчий с воплем отпустил *«это»* на свободу.

Отвратительная «голова» вспорхнула в воздух, отряхнув на ловца часть грязи, и улетела к Генриэтте.

– Вне сомнений, обсервер, – определила вигилла, разглядывая добычу. – Личный, ограниченного действия, с самонаведением на ману владельца. Мы зовем их «манками». В наличии ряд сильных повреждений. Думаю, ему в суматохе досталось не только от этих... бодрых отроков. И сталью приложились, и каблуками, и остаточными бранными эманациями... Ставлю ловчую выдру против бабочки-капустницы, это шар Кристофера Форзаца.

Барон пари не поддержал. Генриэтта знала свое дело. Такие шары на улицах не валяются, а среди квесторов, если верить гостиничным записям, был всего один маг – упомянутый Кристофер.

– Если наш шарик окажется с вживленной «самопиской»... – цокнув языком, дама рассмеялась безосновательной надежде, этой пагубе сыскарей, и спрятала шар в сумочку, с которой, похоже, не расставалась даже в купальне. – Ваша светлость, скажите честно: вы везунчик?

На взгляд Конрада, в сумочку не поместилось бы и наливное яблочко с расписным блюдечком. Пора, пора подавать рапорт о внедрении!.. И вигиллу поставить на место тоже давно пора.

– Нет. Я не везунчик. И хотел бы получить от вас официальное заверение в том, что при получении дополнительных сведений, связанных с находкой, вы поделитесь ими с сотрудниками Бдительного Приказа.

Внезапно Генриэтта Куколь оказалась совсем рядом. Барон ощутил аромат ее духов – слабый, еле заметный, с пряными тонами вербены. Распахнулись большие, небесно-голубые глаза. Дрогнул тонко очерченный рот.

– С вами, барон. Только с вами. Наедине. Остальные сотрудники Приказа, поверьте, будут вам завидовать...

Конрад не отстранился.

– Браво, сударыня. Хорошо работаете. Мастерски. Буду ждать извещения. Знаете, я слышал, что люди вашего ведомства всегда работают по трое. Вас прислали одну из каких-то особых соображений?

– Ах, ваша светлость! Это в арест-командах мы работаем троицами. Или числом, кратным трем, если арест предстоит сложный. Уж поверьте на слово – едва дело дойдет до задержания, я не останусь в одиночестве...

Когда хохочущая вигилла уходила, барон с минуту провожал ее взглядом. Хитра, бестия! Только со вкусом беда: вербена ей совсем не идет. В определенном возрасте следует переходить к элегантным тонам шалфея, клементина и лаванды, на фоне, скажем, зеленого лимона.

При следующей встрече надо будет посоветовать.

Если, конечно, Генриэтта заслужит.

Ликторам барон приказал вразумить задержанного крысюка путем умеренного рукоприкладства и гнать вшаей. Не к лицу фон Шмуцам ловить всякую шваль!

Пусть их «топтуны» ловят, если понадобится.

Или стряпчие.

– С завтрашнего дня! – кричал вслед расхрабrivшийся хозяин. Призрак убытков, бродя по гостинице и около, сводил Трепчика-младшего с ума, вынуждая утратить последние крохи осторожности. – Завтра же начну пускать в отель постояльцев! С двойной оплатой! За возможность безнаказанно пожить на месте преступления!

– Совершенно верно, сударь! – вторил ему наглый стряпчий Тэрц, размахивая описью, будто воин – мечом. – Привилегии Гильдии Отельеров незыблемы! Статья «О частном постое», параграфы с пятого по тридцать шестой...

– И оцепление извольте снять! К вечеру! Я свои права знаю! Нечего мне гостей ликторами отпугивать!

– Истинная правда, сударь! Вы свои права знаете! А каких не знаете, так я разъясню...

– Квест закончился! Квесторы съехали! Я свободен от обязательств перед Орденом!

– На четыре следующих года! Сударь Трепчик, я лично отпишу в орденскую канцелярию...

«Надо же! – удивился Конрад, садясь в седло. – У черно-белых идеалистов еще и канцелярия есть... А говорили: борьба чистых начал, тайный фундамент цивилизации! Я вот всегда полагал, что именно канцелярии и есть тайный фундамент цивилизации...»

* * *

Можно ли сказать, что Конрад всеми фибрами души ненавидел писать рапорты, отчеты и прочую бумажную дребедень? Нет, судари мои, этого сказать никак нельзя, не покрывив душой. Известный аккуратист и человек отменной дисциплины, барон искренне любил устойчивость миропорядка и кругооборот документов, заведенных в Бдительном Приказе. С возрастом начинаешь ценить традиции, в какой бы форме они ни проявлялись. Однако сейчас большинство явлений окружающего мира вызывали у обер-квизитора лишь глухое раздражение. В частности, необходимость писать рапорт прокуратору Цимбалу. И добро б только рапорт! Устав подразумевал приложение с детальным описанием места преступления, перечень улик, приобщенных к делу, частные соображения касательно мер по отысканию и задержанию виновных.

Увы! – и еще раз увы...

Скрипя сердцем, свежечиненным пером и рассохшимся креслом (давно пора потребовать замену!), барон принялся за дело. Однако, против ожидания, процесс бумагомарания оказал на ум и нервы вполне благотворное воздействие. Хвала мудрым порядкам Приказа! Ставя последнюю точку и размышляя, что скорее здесь уместно многоточие, жирное и задумчивое, Конрад вернул рассудку былую ясность. Слишком много для одного утра: знакомство с экстравагантной вигиллой, уникальным стряпчим и блудливым отелем. О судьбе племянника Германа и вовсе думать не хотелось...

Краем глаза он отметил некое движение в окне, открытом настежь по причине неслышанной для этого сезона жары. В следующий миг прямо на стол с легким шорохом опустился бумажный «аистенок», каких любят делать дети, загадывая желание.

Птичка сварливо каркнула и развернулась в записку.

«Его светлости, Конраду фон Шмюцу, лично в руки.

Достопочтенный коллега!

Сим извещаю Вас, что расшифровка записей шара-обсервера, найденного на месте происшествия, прошла в достаточной мере успешно. Приглашаю Вас в палаты Тихого Трибунала для совместного просмотра, с трех до четырех часов пополудни. Данная записка является официальным пропуском. Искренне Ваша, вигилла Генриэтта Куколь, м. в. к.

Р. S. Я знаю, что вам больше нравятся клементин и лаванда, но предпочитаю вербену. Готова поспорить в приватной обстановке».

И радужная печать со знакомыми перекрещенными «Т».

Часы на башне Большого Консенсуса пробили три раза. До палат Тихого Трибунала пешком – четверть часа, и то если не слишком спешить. В результате барон набросал еще две депеши и, оставив рапорт секретарю прокуратора, вручил их курьеру. В первой он подавал

запрос в архивы Приказа на пропавших без вести квесторов. Любые сведения, какие сыщутся. Конрад мало надеялся что-то узнать о совершеннолетней гуртовщице или эксперте по запорам, но родовитость виконта Треццо или лицензия вольной метательницы давали шансы. Сейчас любая крупница знания на счету. Вторую же депешу барон велел отнести в свой дом. В кратком послании он поручал камердинеру Любеку собрать средний походный набор личных вещей господина и доставить в гостиницу «Приют героев».

А если хозяин отеля начнет приставать с вопросами – молчать в ответ и хмуриться.

* * *

– Я полагаю, уважаемый Ипсиус, в простоте древности есть своя прелесть. В частности, эта загадка о существе с разным количеством ног в разные периоды его существования... Согласитесь, века придают классике особый шарм!

– Разумеется, дражайший Оффициум! Но мысль, как горячий скакун, не должна стоять на месте. Теория загадок далеко шагнула за последние два тысячелетия, и мы не вправе отказываться от передовых находок...

– Вы о втором принципе аллегорий?

– И о нем тоже...

– Прошу прощения, милейший Ипсиус, но этот господин, кажется, ко мне.

– Разумеется, превосходный Оффициум! Служба – превыше всего! Надеюсь, вскоре мы продолжим нашу увлекательную беседу?

– Несомненно, любезный Ипсиус! С превеликим удовольствием!

Удовлетворившись ответом товарища, Ипсиус, левый из двух мраморных сфинксов, охранявших вход в палаты Тихого Трибунала, с достоинством окаменел и впал в сторожевую спячку. Оффициум же, правый сфинкс, повернул голову к гостю:

– Доброго здоровья, господин обер-квизитор! Что вам угодно?

В Трибунале барону доводилось бывать неоднократно, так что разговорчивость статуй не произвела на него особого впечатления. Как не удивили и ступени, ведущие ко входу в здание: они упирались в глухую стену, сложенную из циклопических, грубо обтесанных плит гранита.

– Вигилла Куколь пригласила меня на деловую встречу.

– Извольте предъявить пропуск.

Барон протянул «аистенка» в развернутом виде.

– Прошу вас. Второй этаж, направо, седьмой кабинет. При выходе не забудьте, пожалуйста, сдать пропуск.

Гранит дрогнул, в стене объявилась высокая дверь: створки мореного дуба, ярко начищенные ручки из бронзы, в виде вставших на дыбы саламандр. Под рукой неугодного посетителя – ухитрись он проскользнуть мимо бдительных сфинксов, что само по себе чудо из чудес! – саламандры раскалялись докрасна, вторя воплю пострадавшего завываниями тревоги. К счастью, пропуск действовал, и вскоре дверь бесшумно закрылась за Конрадом.

Изнутри створки были прозрачней стекла. Сквозь них замечательно просматривалась улица.

– А может, загадочку? – заискивающе осведомился сфинкс Ипсиус, спиной почуяв, что гость задержался в холле. – Нет? Ну, как хотите...

На миг остановившись возле зеркала, барон оценил свой внешний вид и, не найдя особых изъянов, отправился на второй этаж.

– Зеркалу не верьте! – басом проорал снаружи Оффициум. – Льстивое брехло!

Испортил настроение, скотина...

На всем пути барону не встретилось ни одной живой души. Впрочем, и неживой – тоже. На стенах через равные промежутки горели желтые безмасляные лампы, похожие на глаза пантер. Лампы изредка моргали, и это раздражало.

Ага, вот и кабинет номер семь.

Конрад одернул камзол, проверил, нет ли складок вокруг талии, и деликатно постучал. – Входите! Я вас жду...

Кабинет вигиллы оказался чуть меньше обер-квизиторского. Обстановкой он скорее напоминал помесь дамского будуара и лаборатории волхва-изыскателя, нежели апартаменты государственного чиновника. Под потолком разбросаны игривые гротески – сей вид орнамента считался из самых изысканных, но и из самых опасных, способных наслать видения. Резные панели темного ореха; не сразуобразишь, что это дверцы многочисленных шкафов. На подвесных полках слева хранились манускрипты в переплетах из лильской кожи, со скрепами мерзкого вида; справа – склянки с зельями и экстрактами. В ряде склянок что-то явственно шевелилось. Один из двух массивных столов имел относительно привычный для глаза вид. Столешницу оккупировали груды свитков, мраморное пресс-папье, похожее на инструмент палача, и чернильница в виде злобного камелопарда.

«Макать перо в рогатую башку верблюда, должно быть, занято...» – оценил Конрад вкус сударыни Куколь.

Второй стол занимала дивная конструкция – ряд зеркал, установленных под неожиданными углами друг к другу, пара свечей на паучьих ножках и тончайшая серебряная сеть, опутавшая сооружение. В центре композиции на треножнике покоился шар-обсервер.

Над ним ворожила хозяйка кабинета.

– Присаживайтесь, коллега. Я уже заканчиваю. Устала, как гений на побегушках. Шарик, в придачу к повреждениям, оказался закриптован. Кое-что, к сожалению, утеряно, остальное раздергано, как мой начальник перед высочайшей аудиенцией. Но сам факт нахождения обсервера при осмотре места – редкая удача. В моей практике был всего один случай...

Поскольку в практике барона подобных находок не случалось вообще, он счел за благо промолчать.

– Уси-пуси, мой сладенький...

Вигилла нежно огладила обсервер ладонью – и шар тускло вспыхнул. Конраду послышалось глумливое хихиканье. Обе свечи отбежали в сторонку, семена ножками, внутри серебряной паутины возник опалесцирующий туман. Быстро отойдя ко второму креслу, Генриэтта заняла место рядом с обер-квизитором – словно в ложе оперы перед началом «Психеи». Туман сгустился овсяным киселем, рождая хлопья-тени. Протянув руку знакомым жестом хищницы, вигилла неожиданно раздумала, выпрямила скрюченные пальцы и пощекотала воздух перед собой. Туман мурлыкнул от счастья; картинка прояснилась. Правда, она оказалась черно-белой. Не такой, как офорты знаменитого графика Олафа Дальтоника, а иначе: цветное изначально полотно поблекло с годами, и лишь местами проступает намек на бывшее буйство красок.

Барон подался вперед, чувствуя накатывающий азарт.

Знакомая зала гостиницы. Белые кресла, столы, стены, лепнина над камином сливаются в сплошную круговерть снега. Деталей не разглядеть. Зато на фоне зимнего пейзажа отчетливо выделяются фигуры людей. Вот они, пропавшие без вести квесторы. Миловидная, но излишне развязная девица без малейшего стеснения устроилась на коленях у кудрявого красавчика; парень по-хозяйски обнял ее за талию. Рыцари Утренней Зари, значит. Светочи Абсолютного Добра.

Идеалисты.

Ханжой барон не был, но досуг адептов Света представлял себе несколько иначе.

Картину заслонила ладонь гиганта, плавным движением омыла шар. Изображение мигнуло, исказилось, заплывав памятную «Сарабанду». Обер-квизитор и без пояснений догадался:

кто-то, по всей видимости Кристофер Форзац, изменил характер работы шара. Фигуры забежали как ошпаренные. Пронесся из угла в угол племянник Герман; вскочил и снова упал в кресло квестор, сидевший к шару спиной; в дальнем углу нервно разминала запястья молодая женщина со строгим, можно даже сказать суровым, лицом; мелькнул край хламиды... Племянник барона возник посреди залы. Кажется, он что-то выговаривал бесстыднице (совершенно-летняя гуртовщица?), но слов слышно не было.

– Я привлеку чтецов по губам, – тихо заметила вигилла. – Жаль, время торопит...

Словно в ответ, туман дрогнул и поспешил взорваться.

Кроме грохота, Конраду удалось расслышать отдаленный вскрик и звон бьющегося стекла. Полыхнула слепящая вспышка; барон зажмурился. Когда зрение вернулось, глаза начали отчаянно слезиться. Ритм смены картин стал рваным, мозаичным. «Сарабанда» превратилась в безумную пляску менад. Зеленоватые капли пламени отделились от рук человека в хламиде, веером уйдя во тьму за окном. Миг – и чародей мешком осел на пол. В дверях залы рубился один из квесторов, ухитрившись задержать на пороге целую шайку атакующих. Два клинка, длинный и короткий, разили без усталости.

Смазанным пятном мелькнула тень: волк? собака? – сшибла другую тень, вломившуюся в окно. Обе катятся по полу. Сполохи, мрак, блики. Разнесенное в щепы кресло. Крупно: опрокинутый шандал. Арбалетный болт глубоко вонзился в стену. Безвольная рука на белом ковре; одна рука – не поймешь, отрублена, или тело просто не попало в «зеницу» обсервера. На пороге упал рыцарь-защитник; топча его, смутные фигуры врываются в залу. Лиц не разобрать. У обер-квизитора невольно вырвался вздох разочарования. Суматоха в углу. Это женщина со строгим лицом. Должно быть, Лайза Вертенна, вольная метательница с лицензией. Ее руки с нечеловеческой быстротой снуют взад-вперед: два челнока в новомодном ткацком станке. Что-то летит, поражает, промахивается... Сбоку от Лайзы возникает угловатый силуэт.

Короткий взмах.

Словно подчиняясь приказу, женщина падает на колени.

Пламя выхватывает из темноты лицо. Это Герман. Злые высверки стали. Двое танцуют танец смерти, стремительно приближаясь к шару-обсерверу; их тела закрывают весь обзор. Мелькание теней. Покрывало, сотканное из мглы, рушится, течет по поверхности шара, застит взор.

Конец.

Нет! Барону почудилось, что он сам ощутил удар. Внутри серебристой паутины жалобно застонали. Взвихрилась черно-белая круговерть. Наверное, шар выпал за окно – или его выбросили, желая разбить. Если выбросили, значит, это сделал не чужой маг. Маг прихватил бы полезную и опасную вещь с собой.

Наконец кружение останавливается.

Темные потеки (кровь? кровь *Германа*?!) залили большую часть шара. Лишь справа сверху остался фрагмент изображения. Колесо повозки. Кучка людей споро грузит тела...

Убитые? Раненые? Пленные?!

Рядом болезненно охнула Генриэтта Куколь. Конрад обернулся к вигилле и в первое мгновение растерялся, что случилось с ним нечасто. Лицо Генриэтты – восковое, с голубыми ручейками вен на висках – застыло посмертной маской. Глаза закатились, руки безвольно упали на подлокотники кресла.

– Вам плохо?! Сударыня! Эй, кто-нибудь, скорее...

– Не надо...

Женщина глубоко вздохнула, приходя в себя. Ресницы ее затрепетали, взгляд обрел осмысленность.

– Спасибо за беспокойство, барон. Звать никого не надо. Мне уже лучше. Просто не рассчитала сил.

Конрад мельком бросил взгляд в сторону конструкции на столе. Туманная сфера исчезла, обсервер погас, а свечи тряслись от страха на краешке столешницы.

Тоненько звенели склянки на полках.

– Вам действительно лучше? Может, кликнуть лекаря или кого-то из ваших коллег?

– Не беспокойтесь. Я рискнула считать остаточные эманации ауры. Обсервер частично вплетает их в структуру изображения.

– И что вы выяснили?

– Там были мертвые. В повозке. Только мертвые. Одни мертвецы... – Голос вигиллы дрогнул. – Злоумышленники грузили трупы.

– Ошибка исключена?

– Исключена.

* * *

– Я отправил ликторов для опроса стражи на всех выездах из Реттии. Мы наверняка опоздали, но кто-то мог заметить подозрительные телеги...

– Я начала анализ следовой маны по векторам убывания. Надеюсь составить «Розу шагов»...

– У меня есть след.

– На чем?

– На раздавленной свече.

– Не годится. Его нельзя высушить в печи – воск расплавится.

– Среди нападавших был маг. По меньшей мере один. Полагаю, он оставался вне гостиницы...

– Есть шанс установить его личность по чаровому отпечатку мана-фактуры. Обращусь в Большой Гаруспициум – у меня там друзья среди прорицателей...

– Затребую сыскарей с собаками... если в городе есть хотя бы один псоглавец – привлеку к розыску...

– Псоглавцы никогда не идут на сотрудничество в таких делах.

– У меня свои методы. Пойдут как миленькие. Бегом побегут.

– Задействую эксперта по некроэманациям. После убийства они держатся до двух суток, время еще есть...

– Повторно осмотрю место происшествия, вещи квесторов...

– Вы не можете держать оцепление вокруг гостиницы больше суток. И закрыть «Приют героев» тоже не в силах – хозяин подымет вой, дойдет до суда... Гильдия Отельеров весьма влиятельна.

– Ничего. Я найду способ.

Слова наждаком драли горло. Потеря племянника из допущения сделалась реальным событием. Редко встречались, часто – какая разница? Холостой, бездетный, давно махнув рукой на семейный уют, Конрад видел в Германе следующего барона фон Шмуца и радовался этому, как если бы оставлял титул собственному сыну.

Носом землю рыть буду. До нижних ярусов ада.

Найду.

Даже если отстранят от дела как близкого родственника – найду...

– У вас есть версия, барон?

– Есть. Кто сейчас сидит в Черно-Белом Майорате?

– Судя по тому, что квесторы служили Заре Утренней... Черный Аспид там сидит. И ждет начала.

– Аспид, значит? Вы уверены, что он просто сидит и ждет?

- Нарушение орденового Завета и «Пакта о нейтралитете»? Впервые за все время?
- Все когда-то случается впервые. Допустим, этот Аспид энергичней своих предшественников. Допустим, у него особые взгляды на войну чистых начал. И еще допустим, что он очень заинтересован в гибели квесторов.
- Вы правы. Мотив налицо. Хотя... Лорд-временщик Майората должен предвидеть, что подозрение падет в первую очередь на него.
- Уверен, квесторов убрали руками наемников, нанятых через подставных лиц.
- Надо искать исполнителей.
- И брать живыми!
- Не обязательно. Мертвые куда разговорчивее. И не убегают.

* * *

Конрад любил глядеть из окна кареты на открывающиеся виды – будь то сельская буколика, кривые улочки местечек или площади столиц. Себя он обычно убеждал, что таким образом упражняет наблюдательность. На самом же деле ему просто доставляло радость умиротворенное созерцание картин, проплывающих мимо. Однако сейчас шторы на окнах кареты были задернуты наглухо: барон желал уединения.

Все возможные запросы и распоряжения сделаны.

Краткий период бурной деятельности сменился временным упадком сил.

Не каждый день теряешь родного человека; есть от чего прийти в душевный раздрай. Оставшись наедине с дурными мыслями, Конрад скользил умом по замкнутому кругу: словно грешник по ярусам владений Нижней Мамы. В общей картине преступления чудились несообразности и «белые пятна». Вот уж точно, что «белые»... Мельтешит эдакая пакость на краю поля зрения, а глянешь пристальней – и нет ничего. Естественно, подобные капризы не улучшали настроения.

– Приехали, сударь!

Как и распорядился клиент, агитатор остановил карету на перекрестке, за два квартала до переулочка Усекновения Главы. Далее обер-квизитор намеревался пройти пешком. За право именоваться «агитатором» («возница благородных» на старореттском) любой извозчик рангом пониже, не задумываясь, пожертвовал бы личной бляхой, бородой и целомудрием супруги. Однако в Гильдию Агитаторов принимали исключительно каретных кучеров, да и то с разбором. Стоили услуги агитатора втрое-вчетверо по отношению к прочему извозу. Удобство кареты, мягкая езда, запрет на лихачество и гарантия своевременного прибытия именно туда, куда ты собирался прибыть, по мнению барона, с лихвой окупали расходы.

– Благодарю, голубчик...

Бросив агитатору серебряный бинар и не дожидаясь сдачи, фон Шмуц двинулся в сторону гостиницы. Рассудок наконец-то очистился, став похож на бассейн, куда из различных труб беспрепятственно вливались и выливались, не замутненные личными оценками, впечатления дня. Оставалось ждать, пока бассейн наполнится.

Это также была составная часть метода, обычно приносившего потрясающие результаты. Впрочем, случались и досадные неудачи.

– Добрый вечер, ваша светлость! Вы, никак, снова в гостиницу? Солнце скоро сядет, а вы все на службе?

Барон споткнулся на ровном месте и едва не выругался, хотя не любил вульгарной брани. Откуда на его голову взялся этот стряпчий?! Руки чесались погнать назойливого крючкотвора взашей. Увы, ни малейшего повода для рукоприкладства не наблюдалось. Поздоровался человек, поинтересовался делами – не в тычки ж его за это, в самом деле?

– Добрый вечер, сударь. Вы на редкость проницательны. Я на службе круглосуточно. И направляюсь именно в «Приют героев».

– Как я вас понимаю! Ни минуты покоя, ни единой минуточки. Вот, извольте видеть: вчинил иск Ордену Зари по всей форме, – стряпчий продемонстрировал пухлый кожаный планшет для бумаг. – Не муха начихала: исковое заявление в двух свитках, заказное письмо с оглашением претензий, выплата королевской пошлыны, приложение с описью, заверенное в нотариате, копию – в Гильдию Отельеров... опять же, сохранность имущества пропавших без вести, запросы, протоколы...

Странное дело: барон проникся сочувствием к усердному сударю Тэрцу.

– Изрядно мы с вами поработали, ваша светлость, изрядно...

– А скажите, сударь Тэрц... Вы не в курсе: кухня в «Приюте героев» сносная?

– Сам ранее не столовался, но отзывы слышал исключительно похвальные. Исключительно! Тамошняя повариха свое дело знает.

«Какое именно?» – хотел ядовито поинтересоваться Конрад, но вовремя сдержался. Все-таки обещал Трепчику не распространяться. Слово чести надо держать, даже если дал его простолюдину.

– Кстати, о поварихах! – Идти молча стряпчий был неспособен категорически. – Довелось мне недавно регистрировать одну жалобу. К нашему с вами делу она жалоба касательства не имеет...

Барон и здесь сдержался, поражаясь собственной снисходительности.

– ...но попутно выяснилось: молочницу Анну-Батисту Колодзябчик муж регулярно поколачивает. Причиняет, значит, тяжкие телесные, большей частью – сапогами в живот. Бедная женщина... Но я, собственно, не об этом. Он ее бьет – а она ему детей рожает! Он бьет – а она рожает! Дюжину отпрысков извергу родила, и все – здоровехоньки. И сама молочница румяна и дородна на диво. Несмотря на – и даже вопреки. А почему так, знаете?

Барон почувствовал, что былой кошмар возвращается.

– Я вам отвечу, ваша светлость, почему! Потому что тень у Анны-Батисты Колодзябчик, урожденной Монтень, – особенная. С двойным, извините за народное словцо, пузом. Потому-то муж ей первое чрево хоть напрочь отбей – нипочем выйдет. И с именем у молочницы хитрые кренделя – бывало, муж с утра и не вспомнит, как жену зовут и по какому поводу ее с вечера сапогами пинал... Не к добру это, уж поверьте Фернану Тэрцу, не к добру! На улицах шепчутся: грядет, мол, большое лихо...

Отчаявшись отделаться от стряпчего, Конрад терпел, стиснув зубы. И был просто счастлив, когда приблизился к черно-белому входу в «Приют героев».

Он и себя, право слово, чувствовал героем. Мог ведь и пришибить болтуна.

* * *

– ...Ваша светлость, я еще раз со всей решительностью заявляю: с завтрашнего утра я начинаю пускать постояльцев! Для покрытия причиненных убытков! Знаете, сколько столяр Дубка запросил за ремонт? А штукатур Анастасий Рензит?! А маляры? паркетчики? запечных дел мастера?! Нет, вы даже представить этого не можете! Грабеж и разорение, грабеж и разорение...

– Не беспокойтесь, любезный сударь Трепчик. Я вчинил иск по всей форме, и не будь я Фернан Тэрц, если нам... то есть вам не возместят убытки до последнего мона!

– Благодарю вас, дорогой сударь Тэрц. Что бы я без вас делал?! Да, кстати, ваша светлость: полюбуйте на этого балбеса. Утверждает, что его прислали вы, но крайне, крайне подозрителен! Выгрузил прорву разных вещей, уходить не желает, объясниться отказывается! И брови супит, знаете ли...

Барон посмотрел в указанном хозяином направлении – и не отказал себе в удовольствии долго изучать взглядом собственного камердинера, которого заметил сразу при входе. Любек, как обычно, имел такой вид, словно ему известны все тайны Мироздания, от Вышних Эмпиреев до ярусов геенны – но ни крупницей оных тайн он ни за что ни с кем не поделится.

Даже под пыткой.

Люди, носящие желтые чулки и модные подвязки крест-накрест, отличаются гранитной твердостью характера. Это известно каждому образованному человеку.

– Ты пунктуален, Любек, – нарушил Конрад затянувшуюся паузу. – Хвалю. Только я просил тебя привезти средний походный набор. А не большой, или, упаси Вечный Странник, *полный*.

– Ну д-да, ну д-да, – заговорив, Любек утратил толику высокомерной загадочности. Он слегка заикался и почему-то в основном на букве «д». Постороннему слушателю казалось, что камердинер кудкудахчет, будто курица над яйцом. – Разумеется, сред-д-д-д... Средний. А потом выяснится, что нашей светлости требуются носки собачьей шерсти, поскольку резко похолод-дало, любимый вязаный плед-д и бутылочка золотого рома «Претиозо». Из фамильных погребов, д-д-двенад-д-д-дцати лет выд-держки. Или наметится д-дальняя д-дорога, где никак не обойтись без саквояжа и набора притираний от мэтра Д-дефлио...

– Мой камердинер Любек Люпузано, прошу любить и жаловать.

– Ваш камердинер?!

– Да. Он доставил сюда мои личные вещи.

– А... зачем, ваша светлость, позвольте поинтересоваться?

Вид сбитого с толку Трепчика-младшего доставил барону минуту чистой радости.

– Вы же собирались вновь открыть «Приют героев» для постояльцев? С завтрашнего утра, если не ошибаюсь? Так к чему откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Я – ваш первый постоялец, сударь. Вы счастливы?

Вместо счастья на лице почетного члена Гильдии Отельеров отразилось смятение чувств. Но, к чести хозяина, Трепчик справился с ним на удивление быстро.

– Милости просим, ваша светлость! Останетесь премного довольны!

– Не сомневаюсь...

– Какой номер желаете?

– Лучший, разумеется.

– К вашим услугам. Смею только заметить, что на белой половине с завтрашнего дня ремонт...

– Меня устроит черная половина. Я не суеверен. Надеюсь, ваши черные... э-э... клиенты не придерживаются крайнего аскетизма?

– Ни в коей мере! Строго между нами, номера Вечерней Зари существенно комфортабельней... Будьте уверены! Вот, прошу, запишитесь в книге...

Барон обмакнул гушиное перо в чернильницу.

– Апартаменты, где жили пропавшие без вести квесторы, также зарегистрируйте на меня. Я оплачу полную стоимость.

– Д-д-да как же?... д-да что же... – хозяин вдруг стал заикаться наподобие камердинера.

– Во избежание. Вы хорошо поняли, сударь Трепчик? И все – подчеркиваю, *все* ключи от этих комнат должны быть у меня.

– Понял, ваша светлость! Предоставлю немедленно!

– Позвольте засвидетельствовать вам свое уважение, ваша светлость, – вмешался Тэрц. – Чрезвычайно разумное решение. И безукоризненное с точки зрения соответствия букве закона. Как лицо частное, вы, конечно... но, с другой стороны, как высокопоставленный сотрудник Бдительного Приказа, имеете полное право... В интересах следствия и сохранности имущества...

Болтовню стряпчего Конрад пропустил мимо ушей, мало-помалу начиная привыкать. Удивило другое: пару минут крючок ухитрился хранить молчание.

– Лишь об одном осмелюсь просить вашу светлость...

– Да? – Барон слегка приподнял левую бровь.

– Ежели другие постояльцы объявятся, вы им не рассказывайте лишнего, хорошо? – Трепчик просительно заглянул в лицо барону снизу вверх, чем надолго снискал расположение Конрада. – Отвадите народ, а я и так потерпел убытки сверх всякой меры...

– Неужели вы думаете, сударь, что я стану с первым встречным обсуждать вопросы, касающиеся моих прямых служебных обязанностей? Вопросы, могущие нарушить тайну следствия?

От тона обер-квизитора Трепчика явственно мороз продрал по коже. Хозяин даже не успел сообразить, что ответ, в сущности, полностью соответствует его чаяниям. К счастью, как раз в этот момент у входа послышался шум. Дверь распахнулась, и в холл сломя голову влетел благообразный старичок, едва не упав. В последний миг он чудом успел схватиться за край конторки и лишь потому удержался на ногах. Шляпа и старомодный парик с «львиными» локонами свалились на пол, и старичок мигом наступил на них башмаками, довольно-таки грязными.

Более всего визитер напоминал профессора из университета в провинции. Румяный и кругленький, как наливное яблочко; клинышек седой бородки, лицо гладкое, почти без морщин. Зауженный кафтан-жюстокор украшен на плечах пучками лент и подпоясан широким шарфом с бахромой. Верхние стеганые штаны, панталоны с бантиками в два ряда. Старомодный франт в летах, приехал в столицу потратить на удовольствия некоторую сумму – без лишнего шика, но и не очень стесняясь в средствах.

– Э-э... прошу прощения, господа. Моя проклятая неуклюжесть... У вас слишком высокие порожки, господа. Скажите, это ли гостиница «Приют... м-м... героев»? Кажется, героев, если я ничего не путаю. Понимаете, я забыл взглянуть на вывеску...

Ясное дело. По приезде услышал об экстравагантной гостинице и решил ближе ознакомиться с достопримечательностью. Вернется, станет хвастаться соседям.

– Вы совершенно правы, сударь! – раскланялся Трепчик, излучая радушие.

– Благодарю, голубчик! Вы хозяин?

– О да!

– Могу ли я снять у вас номер?

– Разумеется! Правда, на белой половине у нас ремонт... Спешу заверить, сударь: апартаменты черной половины отличаются исключительно цветом! Удобства везде самые замечательные... Вот господин барон может подтвердить, он здесь досмотр проводил... в смысле, осмотр...

Старичок отмахнулся, сбив чернильницу с конторки.

– С моим зрением мне абсолютно все равно: черные, белые... О-о, мой парик!.. моя шляпа... у вас слишком едкие чернила, голубчик!.. Ну ничего, позже вычищу...

Вернув письменный прибор обратно на конторку и по дороге забрызгав край баронского плаща – «О-о... ради Вечного Странника, простите!.. у вас слишком длинный плащ, мой великодушный сударь...» – гость принялся записываться в книге. Рядом суетился хозяин, готовый простить случайному клиенту, первой ласточке Трепчиковой весны, сотню опрокинутых чернильниц.

Конрад проникся к старичку легкой завистью: ему самому отельер радовался не так искренне. По квизиторской привычке он заглянул неуклюжему гостю через плечо: «Ага, ничуть не профессор... Эрнест Ривердейл, граф Ле Бреттэн... срок проживания – по усмотрению...»

Овал Небес!

– Простите, ваше сиятельство... Вы случайно не родственник квестору Джеймсу Ривер-дейлу?

– Э-э... великодушно прошу... А почему, собственно, вас это интересует, сударь?

– Разрешите представиться, граф. Барон фон Шмуц, к вашим услугам.

Близорукие глазки старичка моргнули.

– Ага, вот, значит, как... Это все меняет... Вы – отец квестора Германа, полагаю?

– Нет.

– Неужели? Я был уверен...

– Я не отец Германа. Я его дядя.

– Ах, барон! Ну конечно же... А я – дедушка Джеймса.

Он так и сказал – «дедушка».

Spatium II

Шпагу – королю, гонор – никому, или Жизнь семейства Ривердейл

Дворянство Ривердейлы получили давно, еще при Пипине Саженом.

Семейная легенда гласит, что великий император, наголову разбитый ордой Элбыхэ-ной-она в первом сражении при Шпреккольде, бежал в Бирнамский лес, опасный для случайных путников и вдвойне опасный – для особ королевского звания. Но случилось чудо. Деревья Бирнама, с древних времен непримиримые к венценосцам, на этот раз вспыхнули гневом к горстке телохранителей императора, превратив их в лакомые удобрения, – а он сам, раненный и обессилевший от скитаний, в конце концов обрел пристанище в хижине дровосека. Там его и нашли трое вольных стрелков-мародеров, возжелав отобрать у павшего величия одежду и драгоценности, а самого Пипина живым предать в руки злобного Элбыхэ для триумфальных пыток. Дровосек вначале колебался между священным долгом гостеприимства и долей в имуществе гостя, предложенной ему мародерами, но итог колебаниям отца подвел сын – девятилетний Марчин. Дитя схватило родительский топор, заслонило тоскующего императора и громко возвестило:

– Отец, не бойся! Нас трое против троих, и, значит, судьба еще не решена!

Через шесть лет, все при том же Шпреккольде, трубя победу, Марчин-оруженосец получил от императора дворянство и рыцарские шпоры.

А в придачу – графство Бреттэн, граничащее с судьбоносным Бирнамом.

Злопыхатели и завистники будущей славы Ривердейлов шептались, что есть иной вариант семейной легенды. Без леса, мародеров и топора, зато с борделем в Треццо, императором, дровосеком, сыном дровосека, выдохшимся флаконом афродизиака и тремя ненасытными шлюхами. Впрочем, бессилие Пипина, от боевых ран или от чего иного, и ключевая реплика юного героя оставались неизменными.

Шептались злопыхатели правильно. В том смысле, что за более внятный разговор на подобные темы Ривердейлы отрезали языки – умело, быстро и безболезненно, на зависть хирургам-медикам.

Резать, рубить и колоть оставалось главным занятием семьи на протяжении столетий. Сын Марчина, граф Роберт Быстрый, отличился в пресловутых Окружных Походах, наводя ужас на мамлюков султана Арье-Лейба бен-Цимах. Следом за честь рода вступились близнецы Сайрус и Сайлас, первенцы Роберта. Часовня Разбитых Надежд, возле которой братья плечом к плечу в течение двадцати лет, согласно данному обету, провозглашали первенство дам их сердец – сестер-двойняшек из Деррисдайра, – навеки осталась в памяти уцелевших рыцарей королевства, сильно проредив ряды последних. К сожалению, сестры не дождались паладинов, благополучно выскочив замуж за тех, чьих имен история не сохранила.

Лэньон Ривердейл был лейб-беллатором, иначе дуэльным заместителем короля Шарлеманя Вспыльчивого, снискав владыке репутацию тирана и человека, крайне щепетильного в вопросах чести.

Клайд Ривердейл, обеднев, открыл частную школу фехтования, публично объявив иных маэстро шарлатанами. Через некоторое время он принес извинения оставшимся в живых коллегам. Эти извинения в письменной форме более века украшали собой учебную залу школы, вместе с девизом: «Шпагу – королю, гонор – никому!» Поговаривали, что были они еще более оскорбительны, нежели первоначальное заявление Клайда. Так или иначе, остальные Ривердейлы, на чьем попечении оставалась школа в последующие годы, в уязвлении коллег словесными выпадами замечены не были.

С выпадами иного рода – по ситуации.

В скрипториях для юных забияк книги знаменитой семьи шли нарасхват: «О привлекательности ноги неодошедшей», «Дуэль на бастардах: преимущества и недостатки», «Парадоксы оружия» и «Гладиаторий». Особенно с иллюстрациями авторов.

И, наконец, в новейшее время семья Ривердейл имела прямое отношение к храму Шестирукого Кри.

Здесь, пожалуй, стоит задержаться особо. В отличие от пресловутого острова Гаджамад, колыбели воинских искусств, с его великими мастерами, каждый из которых выглядел безобидней ребенка или, если угодно, старца-паралитика, – храм Шестирукого пошел другим путем. Кри, он же Кристоальд Скуна, маг и величайший гипнот-конвертер из накопителей, существовавших досель, посвятил годы жизни изучению боевых навыков хомобестий. Псоглавцы и гнолли, русалки и кентавры, гарпии и алконосты, минотавры и сатиры, анубисы и озирисы, леониды и стокимы, великаны с лебяжьими шеями – все они попадали в поле зрения Шестирукого Кри.

Оборотнями Кристоальд не интересовался, предпочитая стабильные сочетания.

Каким образом гипнот договаривался с предметом своего интереса, да еще и добивался разрешения погрузиться с когтистой гарпией или, скажем, гривастым леонидом в уни-сон на заданную тему – один Вечный Странник знает. Достоверно известно другое: войдя рука об руку в уни-сон, маг начинал метаморфировать грезу, порождая конфликт за конфликтом. Разумеется, речь шла о конфликтах внешних – ни один гипнот, будь он харизмат-лидер Маковой Ложи, не рискнул бы обратить агрессию компаньона на себя самого. Такие штучки грозили спонтанным разрушением уни-сна и разложением личности гипнота на массу разумных, но крайне неуживчивых «соседей». Посему, ведя подопечного дорогой батальей, Кристоальд Скуна всего лишь заносил инстант-образ сражающегося гнолля или анубиса в обширный меморандум – скрупулезно, со всем спектром методов, ухваток и навыков, характерных для данного существа.

Псоглавцы, мастера грызни и непревзойденные борцы, с их молниеносными бросками в ноги и мертвой хваткой челюстей, смыкающихся на горле сбитой жертвы. Гнолли и анубисы, близкая родня псоглавцев, вместо фронтальной атаки предпочитали серии быстрых укусов в места расположения крупных артерий – пока шла увертливая война за захват, предшествующая «бесовой мельнице» или «оползю».

Прыгучие сатиры ловко обезноживали противника ударами твердых копыт, брыкаясь с исключительной меткостью: колени, подъем стопы, внутренняя сторона бедра, пах, живот, и никогда – выше. В ближнем бою не было равных их родичам, пьяницам-силенам, сторонникам тайного принципа: «Кошусь на восток, падаю на запад!», и фавнам. Низко опущенная голова с выставленными рожками, слабая чувствительность к боли, умение зажимать врага в угол – после чего фавн без усталости молотил кулаками, мало уступавшими копытам в твердости.

Пикирование гарпии на добычу – мощные когти ног глубоко впиваются в плоть, крылья лупят по лицу, ослепляя, а кривые и острые когти рук неустанно трудятся над всем, до чего дотянутся. Более мирные алконосты не обладали таким впечатляющим набором когтей, зато ужасающая скорость их полета опрокидывала любого, в кого врезался разгневанный алконост, вызывая повреждения органов и внутреннее кровотечение.

В морских баталиях русалки были непобедимы.

Минотавры одно время едва не привели к банкротству Агильерский Корридор. Подав прошение о милосердии к невинным животным, они, согласно решению суда о равноценной замене, приняли участие в корридах вместо обычных быков – чем сильно сократили численность торреро, гордых и вспыльчивых любимцев публики.

О леонидах и вспоминать нечего – боеспособность льва, помноженная на изворотливость человека, говорила сама за себя.

По мере накопления знаний Шестирукий Кри перешел к следующему этапу эксперимента. Войдя в уни-сон с чистокровными людьми, адептами храма и бескорыстными ревнителями бранного дела, он опять формировал батальную ситуацию, – одновременно накладывая на человека-«попутчика» инстант-образ дерущейся хомобестии. Гибкая психика бойца адаптировала чужие, но, безусловно, полезные навыки, внося их в привычный арсенал измененными, но результативными. Разнообразя таким образом собственный театр военных действий, человек получал ряд несомненных преимуществ, сводя воедино данное от рождения, полученное при обучении, обретенное в итоге жизненного опыта – и привнесенное гипнотом-накопителем. А заодно, познав ухватки хомобестий, мог успешнее противостоять им в рукопашной.

Якобы у бойцов даже начинались со временем телесные изменения, внешне незаметные, но успешно проявляемые в реальной схватке.

Первые годы существования храма, годы работы с хомобестиями и людьми-добровольцами, сокрыты во мраке тайны. О храме ходили легенды, страшные как для слушателей, так и в отношении друзей Кристоальда Скуны, стоявших у истоков. Поговаривали об ужасных болезнях, о разрушении координации движений, о сумасшествии и звероподобности нрава. Позднее сплетни иссякли, а храм Шестирукого за большие деньги стал принимать к обучению молодежь, взыскующую славы героев. С неизменно превосходным результатом, оправдывая высокую плату за услуги.

Джеймс Ривердейл, погибший квестор, принадлежал к этой молодежи.

Эрнест Ривердейл, его дед, был другом детства Кристоальда Скуны, одним из первых добровольцев храма.

Caput III

«Берегись, пескарь, на хвосте сыскарь – лихо под мостом повилять хвостом...»

В роли благодарного слушателя «Повести о доме Ривердейлов» Конрад удостоился через пять минут беседы с престарелым графом. Внимая героической саге, барон к концу заскучал и с любопытством принялся разглядывать интерьер гостиничной харчевни, где им в мгновение ока был накрыт столик на двоих.

Как и весь «Приют», харчевня делилась на две половины: черную и белую. Никаких перегородок или хотя бы ширм не наблюдалось: Свет и Тьму разделял лишь цветовой фронтир. Кроме набивших оскомину картин борьбы двух чистых начал (слева побеждала Тьма, справа – Свет), стены украшал целый арсенал оружия, целого и сломанного в боях, а также детали доспехов. «Бутафория, – определил обер-квизитор наметанным глазом. – «Засохшая кровь» на клинках – ржавчина пополам с туристанской охрой. Хотя среди лат есть любопытные экземпляры...»

Вот, к примеру, черный лакированный шлем. Судя по надписи, принадлежал Аспиду Второму. Вранье: кто позволит вывешивать реликвию перед жующими обывателями?! Тем не менее глянцево-блестящий, с широкими «закрылками», призванными защищать шею, с глубокими провалами «глазниц», где, казалось, теплились адские огоньки, с узким и тупым зарешеченным «рылом», шлем производил впечатление.

Для Аспида под любым порядковым номером – в самый раз.

На белой стороне к панели были прибиты снежно-серебристые крылья изрядного размаха. Кто-то из рыцарей Утренней Зари отловил живьем ангела и оторвал ему крылья? Вряд ли. Скорее оригинальная часть доспеха, придающая квестору ангельский вид для устрашения супостата. «В конном бою сойдет, – прикинул Конрад. – Но пеший ангелок далеко не улетит...»

Под крыльями стоял огромный щит, низ которого загигбался горизонтальной ступенькой. По кромке ступень имела пилообразную заточку.

– Выглядит устрашающе. На самом же деле... – проследил за взглядом барона Эрнест Ривердейл, закончив повествование. – Доспешному кнехту с крепкими поножами эта пила – что несвезлоху дротик. Если сей оригинальный выступ с усилием пнуть, щитоносец получает нижним краем щита по ногам, теряя равновесие, и верхним – по лицу. Даже при наличии шлема, поверьте, весьма болезненно. Я бы с удовольствием приобщил этот щит к своей коллекции. Восхитительно бестолковая конструкция. Надо будет переговорить с хозяином...

Граф умолк и щедро посолил сырную запеканку с миндалем. К счастью, большая часть соли попала за обшлаг рукава старичка, почти не испортив вкус блюда. Нет, столь виртуозно притворяться невозможно! Но рассказ о воинственной семье? Об участии в деятельности храма Шестирукого Кри? Заподозрить благородного аристократа во лжи не было никаких оснований. Выходит, в слухах о грустном исходе первых экспериментов Кристоальда Скуны есть зерно истины?

Или все намного проще?

Граф ле Бреттэн – теоретик. Чистый теоретик! И другу детства помогал именно в этом качестве. Например, тактика ближнего боя, знание каковой он чудесно проявил на примере щита с пилой. Даже в Ложе Бранных магов есть свои теоретики, знатоки веерного молниеметания, неспособные зажечь огарок свечи. Все это хорошо, но...

Почему граф объявился в «Приюте героев»?

Почему сразу после трагедии, опоздав едва ли на сутки?!

Обер-квизитор осторожно покосился на собеседника. Граф пребывал в задумчивости, лицо его выглядело печальным. Увы, болтун Трепчик уже сообщил старику о ночном побоище, разукрасив дело самыми мрачными красками. А ведь просил барона хранить молчание! Начинать скользкую тему не слишком тактично, но за время ужина между мужчинами установилось некое подобие доверительных отношений, как у людей с общим горем.

Конрад решил рискнуть.

– Простите, граф, что отрываю от размышлений... Что привело вас в столицу?

– Как – что? Разумеется, то же, что и вас. Письмо.

«Какое письмо?!» – едва не вырвалось у барона.

Повисла опасная пауза. Ривердейл, моргая, с недоумением смотрел на обер-квизитора, словно ожидал, что тот сейчас рассмеется и сознается в глупой шутке. Под близоруким взглядом старика Конрад чувствовал себя последним мерзавцем. Честно признаться, что никакого письма он не получал? Увильнуть от ответа и обвиняками выяснить, что за удивительные письма выборочно рассылались по кое-каким адресам?..

– Осмелюсь доложить, ваша светлость! Вам депеша! А также дуэльный комплект, заказанный вашей светлостью в спец-арсенале!

Хвала Вечному Страннику, хранящему нас в бедах!

Курьер объявился на пороге как нельзя вовремя.

– Извините, ваше сиятельство, служба. Служба и долг чести. Я вынужден вас покинуть.

– Разумеется, барон! Ни в коей мере не смею вас задерживать! Желаю удачи... о-о... эти тарелки слишком хрупкие!..

– Благодарю вас, граф.

Церемонно раскланявшись, барон поспешно ретировался.

В пакете обнаружился результат запроса: скудные архивные данные на погибших квесторов. Времени до заката оставалось мало, и Конрад отложил бумаги на потом. Когда он покидал свои новые, аспидно-черные покои, в открытое окно влетел знакомый «аистенок» – точная копия дневного посланца.

«Его светлости, Конраду фон Шмюцу, лично в руки.

Достопочтенный коллега!

Довожу до Вашего сведения, что в процессе дальнейшего изучения шара-обсервера мною установлено: после известных событий прошлой ночи, но еще до попадания обсервера в палаты Тихого Трибунала, с шара была снята копия. Определить личность снимавшего доступными мне методами не представляется возможным.

Искренне Ваша, вигилла Генриэтта Куколь, м. в. к.».

* * *

Овал Небес поворачивался на ребро, сбрасывая солнце во владения Нижней Мамы. Солнце краснело, как рак в кипящем пиве, вертелось капризным дитятей в колыбельке и катиться спать не торопилось. Вполне понятная медлительность, даже если учесть, что пора бы и привыкнуть. День сменяется ночью, ночь – днем, кружит ветер, спешит река, и никому это мудрости не добавляет, вопреки заверениям пророков древности.

Конрад вздохнул и огляделся.

Место за обителью Веселых Братьев, унылых обжор, мрачных пьяниц и скучных развратников, издавна облюбовали дуэлянты всех мастей. Во-первых, здесь нет лишних глаз, а иноки проявляли к забиякам исключительное, временами обидное безразличие. Во-вторых, тут кра-

сиво, особенно ранней осенью. Обожженные шутником-листянчиком, в преддверии грустного часа, когда начнется неумолимый месяц падень, деревья полыхали гигантскими факелами. Трава на лугу сделалась жесткой, но до сих пор хранила зеленый цвет лета. Стены обители, сплошь в трещинах и выступах, напоминали шкуру могучей виверны, чешуистую, в извилистых потеках крови – листья ядовитого плюща, струившегося по стенам, полностью обрели багряный оттенок. От ручья тянуло зябким холодком; протекая ниже, в лощине, ручей сильно облегчал работу лекаря по окончании схватки.

Впрочем, сегодня лекарь не понадобится.

Разве что корнета от вспылчивости удар хватит.

– Опаздываете, милостивый государь! А я ведь предупреждал...

– Прошу прощения, – тон извинения и, главное, пламенный взор юного Лефевра придавали словам совершенно противоположное значение. Того и гляди, не дождется, в глотку вцепится. – Задержался, уговаривая секундантов. Труссы! мелкие душонки! Отказывались, ссылались на презренные обстоятельства... только самые близкие друзья, самые верные...

– Вы привели секундантов?! Вам что, никто не удосужился объяснить...

– Я не нуждаюсь в объяснениях, сударь! Тем паче накануне поединка чести!

«Самые верные» – двое прапорщиков, явно произведенные в чин буквально на днях, – гордо подбоченились. Сбитые на плечо ментики, короткие, в шнурах, галунах и лентах, едва не свалились в траву. Конрад вздохнул еще раз. Ну конечно, нашему петушку никто не объяснил, а если и пытались, то петушок не слушал, а кукарекал...

– Во время дуэли с сотрудником Бдительного Приказа, если стороны отказываются решить дело миром, секундантов, молодой человек, не полагается. Дуэльный Кодекс, статья «О частных случаях», параграф тридцать второй, – барон вспомнил зануду-стряпчего и скривился, как от зубной боли. – Вот наши «секунданты», единственные и неповторимые.

Он кивнул на две сабли в ножнах, мирно дремлющие на камне. Эти сабли час назад доставил курьер из спец-арсенала, вместе с распиской о выдаче, заверенной суперинтендантом Марком Храпунцом – человеком, рядом с которым дотошность барона выглядела разгильдяйством чистой воды.

Возле камня, прямо на траве, лежал восковый таблетон и стилос-самописец, остро заточенный на манер шпаги.

– Вы издеваетесь, сударь? Ну хорошо, вам недолго осталось!

– Уймись, юноша. Ваши старшие товарищи, зная Дуэльный Кодекс лучше вас, благоразумно отказались потакать глупостям пылкого корнета. И правильно сделали. Во время дуэли с квизиторами лучше обойтись без лишних свидетелей. От позора это не спасает, но хотя бы уменьшает его размеры... Впрочем, как вам будет угодно. Мы увлеклись. Приступим.

Аккуратно убрав сабли в сторону, барон принялся раздеваться. Не торопясь, свернул плащ с капюшоном; поверх сложил камзол, следя, чтоб не помялись разрезные, снабженные застежками рукава. Горку украсили кушак, треуголка и парик. Сразу стало прохладно. Правда, спину согревал взгляд корнета, пылавший яростью. Сам Лефевр, нимало не заботясь о сохранности имущества, набросал одежду вульгарной кучей. Оставшись в батистовой рубашке с кружевным воротом, он картинно разминал плечи, взмахивая то правой рукой, то левой.

Прапорщики аплодировали.

Похоже, корнет был любимцем полковой молодежи.

– Долго мне ждать, сударь?

– Идиот, – констатировала сабля, которую барон как раз извлек из ножен. – Еще и торопыга. Конни, опозорь дурака и пошли отсюда. В арсенале вечеринка, мы с Брюнхильдой не хотим опоздать.

На лицо корнета снизошла задумчивость. Он сделал глубокий выпад, продемонстрировав, что и раструбы сапожных голенищ тоже обшиты у него кружевами, потом выпрямился и осторожно взял в руки вторую саблю.

Подержал.

Потянул клинок наружу.

– Давай, давай, – подбодрила Лефевра сабля, сверкнув муаровым узором. – Или не помнишь, за какой конец меня держат?

Аплодисменты прапорщиков выродились в осторожное похлопывание. Казалось, у господ офицеров озябли ладони. Вот, мол, греемся, как умеем.

– Смотрите, молодой человек... Чтоб после не говорили, будто я вас не предупредил. Надеюсь, вы помните, чем карается нанесение телесных повреждений сотруднику Бдительного Приказа? Нам даже самоубийство совершить нельзя – с того света вернут и накажут по всей строгости закона...

Резко взмахнув саблей, барон наискосок рубанул себя по предплечью. Корнет дернулся, хотел было вскрикнуть, но поперхнулся и закашлялся. Вместо раны, крови и прочих ужасов раздался нелепый, смешной звук. «Ляп!» или «хлюп!..», что-то вроде этого.

– Изрядно ляпнуто, – хихикнула корнетова сабля-болтушка. – Кримхильда, признайся: тебе понравилось?

Кримхильда отмолчалась. Зато дрогнул лежащий на траве стилос, подполз к таблетону, коснулся воска острием и замер, дожидаясь приказа. Прапорщики, как по команде, бросили хлопать, с опаской косясь на болтливые сабли и бодрый стилос. Пожалуй, офицеры начали раскаиваться в опрометчивом решении секундировать другу.

– Вот таким образом, – подытожил барон, становясь в позицию. – Не беспокойтесь, ваша честь получит полное и окончательное удовлетворение. Без опасений подвергнуться наказанию от властей. Начнем?

– Начнем! – взвился корнет, теряя остатки хладнокровия. – Если вы думаете, что чин вкупе с этими дурацкими саблями помогут вам...

Не тратя времени на разведку, он кинулся вперед, молотя саблей, как цепом. Барон отступал, держа дистанцию. Всего дважды он принял клинок на клинок, уводя атаку в сторону. Звон металла, а также посыпавшиеся от столкновения искры еще больше раззадорили юного Лефевра. Корнет решил, что весь предыдущий спектакль был розыгрышем с целью заморочить ему голову и принудить к отказу от дуэли с этим маленьким фанфароном. Ничего, сейчас мы покажем, кто здесь мыльный пузырь, паршивая ищейка, а кто – гордость легкой кавалерии...

Вот, значит, вам, сударь, с размаху – «голубь садится на правое плечо».

А вот, значит, вам, сударь, «голубь садится на левое плечо».

А вот, сударь, «мама целует в лобик». Коротко, от локтя.

С «лобиком» вышла неувязка. Когда корнетовым «голубкам» не удалось изгадить плечи барона, Конрад сделал короткий шаг назад и вбок, переводя саблю по дуге острием к земле. У Кримхильды на крестовине изнутри крепился «палюх» – плоское кольцо из металла, защищающее большой палец, для чего «палюх» был раскован в щиток. Эта конструкция позволяла ловчей удерживать оружие и с большим успехом использовать инерцию увесистого клинка при закручивании удара. Как, например, сейчас.

– Ляпсус! – с удовольствием изрекла сабля, смачно припечатав снизу запястье корнета. – Имеем честь сообщить о неоспоримом факте. Овидий, записывай: наша светлость опозорила корнета Франца Лефевра один раз!

Стилос быстро застрочил по таблетону. Письмена, возникая на воске, вспыхивали темным пламенем и исчезали неведомо куда, оставляя чистую поверхность.

Прапорщики дружно попятились, делая знак от сглаза.

– Достаточно? – спросил барон, недоумевая, откуда сабля знает имя вспыльчивого корнета. Осведомленность спец-арсенала в самых разных вопросах давно была темой для разговоров в среде квизиторов. – Предлагаю считать дуэль законченной...

– Никогда! – выдохнул Лефевр и ринулся в бой.

На краю луга с акаций облетали рябые листья, безразличные к дуэлянтам.

* * *

Карету барон перед началом дуэли отпустил, о чем теперь весьма сожалел. На окраине не то что агитатора – обычного извозчика не поймать. А до «Приюта героев» с полчаса топтать придется.

В наступающей темноте.

По колдобинам.

День выдался тяжелым. Обер-квизитор устал, как гончая, загнавшая дюжину лис. С той лишь разницей, что он еще никого не загнал. Ну, разве что семь раз опозорил нахального корнета против одного-единственного косвенного позора в голень. Изловчился-таки, щенок. Ну и ладно. Идеалы недостижимы, не стоит терзать печень понапрасну.

Хотелось добраться до гостиницы, упасть в постель и провалиться в сон.

– Прочь, хамье! Лучше укажите мне дорогу в отель, и я готов буду вам заплатить...

Знакомый голос. Дребезжащий, высокий тенорок. Кажется, сейчас возьмет и начнет излагать «Повесть о доме Ривердейлов» по новой, с самого начала.

Ответом графу Ле Бреттэн послужило молодецкое ржание в три глотки.

– Проводники в столице дóроги, дедуля. Мончиков хватит? А ну, покажь!

– Вы забываетесь, сударь!

Резко прибавив шаг, Конрад возник из-за угла исключительно вовремя, словно Добрый Гений в финале трагедии Томаса Биннори «Заря». Как раз в этот момент один представитель «хамья» ухватил возмущенного графа за шиворот, а другой отвесил старику затрещину. Из уважения к преклонным годам, легкую, для острастки. Дело происходило под масляным фонарем; вся сцена предстала как на ладони. Двоих громил барон видел впервые. Третий, мелкий крысюк с ухом, распухшим до размеров олады, был знакомый.

Жертва стряпчего Тэрца, он лез с ножом к поясу Эрнеста Ривердейла, намереваясь срезать кошелек.

«Зря я велел отпустить мерзавца...» – задним числом попенял себе Конрад.

– Бдительный Приказ! Всем стоять! Имена, фамилии, сословия?

Если устал и неохота возиться с задержанием, кричи именно это. В грабителях сразу просыпается чувство противоречия: им – «стоять!», они – наутек. Молча и проворно. Но бойкая троица то ли растерялась, то ли дурная удаля в голову треснула. Старого графа они, правда, отпустили и теперь шурились, вглядываясь в темноту.

– Здрасьте-пожалста! – осклабился мастер затрещин, когда обер-квизитор возник в круге желтого света. – Герой-недомерок? Витязь в ослиной шкуре?!

– Эй, полурослик! – поддержал приятеля знаток чужих шиворотов. – Чеши отсюда!

А крысюк осклабился и хихикнул.

Очень хорошо, что троица не убежала. Просто очень хорошо.

Замечательно.

Две сабли с визгом покинули ножны, а ножны полетели в головы хамов. Кипя гневом, барон совершенно забыл, что под мышкой у него – не боевое оружие, а дуэльные болтушки, смилившиеся с утратой вечеринки в арсенале. Впрочем, с первым ударом обе сабли поняли, что вечеринка – так или иначе, там или здесь – удалась.

– Теофиль Стомачек, он же Гвоздила, он же Куцепердый! – радостно возопила Брюнхильда. – Ляпсус! Опозорен один раз, в область ключицы! Пиши, Овидий!

– Сыка Пайдар, он же Фрегат, он же Яцек Малява! – поддержала товарку Кримхильда. – Два позора, щека и левый бок! Овидий, чего спишь?!

В планшете, брошенном под фонарь, старательно зашуршал стилос. Отблески темного пламени пробились наружу, окутав планшет. Грабитель по кличке Гвоздила в ужасе попятился, хватаясь за грудь и ожидая, что руки его сейчас обогрятся кровью. Однако крови не было, что навело грабителя на самые жуткие подозрения.

– Колду-у-у-ун!!! – отчаянно взвыл он, получив Кримхильдой по шее.

– Мотаем! – с готовностью отозвался напарник, опозоренный дополнительно, наотмашь по темечку.

Крысюк с распухшим ухом выронил графский кошелек.

– Теофиль Стомачек, он же Михаль Ловчик, беглец-нелегал из Бадандена!.. дом номер восемь по улице Второго Помилования, сожительница – Брыхта Яловая, воровка на доверии... опозорен дважды... трижды!.. четырежды!.. Записывай!

– Юный бездельник Феликс Шахрай по кличке Гнилой Вьюн опозорен один раз!.. Два раза! Овидий, шевелись!

– Дядька, не на-да-а-а!!!

– Опозорен! Опозорен!

– Позор в ягодицу! Дважды!

Клинки молниями сверкали в тусклом свете фонаря, разя без устали. Старенький граф, проявив неожиданную прыть, отскочил к стене, стараясь не мешать. Весьма разумно с его стороны, ибо обер-квизитор разошелся не на шутку. Зрелище орущих и до смерти перепуганных грабителей доставило ему большее удовлетворение, чем мог бы доставить вид изрубленных в куски тел. Шагов сорок барон гнал вопящую троицу по переулку, вдохновенно исполняя «мотыльковый веер Сет-Рабби» и полосая беглецов по филейным частям. Затем горе-бандиты оторвались от преследователя и скрылись в темноте.

Малость запыхавшийся Конрад повернул назад.

– Премного благодарен вам, барон! Ваши отвага и доблесть...

– Полно, граф! Любой честный человек на моем месте...

– Честный и мужественный, барон! Мужественный! А это в наши времена не столь уж частое сочетание, к сожалению.

– Вы мне льстите... – Конрад, как и большинство его современников, был весьма чувствителен к фимиаму лести. Тем не менее постарался перевести разговор на другую тему: – Кстати, граф... Что привело вас в эти трущобы на ночь глядя?

– Вы не поверите, друг мой! Я заблудился! Вышел прогуляться перед сном – и не смог найти дорогу обратно. У вас в столице слишком запутанная планировка. Особенно на окраинах. И слишком наглые разбойники. В моем графстве всякое отребье не рискует нападать на людей благородного сословия.

В последних словах Ривердейла обер-квизитор усмотрел намек на плохую работу Бдительного Приказа. И снова поспешил сменить тему:

– Я провожу вас до гостиницы, граф. Нам по пути.

– Зовите меня просто, без церемоний – Эрнест. Я перед вами в долгу. И не спорьте, пожалуйста! О-о, извините, я наступил на ваш планшет...

– Хорошо, не спорю, – шутливо поднял руки барон. – Но тогда и вы зовите меня Конрадом.

– Идемте, мой друг Конрад. Без вас я бы, наверное, до утра искал дорогу. Кстати, как ваша дуэль? Надеюсь, все прошло благополучно?

Конрад позволил себе усмехнуться:

– Вполне. Не хуже, чем в переулке.

– От души поздравляю! «Веер Сет-Рабби» в вашем исполнении был превосходен! Учтите: это не комплимент, а оценка знатока. Хотя с левой... Вам полезно слегка расслабить плечо. А кисть при оттяжке, наоборот, закреплять жестче. Это позволит сократить амплитуду без потери силы. В остальном – чудесно! Хоть в учебник помещай.

Слушая рассуждения графа, барон время от времени согласно кивал, ибо находил замечания Ривердейла справедливыми. Да, странно выслушивать подобные сентенции от чудаковатого старика, спасенного из лап грабителей. Но отмеченная несообразность лишней раз подтверждала правильность выводов. Граф Ле Бреттэн – выдающийся теоретик ратного дела.

Что касается практики, то не всем быть универсалами.

* * *

– ...это называется гостиница?! Это называется столица?! Мне, пожилой женщине, жить в угольном ящике?! Да там же черным-черно, как у дракона в заднице! И за этот склеп – полбинара в день?! Что? Еда? Я еще посмотрю, что у вас за еда! Еще понюхаю! попробую на вкус! Небось помои такие, что и свиньи побрезгуют!

У конторки, за которой прятался съездившийся Трепчик-младший, разорялась старая карга. Более всего карга походила на пирата в юбке. Вернее, во многих юбках, ворохом торчащих одна из-под другой. Голова повязана кроваво-красным платком, но не по-женски, а с узлом на затылке и двумя хвостами, упавшими на широченные плечи; седые космы торчат наружу. Лицо черепахи, сплошь в морщинах, нос крючком. Левый глаз закрыт повязкой, правый хищно сверкает из глубокой глазницы. Рукава вязаной кофты закатаны по локоть; пальцы на жилистых руках шевелятся вразнобой.

И голос хриплый, как у голодной вороны.

– Не извольте беспокоиться, сударыня! Сейчас зажжем вам свечи! За счет заведения! И кормят у нас превосходно, не сомневайтесь! Вот их сиятельство с их светлостью – добрый вечер, господа! – подтвердят. Я вас самолично провожу, чтоб не споткнулись, не приведи Вечный Странник! Вот, я уже и канделябр взял... Что ж вы на ночь глядя приехали, сударыня? Вы б с утраца, засветло...

– Когда надо, тогда и приехала! – каркнула бабка. – Утром ему, костоеду! Может, вообще не приезжать надо было? И прочих дураков отвадить?! Так я могу...

Здоровый ее глаз с подозрением косился на сиятельство со светлостью, вошедших в холл. Небось прощелыги залетные! – читалось во взгляде.

– Что вы! Как можно! Я не то хотел сказать... позвольте, я услужу...

Трепчик не сомневался в умении госты отвадить кого угодно. Такая Вечного Странника с неба сживет. Ухватив один из узлов карги, хозяин крякнул от натуги. Но справился и, еле удерживая канделябр с тремя свечами, бросился ко входу на черную половину отеля. В этот момент граф, к удивлению Конрада, решительно направился к карге. Почти не споткнувшись и ничего не опрокинув, остановился в паре шагов.

С достоинством поклонился:

– Разрешите представиться, сударыня. Эрнест Ривердейл, граф Ле Бреттэн. Мы, видимо, будем соседями.

Карга вытаращилась на графа и вдруг относительно ловко изобразила реверанс.

– Аглая Вертенна. Из нетитулованных нобилитов Альгамбры, твое сиятельство.

– Барон фон Шмуц, – мгновенно оказался рядом Конрад. – Простите мой интерес, сударыня... Не родственница ли вы Лайзе Вертенне?

– Внучка она моя... А почему вы спрашиваете? Вы ее знаете, Лайзочку?

– К сожалению, не имеем чести, – граф перехватил инициативу. – Но, думается, всех нас привели сюда сходные обстоятельства. Вы, сударыня, тоже получили письмо?

– А вы откуда знаете?

Барон двусмысленно развел руками.

Наилучший ответ в его положении.

В номере Конрада ждала депеша. Глава Бдительного Приказа, прокуратор Вильгельм Цимбал, звал барона завтра, к восьми утра, на чашку горячего молока. И не в Приказ, а на личную загородную виллу. Карету должны были подать ко входу в гостиницу в начале восьмого.

«Вот тебе, бабушка, и выходной день!» – подумал барон, невпопад вспомнив сударыню Аглаю Вертенну.

* * *

Вилла прокуратора Цимбала была выстроена в стиле эклект-классицизма. Знатки восхищались, эстеты цокали языком (во всех смыслах), доброжелатели подсчитывали, сколько бинаров из государственной казны... Но подсчитывали втихомолку: Вильгельм Цимбал не поощрял внимание общества к своей частной жизни. Вопросы, начинающиеся сакраментальным «А может ли честный человек...», должны учитывать главный аргумент: если второго короля подряд устраивает прокураторское представление о чести и возможностях человека, значит, так тому и быть.

Дальше – тишина.

Колеса кареты зашелестели по гравию дорожки. Объехав газон, над которым третий век подряд трудились лучшие стригали Реттии – виллу Цимбал перекупил у разорившегося вельможи Гнея Лукулла Костреца во многом ради этого газона, – агитатор осадил лошадей у парадного подъезда.

– Приехали, ваша светлость!

Тротуар окаймляли кусты самшита и розмарина. От цветника, разбитого перед крипто-портиком, доносился аромат поздних фиалок. В сопровождении дворецкого, изысканного, как витые башни Чуриха, и загадочного ничуть не менее, Конрад поднялся по мраморным ступеням, миновал простой, со вкусом обставленный атриум и двинулся по круглому, опоясывавшему виллу коридору. Справа коридор огораживала колоннада. Тройные пучки тонких гладкоствольных колонн со скульптурными капителями, откуда росли нервюры подпружных арок и распалубок полуциркульных сводов перекрытия, всегда вызывали у барона восхищение. Нет, не великолепием здешней архитектуры, а собственным трудолюбием – раскрытие знаменитого «Дела о зодчем Труцидаторе и кровавом шнурке» во многом было обязано часам, проведенным в скрипториях Лиги Махинаторов. Тошнило от всех этих пилонов, пилястров и архивольтов, а «кайма зубчатая прорезная орнаментальная» вызывала душевное содрогание.

– Сюда, прошу вас...

Дворецкий указал на вход в термы, размещенные в пристройке – отдельном здании с куполом наверху. Войти в термы можно было и снаружи, но, видимо, сегодняшнее утро располагало к конспирации. Хотя о какой конспирации идет речь на вилле прокуратора, где лишние глаза давно закрылись навеки? Или иначе: о какой конспирации можно говорить в блистательной Реттии, где любой чих становится достоянием масс раньше, чем человек утрется платком?

Так и живем, в единстве противоположностей.

– Господин прокуратор ждет. Вы соизволите раздеться?

Входить в термы одетым? В собрании лодыжек, ягодиц, животов и спин являть собой символ чопорности? Нет, Конрад решительно не желал выставяться на посмешище. Кто бы ни собрался ранним утром в гостях у Вильгельма Цимбала, желая окунуться в бассейн и сомлеть в

парилке – эти люди знали, что делают и зачем. Даже если им просто взбрело в голову устроить час дружеского разоблачения.

Жестом отослав дворецкого и отказавшись от помощи слуг, барон разделся в тесном аподитерии, обернул чресла махровым полотенцем и бестрепетно шагнул на прием к начальству.

– С легким паром, господа!

– Конни! Как я рад тебя видеть! – Хозяин дома всех встречал этой излюбленной фразой. Даже государственных преступников, приведенных на допрос в кандалах. – Хочешь вина? Мне привезли дивный аморетийский трокенберг...

– Увы, Виль, – обер-квизитор сразу принял предложенный тон. Умение тонкими фибрами души ощутить настроение вышестоящей особы и подхватить его на лету есть залог карьеры. Цинично? Да, но не слишком. Особенно если в частных беседах ты и прокуратор Цимбал давно оставили казенное титулование. – Ты же знаешь, я с утра не пью. Разве что ежевеловый морс...

– А сердце не загонишь?

– На мое сердце еще не вырос достаточно колючий ежевельник. Какие наши годы?

Вильгельм Цимбал расхохотался в ответ. Он был ровесником барона, но выглядел много старше. Рано располнев и облысев, с лицом, морщинистым, как печеное яблоко, отрастив из остатков волос на затылке жиденький хвостик и неизменно забирая его в черный мешочек из шелка, прокуратор напоминал шуструю обезьянку. Таких безобидных зверьков носят на плече бродячие шаржеры, предлагая желающим совместный портрет: «Дабы оттенить сим уродством природную красоту заказчика!»

И во всей Реттии с трудом сыскался бы десяток драконов опасней, чем обезьянка, возглавившая Бдительный Приказ.

– Эй, кто там! Морсу моему другу!

Бокал с морсом возник на столике перед бароном. Материализовался, запотевший и с голубоватым отливом. Сверху плавала сморщенная ягодка. Если верить аптекарям, ягоды ежевельника избавляли от одышки – и потому в шутку рекомендовались сотрудникам Бдительного Приказа. Барон давно принял эту шутку и полюбил морс со своеобразным вкусом. Тем более что морс улучшал аппетит.

– Благодарю, сударь Кольраун.

Боевой маг трона Просперо Кольраун, нежившийся в бассейне с лечебной грязью, – это он откликнулся движением брови на призыв «эй, кто там!» – еще раз двинул бровью. Мол, не стоит благодарности. Свой люди, сочтемся. Я вам бокал морсу, вы мне кого-нибудь арестуете. Этот атлет, как и все последователи Нихоновой школы, большую часть жизни проводил в праздности, избегая лишних движений. Зато редкие вспышки его активности, как правило, сопровождались катаклизмами, стихийными бедствиями и сокращением числа населения.

Присев за столик и отхлебнув морса, барон подумал, что собрание в термах напоминает ему другое собрание в сходной обстановке. Помнится, это привело к знаменитой дуэли, куда более масштабной, нежели дурацкий поединок с корнетишкой. Семь лет назад Конрад фон Шмуц и прокуратор Цимбал нежились в термах Кара-Каллы, когда Просперо Кольраун повздорил со своим другом, капитаном лейб-стражи Рудольфом Штернбладом. Сейчас капитан лежал на топчане лицом вниз, отдав тщедушное тело во власть массажиста, глухого как пень – чтобы был равнодушен к стонам подопечного и не вникал в беседы знатных особ.

Тот, кто видел Штернблада под Вернской цитаделью, мог бы подтвердить: капитан точно так же блаженно охал у Совиных ворот, закалывая шестого подряд тролля-привратника.

И Антонин Теранолог, коронный друнгарий Департамента Монаршей Безопасности – в народе, если шепотом, «дамба» – тоже присутствовал тогда в Кара-Калле. Великий Слепец, прозванный так за безразличие к любым делам и занятиям, кроме ограждения царствующей

особы от посягательств злоумышленников, – в данный момент Антонин равнодушно строгал яблоко миниатюрным ножичком и складывал ломтики на блюде, вперемешку с изюминками.

Получался красивый орнамент в стиле «делирий».

Зато лейб-малефактора, престарелого Серафима Нексуса, не было в банях во время событий семилетней давности. Кавалер ордена «Вредитель Божьей Милостью» с розами и бантами, Серафим дремал в кресле, сопя и причмокивая. Видимо, ночь выдалась бурной, и часы без сна сказались на дряхлом старце. Так бы подумал любой, кто не был на короткой ноге с сударем лейб-малефактором, а кто был с ним на короткой ноге, тот ничего не думал и давно хромал.

– Доброго здоровья, барон! – сидя на бортике, помахал рукой голый толстяк, милейший и обаятельнейший волхв Месроп Сэркис, председатель Тихого Трибунала, в прошлом – некромант, почетный доктор столоверчения.

Лишь одного человека из присутствующих барон не знал. Ничем внешне не примечательного человека, целиком завернутого на восточный манер в простыню с красной каймой. Узнавать его без соответствующего распоряжения было бы дурным тоном.

Ничем не примечательный человек понимающе улыбнулся.

И слегка повернул голову в адрес прокуратора.

– Конни, позволь представить тебе кое-кого из моих гостей! Его величество, ныне и векови здравствующий Эдвард II инкогнито!

Барон решил ограничиться вставанием и поклоном – церемонным, но в меру. Раз инкогнито, значит, инкогнито. Кто он такой, чтобы противоречить желаниям короля?

Знатность рода фон Шмуцев, сражавшихся под древними знаменами Хьерта Основателя, чин и ранг Конрада, а также близкое знакомство с прокуратором Цимбалом вполне оправдывали приглашение в столь высокопоставленную компанию. Даже если принять во внимание обманчивую легкомысленность ситуации. Учителя фехтования отмечают, что трудней всего биться без штанов, а обнаженному – и вовсе на грани подвига. Здесь, в термах, все были без штанов, нагие и расслабленные, дружелюбные и усмешливые. Но терпкий аромат боя витал в воздухе.

Странно, что трагедия в «Приюте героев» вызвала реакцию, сравнимую с попыткой государственного переворота.

– Не будем ходить вокруг да около, барон! – Король отлично понял мысли обер-квизитора и еще раз улыбнулся, ободряя нового гостя. – Ночь и без того утомила нас... Скажите, у вас есть версия исчезновения квесторов?

– Гибели, ваше величество, – деликатно, но твердо поправил Конрад. – Полагаю, что председатель Тихого...

– Конни!

В голосе прокуратора Цимбала таился мягкий укор. Дескать, тон был предложен и принят. Менять его теперь на казенный в самовольном порядке – излишне.

– Простите, ваше величество. Я имел в виду, что почтенный Месроп, скорее всего, успел сообщить вам о записях, обнаруженных в шаре-обсервере. И о считывании остаточных эманаций ауры, героически предпринятом вигиллой Куколь в моем присутствии.

Толстяк Месроп комично вздернул плечи.

– О, барон, вы просто режете меня без ножа... Сознаюсь, я не изучил рапорт госпожи Куколь в должной степени – меня отвлекли иные дела. Генриэтта рискнула без подготовки считать эманации?!

– Да.

– Это заслуживает награды. И что?

– В повозках, уехавших от «Приюта героев» после схватки, лежали мертвецы. Так сказала вигилла, а у меня нет оснований ей не доверять.

– Значит, квесторы погибли... – тихо, одними губами, шепнул боевой маг Просперо. – Мы рассматривали и этот вариант. Но, честно говоря, я надеялся...

Король жестом прервал мага.

– Версия, барон! У вас она есть?

– У меня она была, ваше величество. Сразу после просмотра данных обсервера в палатах Тихого Трибунала.

– Какая именно?

Это было в характере Эдварда II – брать быка за рога. Придворные лизоблюды за голову хватались: как можно в должной мере восхвалить его величество, если неугомонное величество требует сразу перейти к делу? А дела-то, помимо восхвалений, может, и нет вовсе...

– Нарушение орденового Завета и «Пакта о нейтралитете». Чрезмерная активность Черного Аспида. Выход нелепой игры для возвышенной молодежи за пределы отведенной для игр территории.

– Что я вам говорил, господа! – Эдвард просиял, хотя это плохо сочеталось с известием о гибели шестерых человек. Такие смены настроения также были присущи его величеству: выигрыш партии в «декольте» мог отвлечь владыку от мятежа гарнизона в Андоррене. – Единственная версия, претендующая на правдоподобие! Благодарю вас, барон!

– Не за что, ваше величество. Абсолютно не за что.

– Что вы имеете в виду?

– Конни сказал, – прокуратор Цимбал зажег сандаловую палочку и с наслаждением вдохнул ароматный дым, – что у него *была* версия. Значит, с недавних пор появилась другая. Или возникли обстоятельства, не вписывающиеся в первую версию. Я верно тебя понял, Конни?

– Да.

– Что за обстоятельства?

– Заселение в гостиницу «Приют героев» двух новых постояльцев.

– Первый – это ты, Конни, – с пониманием сощурился Цимбал. – Очень, очень разумное решение. И оригинальное. Нам и впрямь нежелательно закрывать гостиницу, привлекая лишнее внимание. А так наш сотрудник в частном порядке...

– Ты ошибаешься, Виль. Я говорил не о себе.

– О ком же?

– В гостиницу заселились Эрнест Ривердейл и Аглая Вертенна. Дед квестора Джеймса Ривердейла и бабка квестора Лайзы Вертенны. В сочетании с поселением некоего Конрада фон Шмуца, дяди квестора Германа...

Никто не успел заметить, как капитан Штернблад вывернулся из-под пальцев массажиста и сперва сел, а потом встал и шагнул к столику барона. Сам массажист секунду-другую разминал пустоту, после чего ошалело уставился на топчан, где теперь никто не лежал.

Крохотные, почти детские ступни капитана были в мыльной пене, что ничуть не мешало Штернбладу двигаться по скользким плиткам пола.

– Ты меня удивляешь, Зануда, – старый приятель по службе в полку кавалергардов, сорвиголов и похитителей девичьей чести, капитан мог позволить себе такое обращение и вне прокураторских терм. – Узнав о беде, постигшей молодежь, старшие родственники вполне естественно спешат в столицу...

– Конечно, Рудольф. Просто удивительно спешат. Узнав о беде, постигшей внука, – кстати, ответь мне: каким образом узнав-то? – Эрнест Ривердейл меньше чем за сутки успевает добраться в Реттию от границы Бирнамского леса. Ясное дело, пустяк. Рукой подать. Неделя скачки на сменных лошадях – за восемнадцать часов. Я уже не говорю о старухе, которая «вполне естественно» еле ходит...

– Интересное дело, – глазки Штернблада сверкнули. – Выходит, они узнали заранее? Их кто-то предупредил?

– Ты прав. Граф Ле Бреттэн упоминал о каком-то письме. Старик уверен, что я получил точно такое же.

– Вы не получали письма, барон? – вмешался председатель Месроп.

– Нет. Но предполагаю, что таинственный отправитель направил соответствующее послание в адрес отца Германа, моего брата Хальдрига.

– И мы можем в скором времени ждать прибытия вашего брата в столицу?

– Вряд ли. Скорее всего, получив письмо, где говорилось о Германе, мой брат спустил его в нужник. Извините за вульгарность, господа. Отношения отца с сыном далеко не всегда безоблачны.

Отвечая, Конрад отчетливо представил брата. Бранясь и проклиная все на свете, минутой ранее порезавшись при бритье охотничьим ножом, Хальдриг комкал в кулачище распечатанный конверт. Нужник в картине не фигурировал, но, вне сомнений, находился где-то поблизости, алкая добычи. Сыну, о ком шла речь в послании от неведомого доброжелателя, предлагалось провалиться в ад, и не вынуждать благородного отца разбирать каракули, от которых у настоящего дворянина голова идет кругом, а в руках появляется неприличная дрожь. Такие сыновья – позор родителей, они могут связываться с ростовщиками, с Орденом Зари, с некромантами Чуриха, с Нижней Мамой – семья и пальцем не шевельнет...

Барон был уверен: обратиться он к Просперо Кольрауну или к Месропу Сэркису с просьбой показать магическим путем эту сцену, каковой она произошла в реальности, – зрелище не изменится ни на йоту.

Ну почему письмо не пришло на адрес обер-квизитора?

Почему судьба так безразлична к Герману?!

– Письма, письма... – король плотнее запахнулся в простыню и с истинно монаршим величием прошелся от бассейна к топчану. – Вы, барон, конечно же, не знаете, кто отправитель? Каково содержание этих злополучных писем?

– Нет, ваше величество. Я не хотел признаться, что не получал письма. Это вызвало бы подозрения. Кроме того, я не исключаю прибытия и других родственников.

– Гувальд, скажите... Письма – ваша работа?

Сдержанность и осторожность, прозвучавшие в голосе короля, удивили Конрада. Но еще больше удивил ответ. Массажист, повернувшись к его величеству, качнул крупной, наголо обритой головой. «Да он ничуть не глух!» – догадался барон.

– Я не могу ответить на ваш вопрос, сир. Ни да, ни нет. Прошу истолковать мою скрытность правильно. И не настаивать на ответе.

Король разразился зычным хохотом. Отсмеявшись, Эдвард повернулся к обер-квизитору:

– Знакомьтесь, барон... Гувальд Мотлох, верховный архивариус Надзора Семерых. Человек честный, умный, но совершенно невыносимый.

Массажист, а вернее, один из лидеров таинственного ордена-невидимки, контролирующего злоупотребления магией, вежливо поклонился Конраду и жестом пригласил на топчан.

Дескать, спинку размять не желаете?

Spatium III

Надзор семерых, или Их действительно было семеро

Их действительно было семеро.

С самого начала.

Просто это началось так давно, что многие стали забывать.

...Антек Ронцер, пасечник. Рядом с пасекой находился Шпильманов погост, куда однажды ночью забрел некрот-импровизатор с «подъемной» лицензией. Правда, в лицензии отсутствовало разрешение на незарегистрированные в «Черном Триллиуме» чары, которые некроту страсть как хотелось опробовать в деле. Маг виртуозно развернул могилу, поднял наугад первого попавшегося мертвеца, провел биографический блиц-опрос, измерив степень восстановления памяти, дал ряд простых, но трудоемких заданий, фиксируя реакцию на раздражители и телесную мощь, после чего восстановил статус-кво и удалился, ликуя. Все показатели были существенно выше стандартных. А через два часа покойник встал опять, тупой, целеустремленный и желающий «размножаться» – побочное действие чар, упущенное во время лабораторных экспериментов. И в домике Ронцеров, оказавшемся на его пути, разыгралась трагедия.

Выжил только Антек, бывший отец бывшего семейства.

...Овадия Клин, негоциант. Портовый волхв-темпестор в Нижней Тартинке решил выслужиться перед властями, устроившими День Города с раздачей бесплатного угощения народу. Оригинальное заклинание погоды, состряпанное на скорую руку, сработало чудесно. Во многом благодаря локальному «обручу» для элементарей воздуха, вплавленному в мануфактуру пассивных вибраций. Ради карьеры волхв рискнул нарушить запрет сочетаний такого рода в канун полнолуния. Горожане радовались солнышку, безоблачному небу и дармовой выпивке. А меньше чем в ста милях от порта бушевал шторм, страшный, дикий, бешеный от невозможности разорвать заклятый «обруч»! Корабль Овадии, груженный тканями и оливковым маслом, затонул, несмотря на мастерство капитана. Жена и дочь негоцианта, к сожалению, находились на борту: рейс предполагался легкий, не сулящий опасностей. Узнав о трагедии, волхв пытался свалить беду на известную поговорку: «Женщина на судне – к беде!» А тут сразу две женщины...

Овадия спасся чудом, держась за оторванную дверь каюты; позже его подобрал военный фрегат. В суде негоциант молчал и не настаивал на смертной казни темпестора. Многие думали, что от горя он онемел и сошел с ума; многие так думали и ошиблись.

...Доротея Рэнфрю, арфистка Гарделльского камерного оркестра. Меценат и покровитель оркестрантов, маркиз Теодор Ля Гарде, за месяц до музыкального турнира, назначенного герцогом Карлом Вюрлинбергским, тайно обратился к скандально известному мелوماгу Геллику Кантилену. Путем разработанного в спешке резонанс-заговора, действующего без участия и ведома объекта воздействия (запрещено «Соглашением о доброй воле»), меломан Геллик усилил ряд профессиональных качеств музыкантов. После турнира лишь арфистка Доротея, из-за болезни пропустившая концерт, сохранила рассудок; остальных ее коллег постигла скорбная участь завсегдатаев местного бедлама. Это был первый случай «гарделльской глухоты» – безумия, вызванного резонанс-заговором в сочетании с возбуждением, испытываемым объектом при публичном конкурсе.

Впоследствии госпожа Рэнфрю вышла замуж и родила троих детей, двух мальчиков и одну девочку. Но к арфе не подходила никогда.

...Гувальд Мотлох, нищий. Старшина Цеха Мендикусов, выборный цехмейстер от Желтого Шонтвальда, известный «рассудитель» спорных вопросов в среде бродяг и попрошайек. Шонтвальдская группа увечных, в составе которой находился и Мотлох, перебралась на лето в

Грюнне. Грюннский барон, человек невероятной жадности, как раз заказал нанятому алхимику производство... Нет, не золота из ртути. Для этого барон был слишком умен. Без дружины ты в провинции никто, и звать никак, хоть три герба развеси на стенах. Дружину надо кормить, а харч стоит денег. Значит, если отработать метод превращения глины, стружек и земли в хлеб, мясо и вино, можно изрядно сэкономить. Алхимик клялся, что знает рецепт. Первые продукты, полученные в результате торопливых метаморфоз, опробовали на вечно голодных нищих.

Старшина Гувальд в те дни постился, оттого и выжил.

Жалобы на обидчиков он не подавал.

...Балтазар Монтего, солдат. Хорунжий Драгачевской роты кирасир, после Тршичской баталии – есаул лавы, эскадрона вольнонаемной кавалерии. Ветеран партизанской войны в Загребле, трижды ранен, кавалер «Вечного Странника» с лентой. Под Слепой Бялицей эскадрон Монтего подвергся ковровой одержимости, вопреки соглашению воюющих сторон об ограничении бранной магии массового поражения. Демонически хохоча, всадники перебили друг друга. Балтазара спасло ранение: из госпиталя его выписали через неделю после гибели эскадрона, и под Бялицу он опоздал.

Подав прошение об отставке, Балтазар Монтего уехал на родину.

Бялицкий маг-психот, наставивший одержимость, отделался пятилетним заключением в «Очаровании», тюрьме для чародеев. На суде он заявил, что, дав присягу деспоту Бялицы, был обязан выполнять приказы без рассуждений, по законам военного времени. Даже если приказы нарушали соглашения государств и частную клятву Аз-Зилайля, даваемую всеми магами при регистрации Коллегиумом Волхвования. Деспот погиб при штурме, а посему не мог дать показания: *поднимать* особ королевской крови строжайше запрещалось. Жаль, жаль... Иначе погибший мог бы поведать правду об амбициях психота, желавшего опробовать в бою ряд открытий и давно подмявшего под себя разрушенную волю деспота.

Впрочем, это уже не имело значения.

...Анна-Мария Елица, златошвейка. Желая узнать истинные намерения жениха, она явилась на прием к авгуру-прорицателю. Авгур был молод, глуп и крайне любопытен. Его интересовало, что произойдет, если, очерчивая поле наблюдения, провести жезлом линии не с севера на юг и с востока на запад, а наоборот. И почему наставник избил его до полусмерти, когда он попытался однажды поставить такой эксперимент.

Сказано – сделано. Авгур удовлетворил любопытство, линии судеб сместились, жених златошвейки умер от сенной лихорадки; Анна-Мария прожила всю жизнь старой девой. Авгуру запретили частную практику ауспиций, но строже карать не стали. В конце концов, человек так искренне раскаивался...

...Эйрик Кетиль, маркграф Поленский. Принимая в гостях знатного лозоходца Раймонда Видока и заметив, что гость выпил лишку, маркграф отказался от предложения лозоходца найти воду прямо сейчас, во дворе замка или даже в трапезной. Упрямый и вспыльчивый, Раймонд потерял соображение и «вскрыл жилы» без должных приготовлений. Замок затопило, Эйрик спасся чудом, но сыновьям и жене маркграфа повезло меньше.

Раймонд-лозоходец по пьянке утонул.

Судьба распорядилась так, что эти семеро однажды встретились. Семь человек, пострадавших от незаконных чар. Семь обычных людей, не имеющих отношения к Высокой Науке, наложению заклятий или волхвованию.

И родился Надзор Семерых.

Частный орден-невидимка, контролирующий злоупотребления магией.

Верховный архивариус Гувальд Мотлох собирал крупницы сведений, сидя в архивах, куда стекались данные, словно паук в центре паутины. Казначей Овадия Клин ведал доходами и расходами Надзора, ухитряясь из ничего создать нечто, которого с лихвой хватало на кое-

что. Великий магистр ордена Эйрик Кетиль брал на себя тяжесть и ответственность решения, когда семерым не хватало единодушия. Генерал Балтазар Монтего вел в незримый бой армию профосов, уникальных магов-блокаторов, о коих не стоит упоминать всуе. Доротея Рэнфрю и Анна-Мария Елица, высокие матери-хранительницы, спасали пострадавших, находя в милосердии утешение и черпая силы. Лорд-волонтер Антек Ронцер ведал поиском и вербовкой новых членов ордена.

Капитул Надзора.

Семь сословий, семь дорог, семь цветов радуги.

Дворяне, ремесленники, торговцы, крестьяне, армия, нищие, богема.

Поначалу это было смешно. Очень смешно. Примерно так же, как монстр по имени «Конституционная Монархия», поселившийся в Лох-Нэнсисе Озерном из-за бунта ткачей против короля Якобса Задумчивого. Ограничение абсолютной власти? – тридцать три раза «гип-гип-ха-ха!». А ведь в данном случае речь шла не о власти и ее границах. Речь шла о Высокой Науке, пронизавшей обыденную жизнь вдоль и поперек, как золотые нити пронизывают парчу. Да, случаются досадные отклонения от общепринятых правил. Да, за всем не уследишь. Да, человек несовершенен, будь он волхв, маг, кобник или ворожбит. Но для контроля, сдерживания и влияния есть ученые советы Универмагов, Коллегиум Волхвования, капитулы лож и гильдий, объединяющих чародеев и регламентирующих их действия; клятва Аз-Зилайля, давая которую самый наизлостнейший некрот клянется Овалом Небес неукоснительно соблюдать «выбор двух зол» и так далее...

Есть Тихий Трибунал, наконец!

А тут какие-то случайные обиженные люди.

Многие смеялись даже тогда, когда денежное обеспечение деятельности Надзора Семерых сравнялось с казной богатого королевства. Народу – с удовольствием точащему зуб на Высокую Науку без особых причин, впрок! – приятно знать, что где-то в тумане есть вольные стрелки, готовые вступиться. Не спрашивая разрешения у монарха или главы магической логи. Быстрее ленивца-закона, а бывает, что и вопреки ему. Есть кто-то, способный вынести приговор и привести его в исполнение без лишних проволочек.

Кто-то свой.

Наш.

Защитник.

Семь сословий жертвовали на Надзор Семерых. Снега таяли, образовывая ручьи, ручьи сливались в реку, река питала море. Недостатка в средствах орден не испытывал. А отследить тайную деятельность обычных людей, не связанных с Высокой Наукой, путем отслеживания всплесков маны или считывания мана-фактуры – этого их противники-чародеи не могли.

Оттого и прозвали орден – невидимкой.

Вскоре идею поддержали особы королевской крови. Негласно, втихомолку – на всякий случай. Тем паче что государственной власти орден не угрожал. Скорее наоборот. Минули годы, и орден – все так же негласно – поддерживали главы чародейских синклитов. Ложа Бранных магов, капитул Коллегиума Волхвования и ректор Реттийского Универмага – в числе первых. Разумные, осторожные, эти волшебники понимали опасность злоупотребления Высокой Наукой, желающей освободиться от скучных законов, правил и ограничений. Они не возражали, если над буйными головами закачается невидимый меч.

Пускай.

В случае необходимости они готовы были дать Семерым любые консультации.

Тихий Трибунал занимался уже совершенными преступлениями, и то лишь при наличии неоспоримых доказательств, а тут возникала чудесная возможность *упреждать*. Цель оправдывала средства. Высокая Наука – слишком резвая лошадка, чтобы управлять ею при помощи одной узды. Шпоры тоже не помешают. Острые зубчатые шпоры с колесиками.

Жизнь продолжалась.

Более трехсот лет Надзором руководили одни и те же имена. Состав капитула менялся, умирали старики, рождалась молодая смена. Но всегда, кого бы ни избрали в члены капитула, он был обычным, чуждым магии человеком. И всегда отказывался от собственного имени, беря имя предшественника.

Эйрик Кетиль, Овадия Клин, Балтазар Монтего, Гувальд Мотлох, Доротея Рэнфрю, Анна-Мария Елица и Антек Ронцер.

Семеро.

Навеки.

Впрочем, Надзор Семерых никогда не превратился бы во влиятельную силу, если бы не профосы ордена – волшебники, сознательно отдавшие себя делу служения. Маги, пострадавшие от безумств собственных коллег. Ревнители законов, претерпевшие от нарушителей.

Волкодавы Надзора.

Блокаторы.

Перебродившие в чанах, как виноградный сок.

Вину больше не стать виноградом. Не созревать на лозе, не радоваться солнцу и хорошей погоде. Не шептаться с листьями и ветром.

Но вино может ударить в голову.

Caput IV

«То не шум за стеной, то не тень за спиной – то удача идет стороной...»

Заданный тон позволял как принять, так и вежливо отклонить безмолвное приглашение. Конрад колебался лишь мгновение. Он чудесно понимал, что нынешний Гувальд Мотлох – не тот нищий упрямец, который основал Надзор. Имя прежнее, а человек – иной. Этот вполне мог вправлять суставы и разминать мышцы клиентам салона «Умелые руки», прежде чем несчастье или случай толкнули его в объятия ордена-невидимки. И потом, когда еще член капитула Надзора Семерых предложит сделать массаж обер-квизитору Бдительного Приказа в присутствии царствующей особы?!

Надо пользоваться случаем.

– Благодарю. Вы очень любезны.

Барон улегся на топчан лицом вниз – как до него капитан Штернблад – и постарался расслабиться. Но вскоре продолжил разговор, ибо король ожидающе молчал.

– Разумеется, господа, я постараюсь выяснить содержание злополучных писем. Не исключено, что они вписываются в изначальную версию, согласно которой борьба чистых начал вышла за пределы Черно-Белого Майората. Но также не исключено, что содержание писем коренным образом изменит картину преступления.

Пауза. Руки массажиста-архивариуса, умашенные маслом репейника, ловко скользят по спине, разогревая, размягчая тело. Чувствуется хватка мастера! Похоже, в прошлом наш член капитула работал с борцами... уж больно пальцы сильные...

– Мы надеемся на вас, барон, – мягкая вкрадчивость в голосе Эдварда ни на миг не обманула обер-квизитора. – Нам необходимо точно знать: кто виновен в случившемся? Если действительно Черный Аспид...

– Ну и что мы сможем предпринять в этом случае, ваше величество? Согласно «Пакту о нейтралитете», Майорат обладает экстерриториальностью. Квесторы погибли, квест завершился, не начавшись. Черный Аспид останется на троне еще на четыре года. Учитывая обстоятельства, свои владения он вряд ли покинет. На добровольную сдачу я бы тоже не рассчитывал. А военное вторжение или магическое вмешательство с нашей стороны нарушит «Пакт о нейтралитете» и вряд ли будет одобрено сопредельными державами. Мы можем разве что оцепить Майорат кордонами, чтобы мышь не проскользнула. Но карантин потребует слишком много людей и средств. Замечу, что граничит Майорат не только с Реттией...

Мышцы приятно ныли, отзываясь сладостной болью. Да! да... вот тут, пониже, в области поясницы! Казалось, Гувальд читает мысли подопечного, хотя магом-сенслегером он быть никак не мог. Наверное, под влиянием массажа в голову Конрада закралось странное подозрение. Кто его знает, эту борьбу чистых начал! С виду – дурь дурью, наподобие «борьбы ла-лангских мальчиков», когда шут гороховый напяливает специальный костюм и начинает бороться сам с собой. А пойдут нарушения, личные инициативы Голубей с Аспидами, мы займемся кордонами и карантинном, отменим экстерриториальность... Возьмет и лопнет какая-нибудь связь времен. Разорвется шут гороховый на две половинки, пойдут клочки гулять по закоулочкам. Хорошо бы остаться в рамках, на всякий случай...

– Мне кажется, вы все усложняете, друг мой...

Обер-квизитор не сразу понял, что это заговорил дремавший в кресле Серафим Нексус.

– Знаете, мне приснился дивный сон. Как мы вместе с коллегой Просперо, а также с вами, дорогой Рудольф, и еще с рядом достойнейших людей подаем совместное прошение о принятии нас в Орден Зари. Из большой и чистой любви к большим и чистым началам. И наше

прошение, как это ни странно, удовлетворяется. А через четыре года мы надеваем красивые, но непрактичные белые одежды и отправляемся в квест. По всем правилам Ордена. Далее мы аккуратно – или не очень аккуратно, это уже по обстоятельствам! – разбираем Цитадель по камешку... У вас, дорогой Просперо, есть немалый опыт в этом благородном деле! Разбираем, значит, и извлекаем под Овал Небес нашего энергичного приятеля, Черного Аспида. Для передачи в руки правосудия. Ах да, кого-то надо будет оставить на троне Майората... Барон, хотите послужить Белым Голубем? Годика четыре? С сохранением жалованья и выслуги лет?

Конрад надеялся, что последняя фраза лейб-малефактора – безобидная шутка. Но его невольно передернуло, как передернуло бы от любой шутки «Вредителя Божьей милостью», услышанной в свой адрес.

Даже архивариус-массажист из Надзора Семерых запнулся.

– Это было бы любопытно, сударь, – с изрядным усилием выдавил обер-квизитор. – Но вряд ли совместимо с выполнением моих служебных обязанностей. Я искренне надеюсь, что прокуратор Цимбал не согласится с вашим предложением.

– Кстати, о служебных обязанностях, – король, как всегда, двигался к цели наиболее прямым путем. – Теперь вы понимаете, барон: нам нужно точно знать, замешан Черный Аспид в убийстве квесторов или нет. Время на сбор доказательств у вас есть: если Аспид виновен, раньше чем через четыре года нам его не достать.

«И все-таки почтенные судари чего-то недоговаривают... Раз дело важное – почему задержали уведомление Тихого Трибунала? Дали мне фору? Из-за соперничества ведомств и застарелой неприязни? Вряд ли. В делах подобного уровня о неприязни забывают. Почему гибель шестерки рыцарей дурацкого Ордена Зари так волнует лучших людей Реттии?! Человеколюбие? Чистое начало в сердце наступало? Не смешите мои ботфорты...»

– Я понимаю вас, любезный барон. На вашем месте я бы тоже недоумевал, отчего данному происшествию придается столь большое значение.

Просперо Кольраун вполне мог читать мысли. С него станется: прочтет и не почешется. Чтоб лишних сил не тратить.

– Это пре-це-дент, друг мой. Вернее, это может быть прецедент, если за случившимся и впрямь стоит Черный Аспид. Выход ритуализированной военной игры за пределы отведенных границ. Из экстерриториального Майората – на территорию Реттии. Если оставить сей прецедент безнаказанным – последствия не заставят себя ждать. Проблема борьбы чистых начал, перейдя из области философии, мифологии и забав молодежи в сферу государственных интересов... Не хотелось бы, честное слово. Возможно, вы недооцениваете угрозу, но Абсолютным Злу и Добру место в резервации, а никак не в нашем с вами мире, где абсолюты существуют лишь в виде теоретических абстракций...

«Кто б спорил... Идеал, вырвавшись из темницы абстракций, хуже демона, освободившегося из «лебединной звезды»... или как там боевые маги именуют ловушки-пентакли?.. Интересно, а другие причины, менее «философского» характера, мне изложат? Ох, хорошо... это плохо, что хорошо, это усыпляет...»

Верховный архивариус добрался до баронского позвоночника. Сменил масло для растирки: повеяло мятой и кардамоном.

– Прошу вас, расслабьтесь... Глубокий вдох... выдох... задержите дыхание...

Ладони Гувальда Мотлоха упали с неба, распластали, лишили остатков воздуха.

Слушая восхитительный хруст, кто-то хихикнул. Кажется, лейб-малефактор Нексус, добрая душа.

– Чудненько! Теперь еще разок, для гарантий...

От «гарантий» с чресел Конрада свалилось полотенце. Так отходит поредевшая в бою рота заграждения, оголяя фронт. С минуту барон размышлял, удобно ли сверкать ягодицами в присутствии августейшей особы и цвета общества. Потом вспомнил капитана Штернблада,

разгуливающего нагишом, и мысленно махнул рукой на приличия. А то его величество чужих задниц не видели...

– Задача ясна, барон?

– Да, ваше величество.

– Тогда не устранить ли нам нашего приятеля Конни от расследования?

Такого подвоха со стороны прокуратора Цимбала барон не ожидал! Зря расслабился! Надо было прикрыться. Во всех смыслах.

– На каком основании?

Еще один сюрприз! Кто бы мог подумать, что на помощь придет глава Тихого Трибунала Месроп Сэркис?! Чудеса в решете...

– На основании близкого родства с одним из погибших квесторов.

– Вы считаете это целесообразным, коллега?

– Да. Официально.

Единственное слово все расставило по своим местам. Конрад сразу успокоился. Кажется, хитрец Виль что-то придумал.

– А неофициально?

– Ну мы же не в силах уследить за действиями частных лиц, огорченных ужасной потерей родственников? Я, например, который год подаю прошение на высочайшее имя, умоляя расширить личный состав Приказа... И что? Всемиловейший монарх неизменно отказывает, ссылаясь на скудость казны! Как тут прикажете следить за отдельными случаями самосуда? Кстати, о самосуде и частных следствиях: Конни, если тебе потребуется поддержка...

Прокуратор выдержал многозначительную паузу.

– Как я понимаю, – вмешался председатель Месроп, – официально расследование продолжит вигилла Куколь. Вы согласны, коллега?

– Да.

– Она же обеспечит циркуляцию сведений между нами и бароном. «Pegasus charteus cursus» – метод проверен, надежен и защищен от незаконного вскрытия. Ваше величество, вы не возражаете?

– Ни в коей мере, господа. Целиком полагаюсь на ваш опыт в делах подобного рода. И жду результатов.

* * *

На перекрестке Дегтярников и Высокопарной выступали жонглер с танцовщицей.

Жонглер с отрешенным, слегка застенчивым лицом держал в воздухе пять булав. Он вышел из поры цветущей молодости, но телом был по-прежнему сухощав и ловок. Одетый в двуцветное трико – по счастью, не черно-белое, а красно-синее, – жонглер изредка переступал с ноги на ногу, но в целом оставался недвижим. Лишь руки жили отдельной, особой, внимательной жизнью. Булавы описывали замысловатые петли, легко касаясь друг друга. На них смотрела кучка ранних зевак. От лавки снадобий за представлением наблюдал плечистый, крепко сбитый мужчина в куртке, да еще вертелась туда-сюда крохотная горбунья-цветочница, напористо предлагая фиалки и астры.

Один из ротозеев сообщил, что он сам жонглировал бы не хуже, когда б не достоинство благородного человека и нехватка свободного времени.

Приятели вяло согласились, продолжая смотреть. Их больше интересовала танцовщица – молоденькая девушка, стройная и высокая. Плывя по кругу, она держала за кончики яркую шаль, и та летела за хозяйкой корабельным парусом. Неестественно прямая, с гордым аристократическим разворотом головы, девушка несла в себе какой-то сумасшедший ритм. Без музыки, без сопровождения: сама. Так несут чашу с кипятком, боясь расплескать. Мимо воли,

зеваки притопывали, прихлопывали, цокали языками и щелкали пальцами. Это распространилось быстрее эпидемии.

– Задержись-ка, дружок!

Агитатор остановил карету у тротуара. Приоткрыв дверцу, чтобы было лучше видно, Конрад улыбнулся. Многие сочли бы его легкомысленным чудаком. После событий безумного утра, после беседы с людьми, за чей взгляд, мимолетный и случайный, три четверти Реттии готовы отдать все, что ни попросишь; после тайн, секретов и решений – глазеть на уличных паяцев. Тратить драгоценное время на пустяки. Когда надо тщательно перебирать крупички сведений, выискивая мелкий жемчуг, размышлять о недомолвках и намеках, делать далеко идущие выводы из хруста пальцев и дрожи левой коленки собеседника, что само по себе есть великий признак; прикидывать так и этак...

Это тоже входило в метод обер-квизитора. По окончании важной встречи или сбора сведений он занимал себя разной ерундой. Шел в цирюльню или ароматорий, на турнир вагантов-передвижников или выставку живописца Адольфа Пельцлера, бродил по улицам без цели и смысла, собирал опавшие листья в Буальском парке, где недавно воздвигли памятник Нихону Седовласцу – великий маг напоминал обиженного борца, из-за интриг судей сдавшего первенство столицы без боя. Монумент собирались переделать, да все откладывали...

После сытного обеда надо дать пище усвоиться.

Не терзать душу, не мучить разум, вторгаясь с ланцетом наперевес: подрезать, вскрыть заново, рассечь опять... Глупо, и толку не будет.

Жонглер сменил булавы на кольца, танцовщица ускорила шаг. Зеваки ушли. В шляпе, стоящей на мостовой возле артистов, брэнчала жалкая мелочь. Тосковала горбуныя: ее цветы остались без внимания. У ног жонглера распласталась тень: черный силуэт с дюжиной рук.

Конрад вздрогнул.

«А все потому, что у ворюги Михаля тень особая была! С четырьмя руками. Про запас, понимаете? К добру ли? Нет, не к добру, заверяю вас!..»

Жаркий шепот стряпчего накатил – и унесся прочь. Чушь, бред! Ты переутомился, достопочтенный барон. Придаешь значение ерунде. Тень жонглера, болтовня нудного сударя Тэрца... И все-таки: почему всплыло именно сейчас?

– А крыша от сглаза у вас имеется?

Тень как тень. Жонглер как жонглер. И танцовщица: обычной некуда. Только жонглер поймал кольца и стоит, растеряннo моргая, а танцовщица закуталась в шаль и отступила ближе к партнеру. «Они похожи! – сообразил Конрад. – Одно лицо... повадки, эта прямая спина... Отец и дочь? Пожалуй...» Сейчас отец и дочь не вызывали желания любоваться ими. Испуг и недоумение – зрелище не из лучших.

Перед артистами выкобенивался старый знакомый: крысюк с распухшим ухом.

«Слишком его много, паскудника... пора сократить...»

– Ну-у, шлендры!.. Сшибаете, значит, малиновый звон, а крыши глазной нет? В башке жуки дыру проели? Значитца, так: станете мне десятину отдавать, и будь спок! Никто вас не сглазит: тут меня каждая сволочь, как облупленного...

– Зачем нас глазить? – тихо спросил жонглер. – Мы бедные люди. Мы никому не делаем зла.

– Зачем? Ну, брат, ты совсем трюха... Людишки, оне злые. По жизни злые, понял. Увидят, плюнут, хлоп – и сглазили. Нутро болеть станет. Или девка твоя спортится. Не-а, без крыши тебе никак.

– Мы бедные, – повторил жонглер, бледнея. – Мы...

– Я ближе к обеду заскочу, – не слушая артиста, подвел итог вымогатель. – Отстегнешь... Иначе жди беды, трюха. У меня глаз – алмаз, стекло режет. Уяснил? Не жмись, тебе же лучше...

Конрад собрался было вмешаться, но его опередил крепкий мужчина в куртке.

– Что вы сказали, сударь? Крыша? От сглаза?

– Ну! – оскалился «сударь». Неприятности вчерашнего дня озлобили гаденыша, превратив из банального мелкотравчатого шпаненка в существо непредсказуемое, мерзкое и хищное.

Любопытствующий подошел к шляпе. Наклонился и не бросил, а положил полбинара. У крысюка загорелись глазки.

– Вы уверены, сударь, что способны защитить своих... э-э-э... подопечных? Я с вами полностью согласен: бедных артистов всякий обидеть норовит.

– Ну!

– А какой, позвольте спросить, метод вы предпочитаете, возводя глазную крышу? «Выше стропила, плотники!»? «Золотой горшок»? «Скрипач на крыше»? «Домик Карла Карлсена»? Поверьте, это не пустой интерес...

– Ну ты, дядька...

Крысюк сунул руку за пазуху.

«Там у него нож. С цепи сорвался, паскудник... средь бела дня!..»

Конрад выпрыгнул из кареты на тротуар, но опоздал.

– Лично я предпочитаю класть с правой, – доверительно сообщил мужчина в куртке.

И положил. Верней, неторопливо размахнулся и припечатал крысюка внушительным кулаком. С правой, как и обещал, точно в глаз. Эффект был поразителен. Гаденыша унесло к цветочнице, развернуло винтом, снеся по дороге три горшочка с астрами, ахнуло о стену дома и вернуло обратно в сильно поврежденном состоянии.

Мужчина в куртке с удовлетворением кивнул:

– Чудесный метод. Простой в обращении, доступный даже новичкам. И, главное, очень действенный. Метод с левой немного уступает ему в конечном результате, но тоже неплох. Желаете испробовать, сударь?

– Он не желает, – за крысюка ответил Конрад. – Ведь правда, Феликс Шахрай по кличке Гнилой Вьюн? Ты больше не желаешь? Или я ошибся?

В здоровом глазу крысюка полыхнул суеверный ужас. Мерзавец замахал руками, пятясь от ужасного, вездесущего обер-квизитора, взвизгнул недорезанным поросенком – и только пятки засверкали. Дождавшись, пока крысюка и след простынет, барон бросил в шляпу артистов целый бинар. Наклоняться и аккуратно класть не стал, зато превысил гонорар мужчины в куртке вдвое.

– Ваш метод великолепен, сударь. Примите мое восхищение. Разрешите представиться: барон фон Шмуц, обер-квизитор Бдительного Приказа.

Защитник жонглеров поклонился в ответ:

– Андреа Мускулюс, магистр Высокой Науки. Действительный член Лейб-малефициума, к вашим услугам.

Он нагнулся и провел ладонью по мостовой. «Берет след! – догадался барон. – Магистр, значит... с диссертатом...» Не надо было объяснять: чей след берет сударь малефик и зачем. Когда Андреа Мускулюс легонько подул себе на ладонь, а потом сощурился вслед дуновению, барон внезапно пожалел неудачливого крысюка.

Сегодня Феликсу Шахраю не пофартило куда больше, чем вчера.

* * *

«Приют героев» встретил обер-квизитора бодрым стуком молотков, визгом пилы-лобзалки и веселой бранью мастеров. Какофония неслась из Белой каминной залы, где ремонт ликвидировал память о ночном побоище. Барон направился в прямо противоположную сторону, на Черную половину, взыскав тишины.

Он решил заглянуть в Черную залу, где еще не был.

Если бы не солнце, игривое солнце полудня, бьющее в окна, интерьер Черной залы напомнил бы убранство роскошного катафалка-исполина. А так, благодаря легкомыслию зайчиков, отплясывающих джигу на смоляных стенах и аспидном потолке, катафалк выглядел несуразно. Словно в его утробе собрались справлять праздник.

Не бодрые покойнички, а вполне живые люди.

Граф Ле Бреттэн собственной рассеянной персоной. Одноглазая карга Аглая Вертенна. Незнакомая дама, ровесница барона, жгучая брюнетка в изысканном платье с накидкой. «Гиацин-виолетт», анхуэсский крой, обшивка фалбалой», – оценил Конрад. Сам он предпочитал стоячие воротнички из кружев и сборчатые вертугадены, но, будучи человеком широких взглядов, принимал и новшества. Во всех отношениях приятная дама, что и говорить. У ног хозяйки спал лобастый пес неизвестной породы. Еще в зале, разумеется, присутствовал стряпчий Фернан Тэрц. При виде его барону страстно захотелось вскрикнуть: «Ах, извините, ошибся дверью!» – и поскорее ретироваться.

Но было поздно.

– Добрый день, ваша светлость! Как мы рады вас видеть! – сам того не зная, стряпчий повторил любимое приветствие прокуратора Цимбала. – Сударыня, разрешите представить вам барона фон Шмуца, родного дядю квестора Германа...

– Фон Шмуц? – дама слегка повела бровью.

– ...обер-квизитора первого ранга! Следствие по делу, известному нам всем, поручено именно ему! И я уверяю, что нет более достойного человека! Ваша светлость, позвольте представить вам мистрис Марию Форзац, мать нашего незабвенного, трагически сгинувшего без вести Кристофера Форзаца.

С тактичностью сударь Тэрц явно не дружил.

Но барона заинтересовало другое. Мистрис? Чародейка? Такое обращение – редкое, но вполне общепринятое – употреблялось по отношению к мастерицам Высокой Науки. Не вульгарным ведьмам, а образованным, с дипломами, научными трудами, зачастую с диссертатами, но по какой-то причине скрывающим истинный уровень и квалификацию. Ладно, поручим Генриэтте разобраться. А пока отметим, что родственники квесторов продолжают собираться в «Приюте».

Остались еще двое.

Барон отвесил даме галантный поклон, та ответила легким кивком. Пес поднял голову, похожую на дыню, и широко зевнул, вывалив черно-синий язык. Пасть собаки напоминала пасть «водяного жеребца», но желтые, слегка загнутые назад клыки говорили отнюдь не о растительной диете. В крохотных глазках тлеяла нелюбовь к человечеству в целом и к сотрудникам Бдительного Приказа в частности.

– Лю, прошу тебя, без эксцессов...

Пес скосил кровавый глаз на хозяйку, на барона – и демонстративно заснул опять. Храпел кобель громче пьяницы-мясника, когда тот дрыхнет дома после гулянки в пивной. В воздухе повисла натянутая пауза, которой не замедлил воспользоваться пройдоха-стряпчий.

– А я тут, ваша светлость, желая отвлечь господ от грустных мыслей, начал рассказывать одну историю. Послушайте и вы. Сей случай имел место около месяца назад, и поведал мне о нем мой коллега, стряпчий Тлумач. Впрочем, это к делу не относится. Итак...

«Почему они его терпят? – вяло удивлялся Конрад, поудобней устраиваясь в кресле. Бронзовая табличка на подлокотнике утверждала, что кресло обтянуто шкурой натуральной реликтовой либитинии. Вопреки здравому смыслу и данным исторических хроник, которые хором утверждали: последние либитинии сожрали друг дружку еще в Эру Мыльных Пузырей. Сохранись кошмарный хищник до нынешних времен, шкура твари стоила бы целое состояние. – Ну ладно, граф и дама-чародейка. Допустим, им деликатность не позволяет выставить Тэрца вон. А старуха почему его терпит? И главное, почему терплю я?!»

– ...королевский скороход Йован Сенянин. В сумерках оступился на выбоине, упал и вывихнул лодыжку! Не иначе, сглазили... Но тем не менее, дамы и господа! Скороход с вывихнутой ногой сумел доставить любовное послание его величества по назначению, точнехонько к рассвету, в дом фаворитки Юлии Марабу. И через неделю благополучно участвовал в Мемориальном забеге, где взял золотой кубок! А все почему, спросите вы? Потому, что тень у Йована была шестиногая! Как мифический конь Слепень, являющийся по вызову Вечного Странника! Не к добру это, скажу я вам. Ждите беды и светотрясения. Да, вот еще случай...

Пес Марии Форзац выразительно чихнул.

– Извините, что прерываю вас, сударь, – Конрад был благодарен собаке за вмешательство. – Я хотел бы обратиться к присутствующим с просьбой оказать помощь следствию. В гостинице остались личные вещи квесторов. Ключи от комнат, где они хранятся, находятся у меня. Надеюсь, вы согласитесь подняться со мной на Белую половину и внимательно осмотреть имущество своих родственников?

– На кой? – сварливо осведомилась карга, шевеля пальцами.

– Не пропало ли что приметное? Нет ли чего необычного, что бросилось бы в глаза? – барон чуть не брякнул «в глаз», имея в виду увечье Аглаи Вертенны и памятный метод малефика Андреа Мускулюса. – Граф, прошу вас!

– Разумеется, барон! Уверен, дамы не возражают...

Снег коридоров и комнат на Белой половине угнетал не меньше, чем смола и уголь – на Черной. Кровати, казалось, накрыли погребальными саванами. На фоне однообразной и вездесущей белизны не только пожитки квесторов, но и люди, явившиеся для досмотра, выглядели неуместно. А пес Марии Форзац, жутко складчатый, словно ему в гардеробе выдали по ошибке шкуру сфинкса, – особенно.

Раньше Конрад не ощущал этого в полной мере.

– Не стану вам мешать. Оставайтесь в комнатах ваших родственников на полчаса. Потом обсудим, есть ли какие-то странности и несоответствия.

Это была хорошая идея. Барона с самого начала что-то смущало в вещах квесторов – но он никак не мог понять, что именно. Возможно, родственники сумеют подсказать ответ. А даже если не сумеют... Конрад намеревался с пользой потратить эти полчаса. Идея формально отстранить его от дела, чтобы обер-квизитор, как частное лицо и собрат по несчастью, мог легче войти в доверие к родственникам погибших, имела один-единственный изъян.

Злополучные письма.

Конраду и его высоким покровителям позарез нужно знать их содержание. Но не обратись же в лоб: «Любезный граф, разрешите взглянуть на полученное вами письмецо?» А Ривердейл в ответ: «Позвольте, дорогой барон! Вы ведь сами получили точно такое же! Или не получили?» Правда сразу сведет на нет все преимущества «частного лица и собрата по несчастью». Граф – человек наивный, доверчивый, и тем не менее... «Ах, вы не получали письма? Выходит, таинственный доброжелатель не хотел вашего присутствия здесь? Не счел, значит, нужным... Так с какой стати нам делиться с вами?..»

Заявить честно и прямо, что письмо, скорее всего, пришло к Хальдригу, отцу Германа? Провальная затея. Эти люди с братцем Хальдригом незнакомы. И спишут любые объяснения на банальную вражду двух братьев, столь частую не только в балладах, но и в жизни. Доведись им выбирать между далеким Хальдригом с письмом и близким Конрадом без письма...

Барон трезво смотрел на вещи, не преувеличивая симпатию всех без исключения сословий к сотрудникам Бдительного Приказа. Рано или поздно возникнет ситуация, когда выяснится: обер-квизитор – не белый рыцарь, а «белая ворона».

Никем не замечен (вездесущий стряпчий, к счастью, ушел обедать), барон решительно прокрался на Черную половину. Можно было позаимствовать у хозяина запасные ключи под

расписку о неразглашении... Но Трепчик-младший – король болтунов. Распиской его не удержать. Замки на дверях пустячные, а у всякого честного квизитора всегда при себе набор отмычек. Отмычкой барон владел не хуже, чем саблей. Даже брал призы на ведомственных турнирах им. Арнольда Шнифера.

Итак, до чьего письма легче добраться?

Граф? Он, скорее всего, носит послание с собой: обшлага рукавов, накладные карманы кафтана, кошелек – есть куда положить. Значит, граф отпадает. На деле же барону просто не хотелось шарить в апартаментах Ривердейла. Он проникся к старику искренней симпатией. С точки зрения закона все равно, чью дверь взломать, но рыться в вещах рассеянного, добродушного аристократа, много старше тебя годами и выше происхождением... Закон и польза, честь и необходимость вступили в шумный, малоприятный спор. Хорошо профосам Надзора Семерых – их такие противоречия не беспокоят!

А вот у Аглаи Вертенны никаких карманов точно нет.

И узлы карга оставила в покоех.

Номера апартаментов, где остановились граф и старуха, обер-квизитор помнил прекрасно. Номер Марии Форзац выяснил, проходя через холл и заглянув в лежавшую на конторке книгу. Однако в комнату предполагаемой чародейки благоразумно решил не соваться.

В тених коридора Черной половины он не чувствовал себя лишним, как в Белом крыле гостиницы. Так, ощущался легкий дискомфорт. В Майорате рыцари Ордена, надо полагать, годами живут в подобных условиях, да еще и ведут себя соответственно. Недолго и умом повредиться. Доброволец Ордена Зари, по мнению Конрада, априори являлся чудаком со странностями. Прав боевой маг Кольраун: идеальным Добру и Злу место в резервации.

Иначе все мы поселимся в большом «Приюте героев».

Он наскоро огляделся, прежде чем присесть на корточки перед нужной дверью. Коридор был пуст. Перебрав связку, Конрад безошибочно выбрал нужную отмычку. Мельком пожалел о новом маникюрном наборе, оставленном в собственных апартаментах: полировальная пилочка подошла бы лучше. Ну да ладно... Узкая полоска стали скользнула в замочную скважину. Хитрая нарезка вцепилась замку в потроха. Теперь дожать... четверть оборота вправо... глубже... и вправо до упора.

Есть!

С легким щелчком замок открылся.

На всякий случай оглянувшись еще раз и никого не заметив, обер-квизитор мышкой юркнул в покои старухи.

* * *

Обиталище Аглаи Вертенны выглядело скромнее баронского. Впрочем, гордыня была чужда фон Шмуцу. Его взгляд буквально ощупывал комнату, запоминая точное расположение предметов – дабы восстановить «равновесие» по окончании негласного обыска. Именно так звали в Бдительном Приказе проникновение без ордера прокуратора.

Спустя минуту обер-квизитор принялся, выражаясь южнореттийским воровским жаргоном, «нышпорить по шухлядах». На счастье барона, карга успела распаковать свои обильные пожитки и разложить-развесить все, что считала нужным, в образцовом порядке. Удивительно для вредной скандалистки, но облегчает работу сыщика. Ну-с, что мы имеем из имущества прелестной бабуся?

Дюжина пузырьков и баночек с разноцветными жидкостями и мазями.

Две большие шкатулки ручной работы, с идентичными наборами веретен в каждой.

Два свернутых в кольцо ремня мягкой кожи, без пряжек и застежек, с утолщениями посредине.

Три кошель с мраморными шариками для игры в «шибздик».
Мешочек с булавками, нитками, иглками и прочей дребеденью.
Старинный роговый гребень; позолота стерлась от времени.

И, наконец, в потайном кармашке дряхлой котомки – лист плотной бумаги, сложенный вчетверо.

В сортах бумаги Конрад разбирался хорошо. Он сразу определил: желтизна листа – не признак ветхости или скверного качества. Сорт «Верже Алехандро» с благородным отливом в желток стоил дорого, приобрести такую бумагу можно было лишь в лавках Цеха Каллиграфов.

Обер-квизитор тщательно ликвидировал следы изысканий – и развернул листок.

«Почтенная госпожа Аглая!

Сим спешу довести до Вашего сведения, что любимая внучка Ваша, Лайза Вертенна, не только опрометчиво вступила в Орден Зари, что Вам, по-видимому, известно, но также была замечена в...»

Шум в коридоре Конрад услышал за несколько мгновений до того, как дверь в комнату с грохотом распахнулась. Обер-квизитор едва успел сунуть письмо на место, захлопнуть стеной шкаф, где стояла котомка, и отпрыгнуть к окну. «Увидел, что дверь приоткрыта, решил заглянуть – вдруг воришка забрался?..» Объяснение натянутое, но, в целом, приемлемое. Старуха, правда, недоверчива...

– Собака! Там собака! Большая! Огромная!

В комнату вломилась бешеная радуга. Взъерошенный, рыжий, веснушчатый, совершенно незнакомый барону детина принялся лихорадочно запирать дверь на щеколду. В алой блузе, подпоясанной лазурным кушаком, в шароварах густо-болотного цвета, он потрясал воображение. Швырнув на кровать грязную суму, гость трясся от испуга. Видимо, боялся, что «огромная собака» вломится следом. Дверь открывалась наружу, собака никак не могла ворваться сюда, но детине было не до логических умозаключений.

Щеколда плясала и выворачивалась из толстых пальцев.

На миг прервав судороги, детина обернулся к Конраду.

– Во-о-от такенная собака! – Он отчаянно развел руки. Судя по размаху, собака уродилась размером со стог сена. Трус выглядел лет на тридцать, но конопатое лицо коверкал страх маленького ребенка.

Конрад подошел и помог несчастному разобраться со щеколдой.

Счастливо отдуваясь, детина рукавом отер со лба пот. И вдруг с недоумением уставился на барона, словно впервые его увидел.

– Что ты делаешь в моей комнате, сударь?

Несмотря на щекотливость ситуации, барона начал разбирать истерический смех.

– Вы уверены, что это ваша комната?

– А чья же еще?

Решив не уточнять, в чьей именно комнате они оба находятся, Конрад продолжил игру «вопрос на вопрос»:

– Вы живете в этой гостинице, сударь?

– Да!

– В каких апартаментах?

– В этих!

По правилам игры, ответивший вместо вопроса утверждением – проигрывал. Но рыжий проигравшим себя не считал.

– Цифра на дверях ваших апартаментов какая?

– Цифра? Н-не знаю... – детина моментально растерял недавнюю уверенность. – А-а, цифра!

Он просиял, звонко хлопнув ладонью по лбу. Словно комара пришиб.

– Хозяин сказал: номер одиннадцать на Черной стороне. Это Черная сторона?

– Черная. Только номер не одиннадцатый, а восьмой.

– Ох, блин катаный! Виноват! Выходит, я к тебе вломился... Беда-то какая! Что ж теперь делать?

– Наверное, идти искать свой номер, – пожал плечами барон.

– Ну да! А собака?!

– Вы уверены, что она вас ждет? Хорошо, я пойду первым.

Отодвигая щеколду, Конрад чувствовал себя участником дурацкого фарса. Рыцарь Утренней Зари вызволяет жертву из лап Черного Аспида... Овал Небес! Предчувствия его не обманули. Аспид во плоти действительно поджидал в коридоре!

У стены, заложив руки за спину, стоял стряпчий Фернан Тэрц.

Из всех возможных свидетелей негласного обыска – самый нежелательный.

– Что здесь происходит? – риторически спросил Тэрц.

– Это я во всем виноват! – радостно гаркнул рыжий, вываливаясь в коридор. Суму детина успел опять водрузить на могучее плечо. – Собака! Тут была злая собака! А я вломился в чужой номер! А этот благодетель меня спас! А собака убежала...

Стряпчий шагнул вперед, готовясь к длительному общению, но с лестницы донеслось:

– Немедленно! Где здесь барон фон Шмуц?! Я хочу видеть этого человека!

Скажи Конраду кто-нибудь еще вчера, что он будет рад появлению буйного корнета Лефевра – ни за что бы не поверил!

* * *

– Я требую объяснений, сударь!

Сегодня корнет был сам на себя не похож. Пылкий, оскорбленный, чего-то требующий – все как обычно. Но присутствовал в конном прашнике Франце Лефевре некий надлом. Томила тайная червоточина. Ел поедом злобный хорек сомнений. Лицо осунулось, выправка увяла. И страстный огонь во взоре гнусно коптил.

Даже султан на кивере, возвышаясь над помпоном, скорбно качал пучком китового уса.

– Как вы мне надоели, сударь! – честно вздохнул барон, чувствуя, что мимо воли проникается сочувствием к мальчишке, переживающему тяжелый период крушения иллюзий. – От второй дуэли я категорически отказываюсь, имейте в виду. Меня в спец-арсенале запрут на веки вечные... Слушайте, зачем вы меня преследуете? Фехтовать не с кем?!

– Вы!.. вы... – корнет задохнулся. Кровь бросилась ему в лицо и сразу отхлынула. Юноша был невменяем. – Идемте! Да, да, сударь! Идите за мной!

Схватив барона за руку, он потащил добычу на улицу. Конрад не сопротивлялся.

– Вот! Смотрите!

На фонаре, обвитом змеей, белело объявление. Прямоугольный листок бумаги, приклеенный с тщательностью сумасшедшего: ни уголка не торчало, ни краешка. Неживой, твердый почерк, ровные ряды предложений словно пехота на плацу – все это было хорошо знакомо барону. Если ты записной дуэлянт и служишь в Бдительном Приказе, такие штуки выучиваешь наизусть и узнаешь с первого взгляда.

– Читайте, сударь!

– Корнет полка конных прашников, – зачитал барон скучным тоном, заранее зная содержание листовки, – Франц Лефевр в итоге дуэли с бароном фон Шмуцем, обер-квизитором...

– Дальше! Читайте дальше! Это уже по всему городу висит!

Подобные резюме – в рамках Дуэльного Кодекса, статья «Поощрение и наказание» – учредил высочайшим указом Ромуальд Грозный, прадед Эдварда II. Поскольку дуэль на саб-

лях-болтушках не приводила к телесным повреждениям, заметным для населения, а потому радостным для победителя и позорным для побежденного, синклиту магов-консультантов вменялась разработка соответствующего эрзац-заменителя. Конкурс выиграл волхв-радетель Джошуа Магарыч, очаровав стилос и восковый таблетон особо извращенным образом. Во время дуэли все сведения о результатах горели под стилосом темным пламенем и нечувствительно переносились в канцелярию Приказа, где размножались методом «*librorum impressio*». Прикормленные гении-табеллариусы разносили листовки по Реттии и расклеивали на столбах в достаточном количестве.

Таким образом любой, желающий получить законное удовлетворение от господ квизиторов, рисковал не шкурой, но репутацией.

– ...был опозорен семь раз против одного косвенного позора...

– Вы издеваетесь? Дальше!

– Теофиль Стомачек, он же Гвоздила... опозорен шестнадцать раз...

– Дальше, сударь! Извольте не останавливаться!

– Сыка Пайдар, он же Яцек Малява... дюжина прямых позоров и три косвенных... бездельник Феликс Шахрай... опозорен восемь раз...

Волосы на голове Конрада встали дыбом. Он совершенно забыл, что данные о расправе над подлыми грабителями отправятся в канцелярию тем же нечувственным путем, что и сведения о дуэли с Лефевром. Где будут зафиксированы, размножены и отправлены в народ. Неодушевленный метод «*librorum impressio*» в текст не вникает, а гениям-табеллариусам объявления читать недосуг. Разнесли, расклеили, и баста.

А Кримхильда с Брюнхильдой?! Вот же стервы!

Хоть бы напомнили, болтушки...

– Вот!.. – Восклицательные знаки в речи корнета поникли, изогнулись от горя наподобие вопросительных. – Вот, сударь... не ожидал от вас, право слово, не ожидал... А еще честный человек, первый ранг заслужили...

– Простите, Лефевр! Ради Вечного Странника, простите! Это в переулке... они измывались над беспомощным стариком... я не мог пройти мимо...

– Я вам верю, сударь. И тем не менее...

Корнет отчетливо всхлипнул.

– Руки не подают... смеются!.. говорят, будто я вас испугался. Со страху и привел на дуэль компаньонов... бандитов... чтобы вас, сударь, целой шайкой убивать! А мои секунданты бранятся... грозятся шею мне... намылить!

– За что?!

– В полку теперь думают, что это – они...

– Кто – они?!

– Эти ваши... Гвоздила, Малява... под псевдонимами, значит, явились... в драку полезли... честь офицера позорят... Прапорщика Роцека «малявой» задразнили! Полковник Фраух назначил служебное расследование... Помогите, сударь!.. честью заклинаю, помогите... пропаду ведь...

Барон пинком распахнул двери «Приюта героев»:

– Хозяин! Лист бумаги, перо, чернила! Живо!

Полковник Рихард Фраух был добрым знакомым Конрада. Они временами спорили о париках: барон предпочитал малый, с буклями и косицей, а полковник любил старомодные и громоздкие «лябины». Эти разногласия лишь улучшали отношения. Личного письма вполне хватит, чтобы уладить дело безвинно пострадавшего корнета.

Хотя, как говорит прокуратор Цимбал, наказаний без вины не бывает.

Spatium IV

Сведения о пропавших квесторах, или Синописис архивов Бдительного Приказа

Агнешка Малая, девятнадцать лет, из оседлых хомолюпусов Глухой Пущи. Семья многодетная, но не бедствующая. Отца потеряла в детстве: участвуя в подпольных собачьих боях, скрывший от арбитров свое происхождение, Стоян Малой был загрызен Намнетом III, ублюдком ротвейлера и акитасу. Войт Глухой Пущи, потакая устроителям боев за долю с выплат, делу хода не дал, оформив гибель Стояна как естественную смерть от удушья. Семейство Малых не настаивало на разбирательстве, удовлетворившись вирой. Хозяин Намнета III, спустя месяц обнаружив любимца разорванным в клочья, пытался жаловаться, бранил публично дикий обычай кровной мести, пьяный, хулил беспринципных оборотней, превративших искусство собачьих боев в сточную канаву, но вскоре покинул область Пущи в спешном порядке, без объяснения причин.

На дверях его дома за два дня до бегства кто-то неизвестный вырезал на старореттийском: «*Homo homini lupus est!*»

С двенадцати лет, достигнув совершеннолетия, Агнешка устроилась наемной овчаркой сперва к братьям-гуртовщикам Сошникам, гонявшим овец от Пущи на Ятрицу, а через три года – в бычий гурт Енца Хромого. Как известно, молодые бычки, перегоняемые на скотобойни, упрямы, своевольны и склонны к побегу, посему у собак много забот с норовистым скотом, крупным и рогатым. Гуртовщик-человек в данной ситуации, если такое сравнение приемлемо, выступает в роли «короля», а собака – в роли «канцлера», уступающего только «королю» и не дающего спуска остальному гурту. Согласно мнению Енца Хромого, хомолюпусы наилучшим образом соответствуют этому раскладу сил, избегая пустых конфликтов.

Рекомендации Енца – превосходные.

В личной беседе добавил: похотлива, но без последствий.

Острое чувство справедливости, желание защищать слабых, видимо, связанное с ранней безотцовщиной; боязнь иметь детей, ибо мир зол к детенышам. Гуртовщики звали Агнешку «оберегом», полагая, что она приносит удачу...

В Орден Зари вступила по собственному желанию.

Джеймс Ривердейл, виконт Треццо. Двадцать три года. Отличный фехтовальщик, ученик маэстро Франтишека Челлини. Излюбленное оружие: два клинка разной длины, чаще – рапира и дага. Прошел полный курс в хомобестиарии храма Шестирукого Кри. Предпочтительные психо-мутации: гноль, стоким, гарпия. От предложения вступить в гвардейскую роту охраны дворца под командованием Рауля Десареца с дальнейшим продвижением в полк лейб-стражи Рудольфа Штернблада – отказался. От предложения Кристоальда Скуны остаться при храме в качестве эксперта – отказался.

Отзыв мага Скуны: «Идеалист, романтик, но живуч».

Восемь дуэлей, все без смертельного исхода.

Энергичен, вспыльчив, отходчив.

В Орден Зари вступил по собственному желанию.

Лайза Вертенна, из нетитулованных нобилитов Альгамбры. Двадцать четыре года. Род ведет от крупного землевладельца Саймона Вертенны, начинавшего как торговец рабами. При диктаторе Клавдии Добродушном группа богатых, но не могущих похвастаться родовитостью жителей Альгамбры вступила в союз с рядом знатных патрициев, закрепив союз межсослов-

ными браками. В итоге образовалось новое сословие нобилитов, с правом избираться в альгамбровский сенат, занимать высокие государственные должности, иметь льготы в налоговом реестре и делать священный татуаж на костяшках пальцев.

В нарушение семейных традиций, юная Лайза от татуажа отказалась и, накануне свадьбы с сыном владельца ювелирной мастерской, бежала из дому, избрав путь воительницы.

Отец пострадавшего жениха заметил, что в семье не без уроды, а в семье Вертеннов – не без двух. И пояснил, что имеет в виду бабушку невесты, Аглаю Вертенну, чье дурное влияние на внука очевидно. Вскоре оба ювелира, отец и сын, а также трое телохранителей, были жестоко избиты пожилой женщиной. Принимая во внимание возраст Аглаи и нанесенное ей оскорбление, Верховный суд Альгамбры ограничился недельным домашним арестом и выкупом за увечья.

Лицензия вольных метателей выдана Лайзе Вертенне тарденским «Союзом пера» без ограничения срока и дополнительных условий.

За пять лет дослужилась до капитана отряда.

Многочисленная обладательница «Золотой Стрелы Реттии».

Спокойна, уравновешенна, аккуратна. Дисциплину в отряде наводила железной рукой. Фанатик порядка – в любом его проявлении.

В Орден Зари вступила по собственному желанию.

Кристофер Форзац, магистр, м. в. к. Двадцать четыре года. Самый молодой маг высшей квалификации в Реттии. Окончил столичный Универмаг экстерном, с отличием. Профиль: некромант-вербовщик. Специализация: разверзание могил. Диссертат «Особенности групповой зомбификации». От предложения возглавить отдел снабжения в Чурихе – отказался. От предложения доцента Матиаса Кручека сменить профиль, оставшись на кафедре демонологии, – отказался.

Во время Больших Устричных войн снабжал обе противоборствующие стороны диверсионными отрядами «бессмертных», умело опустошая подручные кладбища. После подписания Худого мира посвятил три года теоретическим изысканиям.

Превосходно играет на лютне и бомбилуме.

Знает древней поэзии. Не раз поднимал поэтов прошлого с единственной целью: обсудить каноны пейзажной лирики.

Честен, изобретателен, законопослушен. Тонкая душевная организация.

В Орден Зари вступил по собственному желанию.

Санчес Панчоха, вор. Точный возраст неизвестен. Место рождения неизвестно. Отец неизвестен. По материнской линии происходит из горцев Рагнарского ущелья, но сведения расплывчаты. Эксперт по запорным устройствам, обладатель почетной грамоты Синдиката Маландринов. Трижды судим; трижды оправдан за недостатком улик. Четыре года назад, переехав в Ятрицу, вступил в общину обеляров, иначе сусунитов; спустя год покинул город, разошедшись во взглядах с Пьером-Бенедиктом Качкой, премьер-пастырем общины. В преступной среде уважаем за мастерство, но, по слухам, одновременно с уходом в сусуниты завязал (недостовечно).

Противоречив, насмешлив, непредсказуем.

Любимец женщин.

В Орден Зари вступил по собственному желанию.

Герман фон Шмуц, сын Хальдрига Разбойника и Элен Винценской. Двадцать два года. Племянник барона Конрада фон Шмуца, обер-квизитора первого ранга. Стратег-универсал с

высшим образованием. С отличием окончил магистратуру университета в Бравалле, факультет фундаментальной стратегии.

С отцом в конфликте...

Caput V

«Эй, в поход, друзья убогие, колчерукие, безногие, – глупый будет атаман...»

Уронив бумаги на стол, барон откинулся на спинку кресла.

Чернота апартаментов вселяла меланхолию и дурное расположение духа. Краткие биографии квесторов ни на шаг не приближали к разгадке. Опрос стражи ничего не дал, о чем сообщалось в отдельном рапорте. Телеги с телами квесторов будто дракон хвостом смахнул. Магическими способами трупы не уничтожались и не перебрасывались в пространстве: такой выброс маны волхвы-локаторы Тихого Трибунала засекали бы мгновенно. Старая заковыка: «Нет трупа – нет дела». Если бы не случайная находка обсервера с записями; если бы не героический поступок вигиллы, рискнувшей считать остаточные эманации ауры... Квесторов объявили бы пропавшими без вести, убийство сочли недоказанным, а значит, и следствие велось бы спустя рукава.

На что злоумышленники и рассчитывали, увозя тела убитых.

Барон зажмурился. Темнота под веками успокаивала, в отличие от комнаты-чернильницы. Инфернальная гармония сфер в личном пользовании. Генеральный психот Приказа, милейший Джакомо Паванца, в частных душещепательных беседах называл это «тоской по утробе», рекомендуя длительный отпуск на водах.

Или краткий, но горький запой.

Барон открыл глаза и вздохнул. Отпуск, запой... Пустые мечты о прекрасном. Машинально перебирая бумаги, он наткнулся на еще один конверт, которого раньше не заметил. Адрес, прямой или обратный, на конверте отсутствовал. На лицевой стороне в красном сургуче красовался оттиск печати: грифон сердито разинул клюв. Символ, для человека знающего более чем ясный: опасность. Плюс слегка фамильярное предостережение: «Не щелкай клювом!»

В Бдительном Приказе пакеты всегда надписывали. Намеки и аллюзии здесь не поощрялись. Генриэтта весточку прислала? Ладно, поглядим...

Плотный желтоватый лист бумаги, сложенный вчетверо. «Верже Алехандро» с отливом в желток. Буквально час назад барон держал в руках его брата-близнеца. Почерк тоже оказался знакомым.

«Барону Конраду фон Шмуцу, лично в руки.

Ваша светлость!

Сим спешу довести до Вашего сведения, что Ваш брат Хальдриг является черствым болваном, позорно равнодушным к судьбе собственного сына. Последнее, впрочем, Вам наверняка известно. Посему переадресую это послание Вам. Я знаю, Вам уже известно, что Герман опрометчиво вступил в пресловутый Орден Зари, встав на путь трагической гибели. Однако, как близкому родственнику погибшего, а также как обер-квизитору Бдительного Приказа, Вам будет небезынтересно узнать дополнительные обстоятельства, имеющие касательство к данному делу...»

– Эй, светлость!

Барон поднял голову. Хотя больше хотелось поднять что-нибудь тяжелое и запустить в гостя. Второй раз подряд оборвать чтение заветного письма – это слишком даже для кроткого аскета.

– Светлость, слышь, чего скажу... Там наши собрались. Только тебя и ждут.

В дверях, загородив весь проем, а макушкой упираясь в притолоку, торчал рыжий дурак-кинофоб. Оскалив крепкие, белоснежные – и чуждые на Черной половине! – зубы, он приветливо улыбался. Из-под ворота алой блузы детина выпростал массивное ожерелье, сделанное из ярких камешков и речных раковин-перламутриц. Вот, дескать, чего у меня есть! Завидуйте...

Конрад тоскливо вздохнул. Бессмысленно объяснять этому красавцу разницу между «Эй, светлость!» и «Ваша светлость!», или даже «Простите, ваша светлость, за беспокойство...». Удивится, моргнет пушистыми ресницами, тряхнет ожерельем, на том образование и закончится.

– Заждались наши, говорю. Меня отрядили: звать...

– Сударь, вы уверены, что у нас с вами есть какие-то общие «наши»? Или вы про огромных и злых собак? Защита от домашних животных не входит в обязанности Бдительного Приказа...

Не удержался. Полез в свиной ряд с бархатным сарказмом и золоченой иронией. Не жалуйся теперь, если богатство измажется в навозе.

– Зря, – словно подслушав мысли барона, вдруг сказал детина.

Шагнул за порог. Видимо, был суеверным: передавать друг другу вещи, деньги и даже просто слова через порог считалось дурной приметой.

– Зря обижаешь, светлость. Есть у нас с тобой и наши, и не наши. И беда есть, одна на всех. Идешь или как?

Он по-прежнему улыбался: спокойно, беззлобно.

– Как вас зовут, сударь?

– Это тебя зовут, светлость, – бодро отрапортовал рыжий дурень. – Не въехал? Это бывает, с устатку... Может, кликнуть хозяина? Пусть рассольчику спроторит...

– Вот я, например, барон фон Шмуц, – внятно, по складам, как ребенку, разъяснил Конрад, для убедительности ткнув себя в грудь пальцем. – А ты кто?

Конопатая рожа детины расплылась еще шире.

– Ух ты! Барон! Настоящий! А они мне: ты, Кош, говори ему «светлость», не то по шее наkostenяет! А ты никакая не светлость, ты цельный барон!

Уже легче. Значит, зовут болвана Кошем.

– Да, я барон. А ты, Кош, кто?

– А я не барон! Не-а, не барон я, мамой клянусь...

– Слушай, малый, ты мне всю печенку...

– Во! Точно! А откуда ты, светлость, вызнал, что я Малый? Только у нас, в Глухой Пуще, говорят не Малый, а Малой. Кош я Малой, за сестренкой сюда бегом бежал. А наши говорят: нет твоей сестренки. Пропала Агнешка, сгинула...

Детина пригорюнился, без цели играя ожерельем. Веснушки побледнели, на скулах выперлись желваки. Барон смотрел на старшего брата Агнешки-квестора, и в мозгу кубарем вертелся обрывок скудных архивных сведений: «Из оседлых хомолюпусов Глухой Пущи». Эхом, вдалеке, вторил крик рыжего: «Там собака! Большая! Огромная!»

Этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда.

Оборотень боится собак?! Сын Стояна Малого, участника собачьих боев?! Или после трагической гибели отца у юноши-хомолюпуса возник стойкий ужас... Чушь! Это песье племя, если не считать специально обученных бойцов, оборотней за версту обходит. А вдруг сцена в покоях старухи Вертенны была ловким представлением? Сделал вид, что испугался пса-невидимки, вломился, наврал с три короба...

Зачем?!

В юности Конрада, когда он служил младшим товарищем квизитора Лепуна, человека строгого, но отходчивого, король Эдвард I принял к рассмотрению челобитную трех стайных вожаков, иначе «волчьих князей», – Дрэвца Кэлдераря, Лексы Мануша и дряхлого деда Вайды.

Нижайше припадая к стопам его величества, вожак оборотней умоляли очертить для их стай «рубеж оседлости» с дальнейшим предоставлением реттийского гражданства. Вверяют, значит, судьбы, клянутся в верности и законопослушании; обязуются при кормлении в лес не глядеть. Король снизошел к мольбам оборотней. Он вообще был просвещенным монархом: писал стихи, изучал труды философов, хотел отменить смертную казнь, но после «Дела о Майтракском людоеде» передумал. Короче, западная часть Глухой Пуши, Ближние Луговцы и Шнарант, граничащий с Филькиным бором, королевским указом отошли для расселения оседлых хомолюпусов.

Так их стали звать в отличие от хомолюпусов диких, внесловных, гражданства лишенных, а посему доступных к облавам и гонам по лицензии Департамента Ловитвы.

Лет через десять, при Эдварде II, оседлые хомолюпусы добились почетного права службы в армии, а кое-кто из «волчьих князей» получил дворянство. Например, Лекса Мануш, под Вернской цитаделью возглавлявший «эскадрон смерти», сформированный из соплеменников Мануша. Сей заградотряд больше двух часов удерживал прорыв «оловянных солдатиков», пока капитан Штернблад не пробился сквозь ряды мертвецов-гвардейцев, которые не погибали и не сдавались, и не зарубил собственноручно мага-ренегата Юшика Бренбоу. Мерзавец даже за миг до гибели продолжал лить олово в формочки и слать големов в бой.

Капитана его величество лично расцеловали в обе щеки, а Лекса обрел грамоту на дворянство и заветный постфикс «эск.», то есть эскавайр.

– Что ж ты от собак шарахаешься, Кош Малой? Не стыдно?

Детина потупился. Дернул ожерелье, чуть не разорвал.

– Стыдно... – на щеках оборотня вспыхнул густо-свекольный румянец. – Шибко стыдно, светлость. Да в семье не без урода. Я вот он и есть, урод...

– Ладно, пошли, раз наши ждут. Заболтались мы с тобой...

Барон сунул заветный листок за обшлаг рукава. Теперь, при наличии письма – кто бы его ни подбросил, друг или враг, – можно было спокойно «вписываться» в компанию съехавшихся родичей.

Свой среди своих.

Вышагивая по коридору и гордо неся доверенный ему канделябр, чудной хомолюпус Кош внезапно хлопнул себя рукой по лбу. К счастью, не той рукой, в которой был подсвечник, иначе жди беды.

– О! Башка дырявая! Спасибо тебе, светлость, забыл сказать!

– За что? – не понял барон. – За спасение от злой собаки?

– Не-а! Собака эта гадская, она сама ушла... С хорошим человеком ты меня познакомил! Меня мамка учила: кто тебя, Кош, ты мой, умница, с хорошим человеком сведет, ты тому в ножки кланяйся! Хороший человек лучше мешка золота!

В душу обер-квизитора закралось страшное подозрение.

– И кто же этот хороший человек?

– Стряпчий! Такие штуки рассказывает – обалдеть! Про молочницу одну... как ее?... а-а, Колодзябчик!... хо-хо-хо, смешно...

Пол под ногами закачался. Гадюка-стряпчий бросил ядовитое семя в благодатную землю. Урожай драконьих клыков не заставил долго ждать.

– Стряпчий сказал: померла она на днях, молочница...

«Хвала Вечному Страннику!» – едва не подвел итог фон Шмуц, меньше всего желая повторения истории о многородящей молочнице Колодзябчик.

– А на похоронах, значит, возьми покойница и восстань из гроба. Хо-хо-хо! Ее зарывают, а она встает. Потеха! Народишко врассыпную, кто посмелее, осину на колья рубит... Ничего, обошлось. Она не мертвенькая была, Колодзябчик, – детина выговаривал фамилию треклятой молочницы со вкусом, по-детски присвистывая на середине. – Спала она, и всех дел!

Канделябром он размахивал в такт рассказу, нимало не заботясь о горячем воске, брызжущем со свеч. С картин, развешанных по стенам, на Коша угрюмо любовались всяческие черные силы, с оружием в руках отстаивая идеалы Абсолютного Зла. Видимо, чуяли родственную душу.

– У ней эта была... литра... лепра... литургия, во!

– Летаргия, – поправил барон. – Долгий сон, похожий на смерть.

– Точно! Очухалась баба, и домой! А дома муж – пьяница, на похороны не пошел... Женка на порог, а он, дурила, женку не узнает! Забыл! Как звать, не помнит, сколько лет, не помнит... И про детей забыл, которых она ему, пьянчуге, нарожала. Старший сын батьке в рожу двинул – нет, все равно не помнит. Вконец ум пропил. Стряпчий сказал: не к добру это. Жди, значит, конца света.

Детина напрягся, пустил ветры и с печалью развел руками.

Барон еле-еле успел увернуться от канделябра.

– Светлость, ты когда увидишь стряпчего, ты спроси, ладно? Пусть он тебе тоже расскажет.

– Непременно, братец! – согласился Конрад.

И вошел в каминную залу за Кошем Малым.

* * *

– Как вы и просили, барон, мы осмотрели вещи. Ключи на столике у входа. Апартаменты мы, разумеется, заперли.

– Ценю вашу помощь!

Конрад поклонился и легким движением переправил ключи со столика в собственный карман. Заодно оценил предусмотрительность графа: Ривердейл уселся в самое массивное кресло, на безопасном удалении ото всех бьющихся предметов, имевшихся в зале.

– С любезным Кошем вы, барон, как я понимаю, уже знакомы? Остался еще один – и мы будем в полном сборе. Не подскажите, как звали шестого квестора?

– Санчес Панчоха. Думаю, граф, шестого родича мы не дождемся.

– Почему?

– Я навел ряд справок. Санчес Панчоха – вор. Если угодно, вор-идеалист. Отец неизвестен, теперешнее местонахождение матери – тоже. Честно говоря, вряд ли сюда явится кто-нибудь из лидеров Синдиката Маландринов. В этой среде особые представления о чести и взаимовыручке. Особенно – в отношении идеалистов.

– Ваши напитки, господа!

В зале объявился Амадей Вольфганг Трепчик с подносом в руках. Хозяин ловко балансировал заказом – кружка пива с пенной шапкой, оловянный кубок, над которым курился парок, но само содержимое оставалось загадкой, узкий стеклянный бокал с красным вином и еще один бокал, приземистый и пузатый, с жидкостью янтарного цвета.

Конрад с первого взгляда опознал золотой ром.

Не дожидаясь, пока хозяин разнесет напитки, Кош Малой кинулся навстречу, ухватил кружку с пивом и блаженно приник к ней. Над верхней губой детины образовались замечательные «усы» из пены.

– А мне, значит, неуважение? Стылое питье приволок?! – злобно скрипнула из угла Аглая Вертенна. – Велела стоеросу: горячее подавай! Так нет же: стылое тащит! Формидонт те навстречу и крысий хвост в печенку!

Ругаясь, старуха жестикулировала странным образом. Левой рукой она кругами поглаживала себя по животу, а правой – стучала по подлокотнику кресла. Ритм получался рваный, сложный, вызывающий раздражение. Зато круги выходили плавные и успокаивающие. Барон

вздрагнул и отвернулся. Несмотря на долгие годы службы, он не уставал поражаться беспричинной вредности человеческой. Не пробуя, увериться, что хозяин несет «стылое»? Когда из кубка явственно идет пар?!

Природная склонность причин не ищет.

– Виноват, сударыня! Сей момент вскипятим! И корички, розмаринчику... А вы чего изволите, ваша светлость?

– Ром «Претиозо». Доставленный сюда моим камердинером.

– Как и его сиятельству, – с удовлетворением кивнул Трепчик.

Поймав удивленный взгляд барона, он пояснил:

– У меня, ваша светлость, и без чужих камердинеров погреба битком набиты. Могли бы не беспокоиться зря...

Раздав напитки, он выкатился из залы с одиноким старухиным кубком на подносе.

– Итак, дамы и господа, приступим. Прошу вас, граф.

Ривердейл задумчиво огладил бородку, собираясь с мыслями.

– Знаете, барон, ничего особо примечательного в вещах внука я не обнаружил. Кроме пустяка. Два клинка, палаш и дага, показались мне... как бы это точнее выразиться?.. Поверьте, Джеймс чудесно разбирается в оружии. А эти клинки... флорингеннская сталь, участки несошлифованной окалины... узор «криптомерия»... Могу лишь предположить, что внук изрядно поиздержался на пути Добра, если решился приобрести подобное... э-э-э... оружие. Ох, простите, хозяин принес слишком полный бокал!

– Благодарю вас. Мистрис Форзац? Вы ничего не хотите сказать?

Брюнетка словно очнулась. Отсутствующее выражение на миг покинуло ее красивое, но малоподвижное лицо.

– Нет.

– Вы уверены?

– Да.

И мистрис Форзац опять потеряла всякий интерес к происходящему.

– Благодарю вас. Отрицательный результат – тоже результат.

Конрад старательно хранил вежливую невозмутимость. Хотя беседа с этой дамой – удовольствие из сомнительных. А обращаться к старухе и вовсе не хотелось. Увы, жизнь соткана не из одних радостей.

– Что скажете вы, сударыня?

– Что скажу, что скажу!.. Нельзя перед походом новые покупать. Примета дурная. Говорила Лайзочке! – Старуха всхлипнула басом. – Ненадеванное у ней все, вот что я вам скажу!..

Барон не считал себя знатоком женских туалетов, но отличить новую вещь от ношеной был в состоянии. Он хорошо помнил, что в гардеробе Лайзы Вертенны имелись отнюдь не только новые вещи. Тем не менее уличать Аглаю Вертенну во лжи, случайной или намеренной, раздумал. Во избежание скандала.

– Примите мои благодарности. За добровольную помощь следствию.

– А я?!

Про рыжего детину Конрад, признаться, успел забыть – и, как выяснилось, напрасно.

– Слышь, светлость... А как же я?! Я помочь хочу! Вдруг из Агнешкиных тряпок чего поперли? Я глазастый! Ты не молчи, светлость, а? Ты ключ давай...

Обиженный хомолюпус вышел на охоту. Теперь не отстанет. Порывшись в кармане, барон отыскал нужный ключ и швырнул его Кошу:

– Белая сторона, шестой номер. Дверь не перепутай, глазастый!

Следующие пять минут они провели в молчании.

Это время обер-квизитор потратил, размышляя о письме, спрятанном за обшлагом рукава. Получалось, что в отсутствие барона кто-то проник в его покои и оставил там письмо.

Замки, как Конрад успел убедиться, в гостинице хлипкие. Впрочем, неизвестный мог и через окошко влезть. Осведомленность доброжелателя потрясала:

«...опрометчиво вступил в пресловутый Орден Зари, встав на путь трагической гибели. Однако Вам, как близкому родственнику погибшего...».

Таинственный гость знал, что квесторы погибли. Не ранены, похищены, пропали без вести – погибли. Если исключить версию, что письмо подброшено сообщником ночных злоумышленников, что остается? Автор письма в курсе содержимого шара-обсервера. Значит, маг. «...с шара снята копия; определить личность снимавшего доступными мне методами не представляется возможным». Хотя... Он мог получить закрытые сведения и другим, более прозаическим способом. От информированных лиц. От вигиллы или от высокопоставленных особ, проводящих досуг в термах прокуратора Цимбала.

Смутная тень незнакомца возникла в воображении. Мягким, кошачьим шагом прошла из угла в угол, заложив руки за спину.

Месроп Сэркис, председатель Тихого Трибунала?

Тень попыталась слиться с фигурой голого толстяка, сидящего на бортике бассейна. Получилось плохо, чтобы не сказать – никак.

Вильгельм Цимбал?

Результат совмещения снова не удовлетворил.

Его величество?

Тень поспешила ретироваться, забившись в чулан сознания.

Гувальд Мотлох? Рудольф Штернблад? Генриэтта?

Тень молча пряталась в чулане.

Кто ты, доброжелатель, умеющий снимать копии с магических шаров и считывать остаточные эманации ауры? Хозяин гостиницы? Любвеобильная повариха? Стряпчий? Кто-то из соседей? Из приехавших родичей? Мистрис Мария Форзац?... Нет, мать Кристофера приехала позже... Уличный крысук Феликс Шахрай?

Маска, откройся!

Ты рядом. За спиной.

Я чувствую твое дыхание.

* * *

И вдруг, судари мои, как и положено в балладах, случилась катавасия.

Слово «катавасия» означает на малабрийском «схождение». Если угодно, символическое схождение Запада и Востока, которым в остальных случаях не сойтись никак. На вечерних службах в храмах Вечного Странника так назывался припев, исполняемый двумя хорами одновременно. Трубадуры на турнирах, в свою очередь, не брезговали катавасией, разворачивая припевы в многолосье. А поскольку в самой чудесной компании один бездарен, другой не в голосе, третьему дракон на ухо наступил, четвертый пьян как сапожник, пятый задумался о бабах...

Вот и творилась катавасия.

Оратория не попад.

«Приют героев» был зданием солидным, а Черная зала – далека от места развернувшихся событий. В смысле идеалов можно сказать: абсолютно далека. Но голос первого солиста, пронзительный фальцет, вступив мощным крещендо со второго этажа Белой половины, барон узнал безошибочно.

– Откройте! Немедленно откройте! Грабеж среди бела дня, статья... параграф!..

Стряпчий Тэрц стоял на посту.

Второй голос, утробный бас, подхвативший вступление Тэрца, опознать не удалось.
– И-э-э-эх! Х-хы-ы!

Зато он прозвучал в сопровождении оркестра: грохот и треск. По аранжировке увертюры оставалось предположить, что в финале хозяину отеля придется оплатить починку лишней двери. Кстати, вот и наш друг: стенания Трепчика-младшего пошли из холла по коридорам и лестницам волной скорбного вибрато.

Трепчик дал отмашку целому хору певчих, только и ждавших команды:

– Держи!

– Держи вора!

Судя по нижним регистрам, располагался хор в противоположной, Белой зале. Яркая, экспрессивная секста в минорной гармонии, зазвучав одновременно с квинтовым тоном двери, выломанной вместе с косяком и притолокой, взвихрила острый диссонанс. Так в трагедии «Заря» открывается знаменитая «фанфара ужаса», контрастно предвосхищая будущую тему радости.

Позднее Конрад не раз задумывался: действительно ли он все это услышал, в мелочах и подробностях, или только уловил общую тональность чуткой квизиторской душой? А сейчас он просто кинулся прочь из Черной залы, сопровождаемый дополнительным дуэтом стариков, и понесся, помчался...

Думаете, на второй этаж? В эпицентр катавасии?!

Неверно думаете.

Вылетев из парадного входа на улицу, барон побежал вдоль светлой половины «Приюта», огибая здание, к IV тупику, куда выходили окна квесторских покоев. Интуиция мчалась рядом, одобрительно кивая. Интуиция знала: бежать надо не туда, где ломают, а туда, где бьют.

Она оказалась кругом права.

– Бей ворюгу! Ишь, зараза...

– Под дых ему!

– До печенок!

– Н-на!

Трудовая артель мастеров, ремонтирующих Белую залу, попрыгала в окно, сведя на нет усилия многих часов работы. Теперь они, сгрудившись в тупике, дружно мутузили пойманного сударя. Видимо, за время ремонта насквозь проникшись идеалами добра, мастера только и ждали возможности воплотить их в жизнь.

Пойманный сударь был одет ремесленником, соблюдая запрет на брыжи, буфы и перья; даже фартук на нем имелся – как и на большинстве трудяг. Сей факт лишь удваивал жажду возмездия:

– Оборотень!

– Честных людей позорить?

– Честных людей грабить?

– Н-на!

– Пр-р-рекратить! Бдительный Приказ! Отставить самосуд!

Тяжко дыша, мстители расступились, дав барону пройти к задержанному. Все было ясней ясного. Прикинувшись работником, ворюга приставил к стене стремянку и втихую забрался в открытое окно. Конрад задрал голову: к Герману лез, скотина! Стащил на пол покрывало, накидал вещичек... «Стратагемы» и те взял, позарился на дорогой переплет. А как спугнули, так и сиганул с добычей через подоконник. Ишь, вцепился в узел: не отодрать. Чуть до смерти не забили, впору молиться о блаженном пристанище! – нет, молчит и держит, мертвой хваткой...

Книга племянника, выпавшая из узла и растоптанная башмаками, окончательно лишила барона хладнокровия.

– Встать! Встать, мерзавец!

– Не могу, – угрюмо буркнул мерзавец. – Ногу сломал. Шиш бы эти, сервы драные, меня догнали, когда б не нога...

Вор поднял разбитое лицо, и Конрад узнал негодяя.

– Гвоздила?! Он же этот... как тебя?... Беглец-нелегал из Бадандена?

– Имя забыл? – Из-за выбитых зубов вор шепелявил. – Фартит тебе, хорт... Ниче, даст Нижняя Мамка, сочтемся...

Из окна ограбленных покоев высунулась сладкая парочка: стряпчий Тэрц и Кош Малой.

– Светлость! Вели хозяину не браниться! Ну, за дверь...

– Я вас предупреждал, ваша светлость! Не к добру!..

– Я злодея ловил! Он заперся, а я ловил... ну и дверь, значит...

– Помяните мое слово!

Глядя на раскрасневшуюся, полную охотничьего азарта физиономию Фернана Тэрца, барон вспомнил дурацкий рассказ стряпчего: «...Ворюге в Бадандене руку публично рубили... А рука возьми и вырасти заново, через неделю». Чувствуя себя деревянным болваном, Конрад внимательно посмотрел на вора-неудачника. Солнце светило ярко, тень беглеца-нелегала горбилась у ног, стараясь помочь, не дать отнять узел с добычей...

Овал Небес!

Обер-квизитор решил, что зрение играет с ним глупые шутки.

У тени вора было три руки.

* * *

Облачко набежало на диск светила. Барон моргнул и обнаружил, что тень превратилась в бесформенное пятно. словно неизвестный доброжелатель, желая сохранить рассудок Конрада в добром здравии, смял тень в кулаке, как комок мягкой глины.

– Пошлите за ликторами. – Усталость одолевала, но надо было держаться. – И проследите, чтоб злодей не сбежал. Нет, бить больше не надо... хватит с него.

Мальчишка-служба, посланный в ликторат, вернулся быстро. Ликтор-курьер встретился ему в четырех кварталах от гостиницы, а уличный патруль – возле рыбной лавки, где стражники любезничали с пухлой торговкой карпами и угрями. Конрад передал задержанного в цепкие руки правосудия, правосудие уложило вора на носилки, собранные из двух алебард и одного плаща, и унесло в кутузку.

Правосудие не отбрасывало странных теней, и с количеством рук у него проблем не возникало.

Временное недоразумение вышло с оформлением задержания. Записав краткие показания свидетелей, барон вдруг обнаружил, что действительно не в состоянии вспомнить имя вора. Вылетело из памяти шустрим воробышком. Чик-чирик... Теофрад... э-э... Тофиль Сточек, он же Михель Ловчила... нет, как-то иначе... чик... чирик... Спасение графа Ле Бреттэн, битва под фонарем – воспоминания начали мерцать, обнаруживая провалы, белые пятна... Грабителей было двое: крысук и Сыка Пайдар... Нет, трое! Конечно, трое! Вот этот сукин сын и есть третий соучастник: Трюфель Гнездила, он же...

Это от утомления. Бывает.

– Вам пакет из канцелярии Приказа, ваша светлость!

– Давай сюда, – барон шагнул к ликтору, заранее зная, что скрывается в принесенном пакете. Внезапно память очнулась от спячки, воробышек вернулся, шустро взявшись клевать крошку за крошкой. – Проклятье! Теофиль Стомачек, он же Гвоздила, он же Михаль Ловчик, из Бадандена! Вспомнил!

Ликтор, заискивающе улыбаясь, кивал обер-квизитору.

Дескать, вспомнили, вспомнили, чего кричать-то?..

А Конрад не мог отделаться от ощущения, что за углом, куда уволокли Гвоздилу, прячется трехрукая тень – и крутит, хохоча, целых шесть кукишей.

Вернувшись в залу, он схватил бокал рома, заблаговременно принесенный хозяином. Залпом выпил крепкий, отдающий ванилью «Претиозо»; упав в кресло, попытался расслабиться. На счастье барона, внимание честной компании занял Кош Малой: детина хвастался своей выдающейся ролью в поимке злоумышленника. Вынесенная дверь покоев в его изложении превращалась в ворота вражьей крепости, а стряпчий Фернан Тэрц, первым услышавший подозрительный шорох, – в трубача, который поднял спящий гарнизон на битву.

Граф восхищался, старуха Вертенна саркастически хмыкала, мистрис Форзац молчала.

– А я!.. флакон под мышку, и айда воевать!.. – в сотый раз начал Кош, но спохватился. – Светлость! Слышь, светлость! Я нашел! Нашел!

Светясь от гордости, он водрузил на столик флакон с перламутровой жидкостью.

– Вот! Нерожуха!

Вежливый граф сделал вид, что ничего не заметил. Карга хрипло расхохоталась. На каменном лице дамы возник слабый насмешливый интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.